

LEGEA ȘI VIAȚA

Publicație științifico-practică
ISSN 1810-309X

Întreprindere de stat
Fondator – Ministerul Justiției
al Republicii Moldova
Certificat de înregistrare
nr. 10202264 din 11.02.1993

Publicație acreditată de Consiliul
Suprem pentru Știință și Dezvoltare Tehnologică
al Academiei de Științe a Moldovei prin
Hotărârea nr. 61
din 30.04.2009
Reconfirmare prin Hotărârea nr.146 din 27 iunie 2013

Categoria C

Asociați: Curtea Constituțională, Curtea Supremă de
Justiție, Ministerul Afacerilor Interne, Ministerul
Sănătății, Institutul de Științe Penale și Criminologie
Aplicată, Institutul de Istorie, Stat și Drept al Academiei
de Științe a Moldovei, Academia „Ștefan cel Mare” a
MAI, Universitatea de Stat „B. P. Hasdeu” (Cahul),
Universitatea Slavonă, Universitatea „Spiru Haret”
(Constanța), Universitatea „Petre Andrei” (Iași),
Universitatea de Stat din Herson (Ucraina).

Se editează din ianuarie 1991
Nr. 12/3 (288) 2015

Redactor-șef L. Arsene

Colegiul de redacție:

Gh. Alecu, doctor în drept, prof. univ. (Constanța,
România); A. Armeanic, doctor în drept, conf. univ.;
V. Balmuş, doctor în drept; C. Bocancea, doctor în
drept, prof. univ. (Iași, România); V. Bujor, doctor
în drept, prof. univ.; A. Burian, doctor habilitat în
drept; T. Capșa, doctor în drept; Gh. Costachi, doctor
habilitat în drept, prof. univ.; I. Floander, doctor în
drept (Constanța, România); M. Gheorghiuță, doctor
habilitat în drept, prof. univ.; Gh. Gladchi, doctor
habilitat în drept; V. Guțuleac, doctor în drept, prof.
univ.; V. Florea, doctor în drept, prof. univ.; V. Moraru,
doctor în drept, prof. univ.; V. Naumov, redactor șef
adjunct; V. Popa, doctor habilitat în drept, prof.
univ.; V. Stratonov, doctor în drept, profesor (Herson,
Ucraina).

Adresa redacției:
Casa presei, et. 5 – 512; 515
str. Pușkin 22, mun. Chișinău, MD – 2012,
Republica Moldova
Tel.: 233 790; mob. 069190887;
234 132 (contabilitatea)

E-mail: publicare@legeasiviata.in.ua

Index: RM 77030

© Legea și viața

Pagina web: www.legeazakon.md
www.legeasiviata.in.ua

СОДЕРЖАНИЕ

- Галина БАГНЮК. Принцип гласности
уголовного судопроизводства
и средства массовой информации..... 3
- Галина БОГОНЮК. Объективная сторона
преступлений, которые препятствуют
исполнению судебного решения..... 7
- Елена БУБЛИК. Правовое регулирование труда
осужденных к лишению свободы в Украине.....11
- Олег БУЛУЛУКОВ. Цели и задачи
тактических решений в криминалистике.....15
- Денис ГОЛОВИН. Местные налоги и сборы
как особые налоговые преференции
территориальных общин.....19
- Андрей ДЖУМАК. Генезис уголовного
законодательства Украины за нарушение
установленных правил оборота наркотических
средств, психотропных веществ,
их аналогов и прекурсоров..... 23
- Яна ЗАДОРЖНАЯ. Способ совершения
административного проступка:
теоретико-правовой анализ..... 27
- Alla IVANOVA. International legal obligations
of states about the providing of realization
of international labor standards for seafarers.....30
- Владислав КАРЕЛИН. Особенности
требований международных стандартов
к субъектам обеспечения соблюдения
административно-правовых режимов
в сфере исполнения наказаний..... 34
- Юрий КИЦУЛ. Административно-правовой
статус граждан Украины и общественных
объединений..... 38
- Снежана КОРОПЕЦКАЯ. Тактические
особенности получения некоторых
биологических образцов для экспертизы
в уголовном производстве Украины..... 42
- Максим КУЦЕВИЧ. Особенности адаптации
института множественности преступлений
в Уголовном кодексе Украины
для применения приговора
Международного уголовного суда..... 46
- Соломия ЛЕСЬКИВ. Перспективы развития
системы органов судейского
самоуправления Украины в контексте
евроинтеграционных процессов..... 50

Олег МАЗУРОК. Особенности проведения следственных (розыскных) действий при расследовании фактов безвестного исчезновения людей..... 54

Оксана МАЛАНЬИЙ. Становление трудового законодательства во Второй Речи Посполитой (1918–1939 гг.)..... 57

Андрей МИРОНОВ. Проблемы соответствия деятельности прокурора при окончании досудебного расследования началам уголовного производства..... 61

Андрей МЯГКИЙ. О законодательной дефиниции «корпоративное управление».....65

Александр ОСОВСКИЙ. Воздействие на участников как способ противодействия расследованию преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.....69

Андрей ПАЛЮХ. Проблемы определения функций прокурора в уголовном производстве во время досудебного расследования.....73

Елена ПОЛИЩУК. Примирение как основание для освобождения от уголовной ответственности: перспективы совершенствования.....78

Андрей РАФАЛЬСКИЙ. Государственные службы в ветеринарной и фитосанитарной сферах Украины: генезис функций, задач, административно-правовых полномочий.....82

Oksana RUDENKO. Legal regulation of tourism as a new supporting competence of the European Union..... 86

Неля САВЧИН. Влияние судебной практики на предотвращение и устранение судебных ошибок в гражданском процессе Украины.....90

Екатерина СИРЕНКО. Аттестация как важнейшее звено в системе прохождения службы в органах прокуратуры Украины.....94

Татьяна СТЕШЕНКО. Актуальные вопросы открытости и гласности избирательного процесса..... 98

Roksolana FEDYNETS. Liaison of asymmetric nature of terrorism with modern globalization process.....102

Олеся ХАРЧЕНКО. Отдельные проблемы законодательного регулирования прекращения права собственности на основании национализации..... 105

Светлана ЦУШКО. Представительство шляхты в деятельности вальных сеймов Великого княжества Литовского и Речи Посполитой.....109

Юлия ШЕКЕРА. К вопросу о порядке определения и назначения хозяйственно-процессуальных сроков.....114

Елена ЯБУРОВА. Компьютерная информация как предмет преступного посягательства.....118

ПРИНЦИП ГЛАСНОСТИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА И СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Галина БАГНЮК,

аспирант кафедры правосудия и уголовно-правовых дисциплин
Национального университета «Острожская академия»

Summary

The actual issues of cooperation between judicial authorities with the media. Abstract legal norms of national and international laws that regulate the issue of transparency of justice. It analyzes the main problems of implementation of the principle of publicity in connection with the lighting circumstances of cases in the media. The main strategic goals of the judicial reform in Ukraine for 2015–2020 years, in particular the interaction of the media with the court. Based on the concept of information and communication strategies of the Council of Judges of Ukraine, considered the principle of balanced interaction between judges and journalists, in particular the objective coverage of information on the activities of the judicial system.

Key words: openness, transparency, legal proceedings, media.

Аннотация

Рассмотрены актуальные вопросы взаимодействия судебных органов со средствами массовой информации. Исследованы правовые нормы национального и зарубежного законодательства, которые регламентируют вопрос обеспечения открытости правосудия. Проанализированы основные проблемы реализации принципа гласности в связи с освещением обстоятельств судебных дел в средствах массовой информации. Рассмотрены основные стратегические цели реформирования судебной системы в Украине на 2015–2020 годы, в частности, относительно взаимодействия средств массовой информации с судом. На основании Концепции информационно-коммуникационной стратегии деятельности Совета судей Украины рассмотрен принцип сбалансированности взаимодействия судей и журналистов, в частности, относительно объективного освещения информации о деятельности судебной системы.

Ключевые слова: гласность, открытость, судебное производство, средства массовой информации.

Постановка проблемы. Вопросы деятельности судебной власти в Украине представляют большой общественный интерес, тем более что сейчас судебная система находится в процессе реформирования и приспособления к европейским стандартам. Развитие информационного общества, повышение роли и значения средств массовой информации (далее – СМИ) в формировании мировоззрения граждан поставило органы государственной власти, в том числе судебную власть, перед необходимостью формирования информационной политики, создания условий для открытости и прозрачности своей деятельности. Поэтому вопрос освещения деятельности судов в средствах массовой информации и осведомленности об этом общественности является весьма актуальным. Обеспечение надлежащей коммуникации судей или официальных представителей судов с журналистами, возможность освещения судебных процессов являются ключевыми факторами практической реализации принципа гласности судопроизводства.

Изучению данного вопроса посвятили свои исследования такие ученые, как Л.И. Будникова, В.Л. Будников, Т.Н. Добровольская, В.В. Король, Л.М. Лобойко, В.Т. Маляренко,

Т.М. Мирошниченко, М.М. Михеенко, А.Р. Михайленко, В.В. Навроцкая, В.Т. Нор, П.И. Репешко, В.М. Тертишник, В.П. Шибико, М.Е. Шумило, И.Я. Фойничий, П.И. Шевчук и другие.

Цель статьи – изучение вопроса взаимодействия судовых органов со СМИ, правовой регламентации данного вопроса как в национальном, так и в зарубежном законодательстве, а также анализ основных проблем относительно взаимодействия судебных органов со СМИ и проблем реализации принципа гласности в связи с освещением судебных дел в СМИ.

Изложение основного материала. Право каждого человека на справедливое и публичное разбирательство в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона, в случаях определения его гражданских прав и обязанностей или при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявляемого ему, провозглашено статьей 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. При этом определено, что судебное решение объявляется публично, однако пресса и публика могут не допускаться на судебные заседания в течение всего процесса или его части по соображениям морали, общественного порядка или государ-

ственной безопасности в демократическом обществе, а также когда того требуют интересы несовершеннолетних, для защиты частной жизни сторон или (в той мере, в какой это, по мнению суда, строго необходимо) при особых обстоятельствах, когда гласность нарушала бы интересы правосудия [1].

В развитие данной нормы международного права гласность судебного процесса закреплена в пункте 7 части 3 статьи 129 Конституции Украины в качестве одного из основных принципов судопроизводства [2, с. 49]. В статье 9 Закона Украины «О судостроительстве Украины» определено, что рассмотрение дел в судах происходит открыто, кроме случаев, предусмотренных процессуальным законом. Участники судебного разбирательства и другие лица, присутствующие на открытом судебном заседании, имеют право делать письменные заметки. Проведение в зале судебного заседания фото- и киносъемки, теле-, видео-, звукозаписи с применением стационарной аппаратуры, а также трансляций судебного заседания допускаются с разрешения суда в порядке, установленном процессуальным законом. Рассмотрение дела в закрытом судебном заседании допускается по решению суда в случаях, предусмотренных процессуальным законом [3].

Часть 2 статьи 27 Уголовного процессуального кодекса Украины (далее – УПК Украины) гласит, что уголовное производство в судах всех инстанций осуществляется открыто.

В части 6 статьи 27 УПК Украины закреплено, что каждый, кто присутствует в зале судебного заседания, может вести стенограмму, делать заметки, использовать портативные аудиозаписывающие устройства. Проведение в зале судебного заседания фотосъемки, видеозаписи, трансляции судебного заседания по радио и телевидению, а также проведение звукозаписи с применением стационарной аппаратуры допускаются на основании постановления суда с учетом мнения сторон и возможности проведения таких действий без ущерба для судебного разбирательства [4, с. 12].

За последние годы осуществлен также ряд мер по обеспечению прозрачности и открытости информации об отправлении правосудия в судах. В частности, в 2005 году был принят Закон Украины «О доступе к судебным решениям», согласно которому был создан Единый государственный реестр судебных решений. Кроме того, в сети Интернет создан официальный портал судебной власти (www.court.gov.ua), на котором размещены веб-страницы всех судов общей юрисдикции Украины.

Следует отметить, что свободный доступ представителей СМИ в суд является одним из важных признаков реализации принципа гласности в судопроизводстве. Посредством СМИ информация о правосудии становится более доступной обществу, которое получает возможность иметь представление о качестве правосудия и его соответствии не только требованиям законности, но и господствующим в настоящее время в обществе идеям, идеалам и моральным ценностям.

Особенности взаимодействия судов со СМИ определены в ряде международных актов:

– Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года (вступила в силу для Украины 11 сентября 1997 года);

– Мадридских принципах взаимодействия средств массовой информации и судебской независимости (утвержденных Резолюцией

№ 1296(XLIV) Экономического и Социального Совета ООН 11 февраля 1994 года);

– Резолюции № R(81)19 Комитета Министров Совета Европы о доступе к информации, находящейся в распоряжении государственных органов (принятой Комитетом Министров 25 ноября 1981 года);

– Рекомендации № Rec(2003)19 Комитета Министров Совета Европы государствам-членам предоставления через СМИ информации об уголовных процессах (принятой Комитетом Министров 10 июля 2003 года).

Анализ указанных актов позволяет сделать вывод, что в целом все они направлены на обеспечение максимальной открытости правосудия и доступности информации о деятельности суда для СМИ, обеспечение реализации права журналистов на сбор и распространение среди общественности информации, высказываний, в том числе критических утверждений о судопроизводстве, что сочетается с освещением судебных дел. Исключения могут быть определены в законе, и право на их применение должно быть в исключительной компетенции судьи.

Следует отметить, что поскольку нормы процессуального законодательства, определяющие действие принципа гласности и открытости судебного процесса, носят довольно общий характер, то судьи при принятии решения о процедуре освещения судебного процесса со стороны СМИ должны руководствоваться также рекомендациями, которые содержатся в международных актах и практике Европейского суда по правам человека (в частности, решении Европейского суда по правам человека по делу «Санди Таймс против Соединенного Королевства» 1979 года). В любом случае решение суда должно быть обоснованным с учетом требований Конституции и законов Украины, практики Европейского суда по правам человека, демократических стандартов, баланса между необходимостью защиты частной информации и доступностью информации о процессе для общественности, особенно в делах, имеющих значительный общественный интерес.

В зарубежном опыте заслуживает внимания позиция Верховного суда США, который установил, согласно

свидетельству В. Бернхема, что право на открытый судебный процесс препятствует «использованию судей как инструмента преследования» и исключает возможность «ненадлежащего использования судебной власти». Требование открытости судебного процесса предусматривает допуск публики на судебное слушание дела. Если же мест в зале суда не хватило на всех, и кто-то из-за этого не смог присутствовать, это, по мнению автора, не считается нарушением [5, с. 284]. В свою очередь Д. Гомье справедливо считает, что гласность при судебном рассмотрении дел удовлетворяет не только интересы сторон по делу, но и интересы широкой общественности, так как поддерживает уверенность граждан в существовании справедливого судопроизводства [6, с. 24].

Ход и результаты судебного рассмотрения дела могут и должны освещаться в СМИ, если дело представляет общественный интерес. Участвующие в деле лица вправе высказывать свое мнение по поводу рассматриваемого судом дела, однако при этом они должны придерживаться требований действующего законодательства, направленного на сохранение государственной и служебной тайны.

Представляется естественным, что каждое судебное решение, постановленное судом с соблюдением принципа гласности судебного процесса и широкого информирования граждан, должно быть мотивированным, обоснованным и понятным каждому гражданину. Это должно стать препятствием самой возможности принятия судами необоснованных решений, злоупотреблениям и протекционизму, коррупции и взяточничеству. Гласность судебного процесса может быть одним из средств установления доверия к суду как органу, который должен быть гарантом справедливости государства [7, с. 103].

Как справедливо отметили М.М. Михеенко, В.Т. Нор и В.П. Шибико, для подсудимого, считающего себя невиновной жертвой произвола и беззакония, гласность судебного процесса представляет возможность привлечь к своему делу внимание общественности, вплоть до мировой [8, с. 46].

Следует признать, что немало проблем возникает с реализацией принципа гласности в связи с освещением

обстоятельств конкретного судебного дела в СМИ. В связи с этим вызывает интерес точка зрения Л.И. Будниковой и В.Л. Будникова, считающих, что многие СМИ по тем или иным причинам доводят до сведения своих адресатов искаженную, необъективную информацию, будучи при этом просто ангажированными одной из сторон. Поэтому в целях обеспечения законности и достоверности сообщаемой информации, повышения ее должного воспитательного воздействия указанные авторы считают, что средства массовой информации следует рекомендовать воздерживаться от каких-либо аналитических обзоров, собственных односторонних выводов до вступления приговора или какого-либо иного решения по делу в законную силу [9, с. 72].

Следует учесть, что попытки заставить суд под воздействием созданного таким способом общественного мнения принять желаемое решение по делу по своей сути противоречат принципу презумпции невиновности и могут стать причиной постановления неправосудных решений, в том числе приговоров с осуждением невиновных. В то же время эти попытки граничат с нарушением положений процессуального законодательства, предусматривающего вмешательство в деятельность суда, и могут быть причиной возникновения дел гражданского судопроизводства по искам к СМИ о защите чести, достоинства и деловой репутации, а также о материальном возмещении морального вреда.

Что касается взаимоотношений суда и прессы, то П.И. Шевчук признал, что судьи не всегда желают контактировать с журналистами, почти не стремятся активно формировать позитивное общественное мнение о себе и своей работе, разъяснять и комментировать свои действия, используя потенциал прессы [10, с. 36]. К сожалению, в настоящее время судьи считают для себя возможным не давать никому никаких объяснений по поводу принятых и постановленных ими судебных решений. Это право им предоставлено частью 2 статьи 12 Закона Украины «О статусе судей», согласно которой судья не обязан давать какие-либо пояснения относительно сути рассмотренных им дел или дел, которые находятся в его производстве [11].

Другим аспектом проблемы надлежащего взаимодействия судов и судей со СМИ является вопрос допуска журналистов в судебное заседание и возможность проводить там фото- и кино съемку, видео-, звукозапись с применением стационарной аппаратуры, а также транслировать судебное заседание по радио и телевидению.

Судьи, как правило, запрещают проводить видеосъемку хода судебного процесса (хотя иногда позволяют снимать на этапе вынесения решения судом). Журналисты вынуждены ходатайствовать о предоставлении такого разрешения, а возможность осуществления ими видеосъемки судебного процесса зависит исключительно от желания судьи. Нередки случаи, когда журналистам не отвечают на их обращения вовремя, и они вынуждены повторно обращаться в суд, чтобы узнать о результате рассмотрения ходатайства о разрешении на проведение видеосъемки в ходе судебного процесса.

Неудовлетворение ходатайств о возможности освещения судебного процесса перечисленными способами довольно нередко приводит к обвинениям судей в ангажированности и нежелании в полной мере реализовать принцип гласности и открытости судебного производства.

В судах должны существовать специальные подразделения по работе со СМИ. Например, в высших специализированных судах и апелляционных судах необходимы полноценные пресс-службы; в судах первой инстанции должны быть сотрудники, отвечающие за сотрудничество с журналистами и имеющие право предоставлять официальную позицию суда. Пресс-службы или ответственные работники должны принимать меры для надлежащего и объективного освещения работы суда, способствовать налаживанию работы журналистов с судьями.

На достижение этой цели направлена Стратегия развития судебной системы в Украине на 2015–2020 годы, которая разработана при поддержке проекта Европейского Союза «Поддержка реформ в сфере юстиции в Украине» и утверждена решением Совета судей Украины 11 декабря 2014 года. Данный документ имеет силу добровольного сознательного обязательства, направленного на повышение качества услуг

судебной системы для граждан и приближение процессов отечественного судопроизводства к лучшим европейским образцам. Демонстрируя стремление судебной власти к изменениям, это обязательство взяли на себя судебское сообщество в лице Совета судей Украины, высшие суды, Верховный Суд Украины, Высший совет юстиции, Высшая квалификационная комиссия судей Украины, Национальная школа судей Украины, Государственная судебная администрация Украины [12, с. 4]. Стратегия развития судебной системы в Украине на 2015–2020 годы строится на стратегических целях, определенных в Стратегическом плане, одновременно определяя более конкретные меры, конечные результаты и воздействие планируемых действий.

Среди других мероприятий, предусмотренных Стратегическим планом, до конца 2017 года необходимо создание и обеспечение надлежащего функционирования пресс-центра при Совете судей Украины, подразделений по работе с прессой во всех апелляционных округах, а до конца 2015 года – проведение в судах пресс-конференций, подготовка пресс-релизов по результатам рассмотрения громких дел.

Такие меры будут гарантировать возможность получения общественностью сбалансированной информации о деятельности судов, особенно при рассмотрении резонансных дел, усиливать доверие к суду. Решения, принятые при максимальной осведомленности общественности о ходе процесса, не будут восприниматься как необъективные, принятые вследствие давления или с наличием определенной коррупционной составляющей.

Эффективное взаимодействие СМИ с судом и юридическим сообществом – это первый и самый важный шаг реформирования судебной системы Украины. Интересы судебной власти, средств массовой информации и других институтов гражданского общества в информационной сфере не противоречат друг другу и должны основываться на принципе сбалансированности [13]. Данный принцип закреплен в Концепции информационно-коммуникационной стратегии деятельности Совета судей Украины, разработанной совместно с Проектом агентства США по международному

развитию (USAID) «Справедливое правосудие» и Центром судейских студий, утвержденной Решением Совета судей Украины 30 ноября 2012 года № 72. Указанный принцип баланса взаимных интересов судей и журналистов предусматривает, в частности, необходимость объективного освещения информации о деятельности судебной системы, судей и органов судейского самоуправления, соблюдения законодательных ограничений по распространению определенной информации, установленных как для судей, так и для журналистов, необходимость урегулирования недопущения в СМИ публикаций, которые по содержанию могут быть расценены как давление на суд с целью принятия судом определенного решения. Следует отметить, что представители СМИ и представители судебной власти заинтересованы в объективной и непредвзятой информации по вопросам, представляющим общественный интерес. До Революции достоинства, несмотря на существование Концепции информационно-коммуникационной стратегии деятельности Совета судей Украины, судебная власть была закрытой и консервативной в информационном пространстве. События Евромайдана повлияли также на деятельность судебной власти. Поэтому главной задачей Совета судей Украины является практическое снятие закрытости судей от общества с сохранением определенной консервативности в общении с прессой и гражданским обществом, учитывая законодательные границы деятельности судей и правила Кодекса судейской этики, утвержденного XI очередным съездом судей Украины 22 февраля 2013 года. В статье 11 Кодекса судейской этики, разработанного при участии Проекта агентства США по международному развитию (USAID) «Справедливое правосудие», указано, что судья должен проявлять уважение к праву на информацию о судебном разбирательстве и не допускать нарушения принципа гласности процесса.

Судья в определенном законе порядке предоставляет СМИ возможность получать информацию, не допуская при этом нарушение прав и свобод граждан, унижение их чести и достоинства, а также авторитета правосудия [14, с. 2].

Выводы. Активная и последовательная реализация указанных направлений обеспечит воплощение в жизнь конституционных принципов гласности и открытости в деятельности судебной власти, повысит уровень доверия граждан к деятельности судов, а также будет способствовать успешному развитию судебной системы Украины.

Список использованной литературы:

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www1.umn.edu/humanrts/instreet/Rz17euroco.html>.
2. Конституція України: прийнята на п'ятій сесії Верховної Ради України 28 червня 1996 року. – К. : Велес, 2004. – 64 с.
3. Про судоустрій України : Закон України від 7 лютого 2002 року № 3018-III // Відомості Верховної Ради України. – 2008. – № 27–28. – Ст. 180.
4. Кримінальний процесуальний кодекс України. – К. : Алерта, 2012. – 304 с.
5. Бернхем В. Вступ до права та правової системи США / В. Бернхем. – К. : Україна, 1999. – 542 с.
6. Гом'є Д. Короткий путівник до Європейської конвенції з прав людини / Д. Гом'є. – К. : Українська правничка фундація ; Український центр прав людини, 1998. – 58 с.
7. Репешко П.І. Гласність судового процесу як крок до прецедентного права та довіри до судочинства / П.І. Репешко // Взаємозв'язок реформи інженерної освіти і промислового розвитку України: стан, проблеми, рішення. – Миколаїв, 2000. – С. 103.
8. Михеєнко М.М. Кримінальний процес України : [підручник] / М.М. Михеєнко, В.Т. Нор, В.П. Шибіко. – К. : Либідь, 1992. – 431 с.
9. Будникова Л.И. Гласность уголовного судопроизводства / Л.И. Будникова, В.Л. Будников // Средства массовой информации и правовая культура населения : матер. междунар. науч.-практ. конф. – Волгоград : ВЮИ МВД России, 1999. – С. 72.
10. Шевчук П.І. До питання про стосунки між судовою владою і засобами масової інформації через призму розгляду цивільних справ / П.І. Шев-

чук // Судова практика у справах за позовами до ЗМІ : матер. наук.-практ. конф. : в 2 т. – К. : Міжнародний фонд «Відродження» ; Інформаційний прес-центр IREX «ПроМедіа», 1999. – Т. 1. – С. 36.

11. Про статус суддів : Закон України від 15 грудня 1992 року № 2862-XII // Відомості Верховної Ради України. – 1993. – № 8. – Ст. 56.

12. Стратегія розвитку судової системи в Україні на 2015–2020 роки : затверджена Рішенням Ради суддів України від 11 грудня 2014 р. [Електронний ресурс]. – Режим доступа : http://www.justicereformukraine.eu/wpcontent/uploads/2015/02/Karen_ua.pdf.

13. Концепція інформаційно-комунікаційної стратегії діяльності Ради суддів України : затверджена Рішенням Ради суддів України від 30 листопада 2012 р. № 72 [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://court.gov.ua/userfiles/rsu.pdf>.

14. Кодекс суддівської етики : затверджений XI черговим з'їздом суддів України 22 лютого 2013 р. [Електронний ресурс]. – Режим доступа : [http://court.gov.ua/userfiles/Kodex%20sud%20etiki\(1\).pdf](http://court.gov.ua/userfiles/Kodex%20sud%20etiki(1).pdf).

ОБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, КОТОРЫЕ ПРЕПЯТСТВУЮТ ИСПОЛНЕНИЮ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ

Галина БОГОНЮК,

аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин
Львовского государственного университета внутренних дел

Summary

Article highlights the features of the objective side of the crimes that infringe on the order of the court execution. The content of such kinds of actions as a failure of law of sentence, judgment, order or decision of the court which came into force or obstruct their implementation, is elucidated. It is evident that the obstruction of the implementation of judicial act is revealed in the active behavior of a person (actions) and counters the implementation of requirements contained in this act to prevent its implementation. The analysis of judicial practice for the commitment of crimes that infringe on the order of execution is carried out.

Key words: judgment, objective side, failure to observe a law, body of the crime.

Аннотация

В статье проанализированы признаки объективной стороны состава преступлений, посягающих на порядок исполнения судебного решения. Выяснено содержание таких видов деяния, как неисполнение приговора, решения, определения, постановления суда, вступивших в законную силу, или воспрепятствование их исполнению. Установлено, что неисполнение судебного акта является бездействием, которое означает неприменение лицом предусмотренных законом и соответствующим судебным актом мероприятий. Показано, что препятствование исполнению судебного акта оказывается в активном поведении лица (действии) и составляет противодействие реализации требований, содержащихся в этом акте, с целью недопущения его выполнения. Проведен анализ судебной практики за совершение преступлений, посягающих на порядок исполнения судебного решения.

Ключевые слова: судебное решение, объективная сторона, невыполнение, состав преступления.

Постановка проблемы. Исполнение судебных решений является одним из основных критериев, по которым граждане оценивают способность, эффективность и честность системы правосудия. Отсутствие действенного механизма обеспечения выполнения судебных решений негативно влияет на авторитет судебной власти, поскольку в таком случае достигается конечная цель правосудия – защита интересов граждан и реальное возобновление их нарушенных прав. Одной из причин такого положения является собственно отсутствие у следователей, прокуроров и судей четкого представления о составах преступлений, которыми предусмотрена уголовная ответственность за невыполнение судебного решения, а также о содержании их признаков, в том числе признаков объективной стороны.

Состояние исследования. Изучению проблемы объективной стороны состава преступления посвящены работы В.Я. Володька, П.И. Гришаева, А.А. Музыки, М.И. Панова, В.Я. Ция и других авторов. Более того, анализ признаков объективной стороны отдельных составов преступлений, которые препятствуют исполнению судебного решения, осуществили такие ученые, как В.А. Головчук, А.И. Друзин, К.А. Летягина, М.И. Омелянченко и

другие. Безусловно, труды указанных исследователей имеют большое научное и практическое значение, однако все еще остается много дискуссионных вопросов. В частности, требуют рассмотрения проблемы определения содержания отдельных признаков объективной стороны преступлений, посягающих на порядок исполнения судебного решения (понятия «неисполнение и воспрепятствование исполнению судебного решения»), определения момента, с которого соответствующие преступления следует считать законченными.

Целью статьи является анализ признаков объективной стороны преступлений, предусмотренных ст. ст. 382, 388, 389 и 389-1 Уголовного кодекса Украины (далее – УК Украины).

Изложение основного материала. В уголовно-правовой литературе отмечается, что объективная сторона преступлений против правосудия заключается в различных видах препятствования или противодействия нормальной деятельности органов либо учреждений, осуществляющих правосудие, деятельности уполномоченных законом лиц, содействующих осуществлению судопроизводства. Чаще всего это проявляется в форме активного поведения – действия. Например, преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 382

УК Украины, может совершаться путем неисполнения приговора, решения, определения или постановления суда (бездействие), а может заключаться в препятствовании их исполнению (действие) [1, с. 11].

Проанализируем положения ст. ст. 382, 388, 389 и 389-1 УК Украины для определения вида деяния и его последствий, а также установления других объективных признаков. В ч. ч. 1–4 ст. 382 УК Украины законодатель предусмотрел такие виды действия, как невыполнение приговора, решения, определения, постановления суда, вступивших в законную силу, или воспрепятствование их исполнению. При этом относительно решения Европейского суда по правам человека предусмотрен исключительно такой вид деяния, как невыполнение. В ст. 389 УК Украины предусмотрен лишь один вид деяния – уклонение от уплаты и уклонение от отбывания, а в ст. 389-1 УК Украины – невыполнение соглашения.

Зато в ст. 388 УК Украины предусмотрено несколько альтернативных действий, которые включают в себя как активные, так и пассивные действия: растрату, отчуждение, сокрытие, подмену, повреждение, уничтожение имущества или другие незаконные действия, нарушение ограничения (обременения) права пользоваться таким

имуществом, а также осуществление банковских операций.

Рассмотрим, какие именно действия следует считать неисполнением или препятствием выполнению судебных решений (неисполнением сделки). В уголовно-правовой литературе отмечается, что невыполнение судебного акта является бездействием, которое означает неприменение лицом предусмотренных законом и этим судебным актом мероприятий, необходимых для его выполнения, при условии, если на это лицо возложена обязанность либо оно имеет реальную возможность выполнить этот судебный акт. Формы (способы) невыполнения судебного акта могут быть различными, в том числе прямой и открытый отказ от его выполнения, то есть высказанное в устной или письменной форме нежелание его выполнить. Также отмечено, что невыполнение может иметь характер уклонения, когда лицо открыто не отказывается от исполнения судебного акта, однако принимает определенные усилия, которые фактически делают невозможным его выполнение (умышленно не получает почту, не принимает судебного исполнителя, направляет документ не по адресу и так далее). Зато препятствие исполнению судебного акта проявляется в активном поведении лица (действии) и составляет противодействие реализации требований, содержащихся в этом акте, с целью недопущения его выполнения (запрете подчиненным выполнять судебный акт (в отношении должностного лица), подкупе или обмане судебного исполнителя, угрозах или насилии к нему и так далее) [2, с. 950]. Такого же мнения относительно разграничения активного и пассивного действия придерживаются В.И. Борисов и В.И. Тютюгин [1, с. 111].

Например, за уклонение от исполнения решения суда и уклонение от исполнения наказания в виде общественных работ Братский районный суд Николаевской области вынес обвинительный приговор по обвинению подсудимого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 382, ч. 2 ст. 389 УК Украины. В мотивировочной части обвинительного приговора указано, что подсудимый в период с 17 августа 2011 г. по 21 сентября 2011 г., имея умысел уклониться от исполнения приговора суда, путем невыполнения общественных работ в течение срока отбывания

наказания на территории Костоватского сельского совета Братского района Николаевской области, действуя умышленно, без уважительных причин не выполнил возложенные на него обязанности по отработке 100 часов общественных работ, предназначенных приговором суда [3].

Не разграничивая неисполнение и воспрепятствование исполнению судебного решения в действии и бездействии как формах деяния, В.А. Головчук придерживается упомянутой позиции и отмечает, что невыполнение судебного решения заключается в непринятии лицом, к которому обращено исполнение приговора, решения, определения или постановления суда, вступивших в законную силу, а также предусмотренных законом мер по их выполнению. Невыполнение может выражаться в прямом отказе выполнить судебное решение или уклонении от его выполнения. Невыполнение судебного решения может быть подтверждено лицом письменно, непосредственно судье, по телефону и так далее (отказ от исполнения), однако состав преступления будет и тогда, когда никаких заявлений по этому поводу не делается (уклонение от исполнения) [4, с. 510–511]. Уклонением является и сам отказ, который имеет завуалированный характер: лицо открыто не заявляет об отказе исполнить судебное решение, но действует таким образом, что фактически делает невозможным его выполнение [2, с. 993–994]. В то же время заметим, что уголовная ответственность наступает только за совершение общественно опасного деяния, а не за высказанные лицом мысли, взгляды и убеждения. Учитывая это, высказанный лицом отказ от выполнения решения суда не может служить основанием для привлечения такого лица к уголовной ответственности. Таким основанием является исключительно действие или бездействие лица, имеющее следствием невыполнение решения суда либо препятствование его выполнению.

В частности, в мотивировочной части приговора Днепровского районного суда г. Киева указано, что подсудимый 29 января 2014 г. в дневное время, находясь у здания Министерства молодежи и спорта Украины (по адресу: г. Киев, ул. Эспланадная, 42), лично получил от потерпевшего указанное постановление и открыто устно отказался его выпол-

нять, зная, что указанные в постановлении документы в его распоряжении, они необходимы судье для принятия законного решения по делу № 755/2237/14-с. Подсудимый лично перечитал решение суда в помещении приемной Всеукраинского физкультурно-спортивного общества «Колос» (по адресу: г. Киев, ул. Флоренции 1/11), однако зная, что выполнение постановления поручено непосредственно ему, письменно поручил ее выполнение другому лицу, которое не имело фактической возможности выполнить постановление по делу № 755/2 237/14-с. Таким образом подсудимый сделал вид, будто выполняет решение суда, однако сознательно совершил все действия, чтобы помешать выполнению постановления и не выполнить его фактически. Указанным постановлением суда он был отдельно предупрежден об уголовной ответственности за умышленное неисполнение постановления суда, предусмотренной ст. 382 УК Украины. Содержание указанного предупреждения об уголовной ответственности подсудимый прочитал и был с ним знаком. То есть он осознавал общественно опасный характер своих действий и предусматривал их последствия [5].

Такая позиция суда относительно квалификации действий виновного лица представляется вполне очевидной, поскольку, как видно из мотивировочной части приговора, подсудимого привлекают к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 382 УК Украины не за устные высказывания об отказе от исполнения судебного решения, а за активные действия, которые были совершены им для воспрепятствования исполнению судебного решения.

Зато объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 389-1 УК Украины, характеризуется пассивным поведением – бездействием, которое заключается в невыполнении (уклонении от исполнения) соглашения о примирении или о признании виновности при наличии на стороне лица, осужденного на основании такого соглашения, обязанности и реальной возможности его выполнения. Невыполнение соглашения может проявляться в различных формах поведения личности и заключаться, например, в таких нарушениях условий его заключения: отказе возместить причиненный преступлением вред или

устранении его не в том объеме, размер которого был согласован сторонами; уклонении от уплаты или уплаты в неполном объеме суммы алиментов, средств, потраченных на восстановление поврежденного жилья, имущества потерпевшего либо на его лечение; невыполнении договоренности о сотрудничестве по разоблачению преступления, совершенного другим лицом; нарушении взятого на себя обязательства прекратить антиобщественный образ жизни и трудоустроиться, пройти курс лечения от заболевания, представляющего опасность для здоровья других лиц, и так далее. При этом следует учитывать, что невыполнение соглашения со стороны фактического его выражения может проявляться как в активном (например, сокрытии доходов с целью уклонения от возмещения причиненных убытков), так и в пассивном (например, неявке в медицинское учреждение для прохождения курса лечения) поведении человека. То есть уголовная ответственность по этой статье наступает только в случае невыполнения стороной (виновным лицом) полностью либо частично условий такого соглашения.

В то же время уголовная ответственность за невыполнение решения суда наступает в том случае, когда лицо, обязанное его выполнить, в течение определенного срока не выполнило судебное решение без уважительных причин. Об этом говорится в ч. 1 ст. 89 Закона Украины «Об исполнительном производстве»: «В случае невыполнения без уважительных причин в установленный государственным исполнителем срок решение, обязывающее должника выполнить определенные действия <...>». В то же время в ч. 1, 2 ст. 89 и ч. 2 ст. 90 Закона Украины «Об исполнительном производстве» указано, что в случае невыполнения без уважительных причин в установленный государственным исполнителем срок решения государственный исполнитель выносит постановление о наложении штрафа на должника (при этом в зависимости от лица должника устанавливается разный размер штрафа). В случае повторного невыполнения решения должником без уважительных причин государственный исполнитель в том же порядке налагает на такое лицо штраф в двойном размере и обращается в правоохранительные органы с сообщением о привлечении

должника к уголовной ответственности в соответствии с законом.

В таком случае возникает вопрос относительно определения момента, с которого преступление следует считать оконченным. Для определения момента окончания данного преступления важным является установление момента поступления судебного решения к должностному лицу, которое должно его выполнять, и срока исполнения судебного решения, установленного законом либо судом. Так, закон предусматривает ряд случаев, когда решение суда подлежит немедленному исполнению (в частности, это касается дел о восстановлении на работе незаконно уволенного или переведенного работника, о присуждении работнику заработной платы) либо когда немедленное исполнение решения не допускается (например, это касается судебных решений в делах о выселении граждан из жилых помещений). Однако уголовная ответственность не может наступать до того момента, пока у лица-должника есть время на выполнение судебного решения (а время это определяется или непосредственно в решении суда, или же государственной исполнительной службой). Только по истечении этого времени при условии невыполнения решения суда есть все основания для привлечения лица к уголовной ответственности за неисполнение либо препятствование исполнению решения суда.

Кроме того, если лицо-должник уклоняется или не выполняет решение суда после открытия исполнительного производства, государственная исполнительная служба, определяя штраф за повторное неисполнение решения суда, обращается в правоохранительные органы для привлечения такого лица к уголовной ответственности. То есть законодатель, создавая подобные правила, позволяет лицу выполнить решение суда без наступления для него уголовной ответственности. Таким образом он стремится призвать человека-должника к законопослушности и выполнению решения суда более мягкими способами, чем привлечение к уголовной ответственности. В связи с этим возникает логичный вопрос относительно определения момента, с которого преступление невыполнения судебного решения следует считать законченным.

В уголовно-правовой литературе указано, что состав преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 382 УК Украины, является формальным, а его объективная сторона исчерпывается действием, с момента совершения которого преступление признается оконченным и которое заключается или в невыполнении судебного акта, или в препятствовании его исполнению. С момента неисполнения судебного акта преступление приобретает длящийся характер [1, с. 111]. Конечно, такой вывод кажется на первый взгляд вполне логичным, однако ввиду того, что судебные решения, которые являются предметом данного преступления, имеют различную процедуру выполнения, момент окончания преступления в каждом из этих случаев также будет разным. Так, для судебных решений, которые должны быть выполнены безотлагательно, преступление будет считаться оконченным с момента отказа от выполнения такого решения (когда имеет место невыполнение, уклонение или препятствование его исполнению), а для решений суда, имеющих определенный судом срок либо срок исполнения, преступление будет считаться оконченным с момента неисполнения, уклонения от выполнения или препятствование исполнению решения – по истечении срока для его добровольного либо принудительного исполнения.

Судебная практика решает вопрос о признании момента окончания данного преступления несколько иначе. Так, вступление в силу такого судебного решения и истечение срока исполнения судебного решения, установленного законом или судом, считается недостаточным для привлечения лица к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 382 УК Украины. В частности, в мотивировочной части обвинительного приговора Апелляционного суда Черкасской области отмечено, что для определения момента окончания этого уголовного преступления важным является установление момента поступления судебного решения к лицу, которое должно его выполнять, и срока исполнения судебного решения, установленного законом или судом [6]. То есть срок выполнения судебного решения будет отсчитываться не с момента вступления в силу судебного решения, а с момента поступления такого судебного решения к его исполнителю.

Согласно требованиям ст. 535 Уголовного процессуального кодекса Украины судебное решение, вступившее в законную силу, если иное не предусмотрено этим кодексом, обращается к исполнению не позднее чем через три дня со дня вступления в законную силу либо возвращения материалов уголовного производства в суд первой инстанции из суда апелляционной или кассационной инстанции либо Верховного Суда Украины. Если судебное решение или его часть подлежит исполнению органами государственной исполнительной службы, суд выдает исполнительный лист, который обращается к исполнению в порядке, предусмотренном законом об исполнительном производстве.

В соответствии с положениями ст. 25 Закона Украины «Об исполнительном производстве» государственный исполнитель обязан принять к исполнению исполнительный документ и открыть исполнительное производство, если не истек срок предъявления такого документа к исполнению, он отвечает требованиям, предусмотренным указанным законом, и предъявлен к исполнению в соответствующий орган государственной исполнительной службы.

Государственный исполнитель в течение трех рабочих дней со дня поступления к нему исполнительного документа выносит постановление об открытии исполнительного производства. В постановлении государственный исполнитель указывает о необходимости должнику самостоятельно исполнить решение в срок до семи дней с момента вынесения постановления, а также отмечает, что в случае непредоставления должником документального подтверждения исполнения решения будет начато принудительное исполнение этого решения с взысканием с должника исполнительного сбора и расходов, связанных с организацией и проведением исполнительных действий, предусмотренных Законом Украины «Об исполнительном производстве». Согласно требованиям ч. 2 ст. 30 Закона Украины «Об исполнительном производстве» государственный исполнитель обязан провести исполнительные действия по исполнению решения в течение шести месяцев со дня вынесения постановления об открытии исполнительного производства. То есть только после совершения всех предусмотренных альтернативных мер

по обеспечению принудительного исполнения судебного решения у государства или другого заинтересованного в исполнении судебного решения лица появляются основания для обращения в соответствующие органы для привлечения к уголовной ответственности лица, не исполнившего или уклонившегося от выполнения судебного решения.

В то же время при наличии в действиях лица состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 382 УК Украины, возникает вопрос относительно определения момента окончания данного состава преступления, ведь в этом положении указано: «Действия <...> если они причинили существенный вред охраняемым законом правам и свободам граждан, государственным или общественным интересам или интересам юридических лиц <...>». При такой формулировке ч. 3 ст. 382 УК Украины возникает мысль, что такой состав преступления будет считаться оконченным с момента причинения существенного вреда. В.И. Борисов и В.И. Тютюгин отмечают, что в этом случае обязательным признаком объективной стороны преступления является наступление определенных последствий – существенного вреда, с момента причинения которого преступление и признается оконченным [1, с. 111]. Несмотря на это, ученые не определяют, какие именно последствия следует признавать существенным вредом, причиненным в результате невыполнения судебного решения.

В.П. Мороз отмечает, что в основном проблема заключается в том, что законодатель, введя «причинение существенного вреда» как квалифицирующий признак ч. 3 ст. 382 УК Украины, не конкретизировал его количественные и качественные признаки, что в дальнейшем приводит к определенным осложнениям в доказывании наличия такого ущерба в правоприменительной и следственно-судебной практике. В результате следственно-судебная практика по привлечению виновных лиц, согласно ч. 3 ст. 382 УК Украины (неисполнение судебного решения, которое причинило существенный вред), по-разному решает вопрос квалификации: либо путем учета количественного признака в виде причинения материального ущерба, для расчета которого учитываются положения примечания к ст. 364 УК Украины, либо путем учета качественного признака

ка в виде причинения морального вреда. Однако редко применяется совокупность оценочных признаков (количественный и качественный) [7, с. 529]. То есть наблюдается ситуация, когда при отсутствии аутентичного законодательного толкования понятия «существенный вред» согласно конкретно этой статье и при отсутствии обобщенного судебного толкования его качественно-количественного значения для этого преступления и других преступлений против правосудия исключается правильное применение этой нормы и правильное определение момента окончания данного состава преступления.

Спорным в науке уголовного права признают также определение момента окончания преступления, предусмотренного ст. 388 УК Украины. Одни ученые утверждают, что незаконные действия в отношении имущества, на которое наложен арест, заложенного имущества либо имущества, которое описано, следует относить к деяниям с формальным составом [8, с. 949], а другие утверждают, что это посягательство является преступлением с материальным составом [9, с. 260]. Как известно, в зависимости от того, каким является этот состав преступления, решается вопрос о моменте его окончания. Считаем более убедительными аргументы в пользу признания состава данного преступления формальным, поскольку признавать этот состав преступления материальным только на основании того, что предметом данного преступления является имущество, неоправданно.

Выводы. Таким образом, объективная сторона составов преступлений, посягающих на порядок исполнения судебных решений, за исключением невыполнения решения Европейского суда (ч. 4 ст. 382 УК Украины), состоит из нескольких альтернативных деяний по невыполнению или препятствованию исполнению судебного решения (ч. ч. 1–3 ст. 382 УК Украины), только невыполнению судебного решения (ч. 4 ст. 382, ст. 389-1 УК Украины) или же только уклонению (ст. 389 УК Украины); предусматривает растрату, отчуждение, сокрытие, подмену, повреждение, уничтожение имущества или совершение других незаконных действий с имуществом, на которое наложен арест, с заложенным имуществом либо имуществом, которое описано, а также нарушение ограниче-

ния (обременения) права пользоваться таким имуществом, осуществление операций со средствами, на которые наложен арест (ст. 388 УК Украины).

Список использованной литературы:

1. Злочини проти правосуддя : [навч. посібник] / за заг. ред. В.І. Борисова, В.І. Тютюгіна. – Х. : Нац. юрид. академія України, 2011. – 155 с.

2. Науково-практичний коментар Кримінального кодексу України / за ред. М.І. Мельника, М.І. Хавронюка. – 9-те вид., перероб. та доп. – К., 2012. – 1316 с.

3. Вирок Братського районного суду Миколаївської області від 18 листопада 2011 р. в справі № 1-124/11 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.reyestr.court.gov.ua/Review/36517413>.

4. Головчук В.А. Протидія невиконанню судових рішень вимагає удосконалення законодавчих приписів / В.А. Головчук // Держава і право. Серія «Юридичні і політичні науки». – Вип. 44. – К. : Ін-т держави і права ім. В.М. Корецького НАН України, 2009. – С. 509–515.

5. Вирок Дніпровського районного суду м. Києва від 26 червня 2011 р. в справі № 755/11681/14-к [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.reyestr.court.gov.ua/Review/39454228>.

6. Вирок Апеляційного суду Черкаської області (провадження № 11-кп/793/279/14, справа № 691/1195/13-к) [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.reyestr.court.gov.ua/Review/39370324>.

7. Мороз В.П. Істотна шкода як ознака об'єктивної сторони складу злочину, передбаченого статтею 382 КК України / В.П. Мороз // Науковий вісник Дніпропетровського державного університету внутрішніх справ. – 2012. – № 3. – С. 528–538.

8. Соболева О.О. Особливості конструкції складу злочину, передбаченого ст. 388 Кримінального кодексу України / О.О. Соболева // Форум права. – 2011. – № 1. – С. 945–949.

9. Преступления против правосудия. Толкование уголовного закона. Комментарий статей УК РФ: материалы судебной практики, статистика / [А.Н. Александров и др.] ; под ред. А.В. Галаховой. – М. : Норма, 2005. – 416 с.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРУДА ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ В УКРАИНЕ

Елена БУБЛИК,
соискатель

Классического частного университета

Summary

The article reveals the problem of determining the procedure and rules for the use of labor, sentenced to imprisonment in Ukraine. Having analyzed the provisions of the Constitution of Ukraine, the current Criminal Executive Code of Ukraine and other legislative and regulatory legal acts are regulating the work of the said persons in time of serving the sentence in Ukraine. The attention to the inconsistency of separate legal acts between themselves and the disparity of their Constitution of Ukraine. In order to protect the legitimate rights and interests of victims of crime, as well as the interests of society and government proposed changes to the legislation governing the employment of convicts.

Key words: labor, convict, right to work, duty, fix, resocialization.

Аннотация

В статье раскрывается проблема определения порядка и правил использования труда осужденных к лишению свободы в Украине. Проанализированы положения Конституции Украины, действующего Уголовно-исполнительного кодекса Украины и других законодательных и подзаконных нормативно-правовых актов, регулирующих труд указанных лиц во время отбывания наказания в Украине. Акцентируется на несогласованности отдельных нормативно-правовых актов между собой и несоответствии их Конституции Украины. В целях защиты законных прав и интересов потерпевших от преступлений, а также интересов общества и государства предложены изменения в законодательство, регулирующее использование труда осужденных к лишению свободы.

Ключевые слова: труд, осужденный, право на труд, обязанность, исправление, ресоциализация.

Постановка проблемы. В условиях общественной трансформации современной Украины, формирования ее как демократического и правового государства европейского образца особо остро стоит проблема надлежащего исполнения уголовных наказаний как одного из значимых условий эффективного противодействия преступности. Следует отметить, что реформирование уголовно-исполнительной системы в Украине началось практически одновременно с обретением ею государственного суверенитета. Начало организационно-правовым изменениям в содержании уголовно-исполнительной политики государства положило Постановление Кабинета Министров Украинской ССР «Об основных направлениях реформы уголовно-исполнительной системы Украинской ССР» от 11 июля 1991 г. № 88 [1].

Указом Президента Украины от 22 апреля 1998 г. № 344/98 на базе ГУИН МВД Украины был образован Государственный департамент Украины по во-

просам исполнения наказаний (далее – ГДУВИН). Указом Президента Украины от 31 июля 1998 г. № 827/98 утверждено Положение о Государственном департаменте Украины по вопросам исполнения наказаний, а Указом Президента Украины от 12 марта 1999 г. № 248/99 он вообще был выведен из подчинения МВД Украины; тем самым частично решилась проблема демилитаризации исправительных учреждений. 11 июля 2003 г. Верховная Рада Украины вместо Исправительно-трудового кодекса Украинской ССР (в редакции 1970 г.) приняла новый Уголовно-исполнительный кодекс Украины [2] (далее – УИК Украины), который определяет порядок и условия исполнения и отбывания всех без исключения наказаний, предусмотренных ст. 51 Уголовного кодекса Украины (далее – УК Украины), в том числе порядок использования осужденных в период отбывания наказания.

Законом Украины «О Государственной уголовно-исполнительной службе

Украины» от 23 июня 2005 г. [3] законодатель определил роль, место и задачи этой службы в системе правоохранительных органов государства, а также основные принципы, правовую основу деятельности учреждений исполнения наказаний и их производственных предприятий. Указом Президента Украины от 25 апреля 2008 г. № 401/2008 была введена в действие Концепция реформирования Государственной уголовно-исполнительной службы Украины [4], направленная на приведение уголовно-исполнительной политики государства в соответствие с международными стандартами содержания осужденных и арестованных, соблюдение Конвенции о защите прав человека и основоположных свобод (1950 г.) и рекомендаций Европейского Комитета по предупреждению бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания. В Указе Президента Украины от 8 ноября 2012 г. № 631/2012, которым была введена в действие Концепция государственной политики в сфере реформирования Государственной уголовно-исполнительной службы Украины, констатируется критическое положение предприятий учреждений исполнения наказаний, не позволяющее обеспечить привлечение всех осужденных к труду как одному из средств их исправления и ресоциализации. Реализация этой концепции предусматривает, в частности, создание надлежащих условий для привлечения осужденных к труду, возмещения причиненного преступлением ущерба, исполнения иных имущественных обязательств [5].

Следует отметить, что переход от исправительного-трудового права к уголовно-исполнительному фактически был завершён с принятием Верховной Радой Украины 11 июля 2003 г. нового Уголовно-исполнительного кодекса Украины. Казалось бы, вместе с понятием «трудовое» должна была «кануть в лета» и обязательность труда осужденных к лишению свободы, хотя бы тех из них, кто не имеет исполнительных листов, при этом будучи способными самим (или при помощи родных) оплачивать свое содержание (питание, коммунально-бытовые услуги и прочее) в уголовно-исполнительном учреждении.

Тем не менее УИК Украины даже после внесения в него ряда изменений

и дополнений нечетко и неоднозначно регламентирует вопрос использования труда осужденных к лишению свободы, что влечет определенные негативные последствия. С одной стороны, это нарушения прав и законных интересов осужденных и неминуемые в связи с этим конфликты между субъектами уголовно-исполнительных отношений, с другой – это нарушение прав лиц, потерпевших от преступлений, на своевременное и полное возмещение убытков за счет удержаний, производимых из заработной платы осужденных.

Состояние научной разработки. Среди современных исследователей вопросы регулирования и использования труда осужденных в той или иной мере анализировали И.Г. Богатырев, А.В. Градецкий, М.И. Демченко, Т.А. Денисова, А.Н. Джужа, И.Л. Жук, Л.А. Жук, А.Г. Колб, О.М. Неживец, А.Х. Степанюк, С.А. Стефанова, А.А. Стулов, В.Н. Трубников, И.С. Яковец, М.М. Яцишин и другие ученые. Однако, несмотря на перманентные исследования указанной проблематики, вопросы, возникающие в процессе организации труда осужденных к лишению свободы, обуславливают необходимость дальнейших поисков теоретико-методологического обоснования изменений существующего состояния правового регулирования труда осужденных в Украине.

Цель статьи. Учитывая важность однозначного определения порядка и правил использования труда осужденных к лишению свободы, обратимся к анализу положений Конституции Украины, действующего УИК Украины и иных законодательных и подзаконных нормативно-правовых актов, регулирующих труд указанных лиц во время отбывания наказания в Украине, а также к международным договорам Украины, согласие на обязательность которых дала Верховная Рада Украины.

Изложение основного материала. Статья 43 Конституции Украины гарантирует каждому право на труд, включая возможность зарабатывать на жизнь работой, которую он свободно выбирает или на которую соглашается. Использование принудительного труда запрещается. Не является принудительным труд воинский или альтернативная (невоенная) служба, а также работа, исполняемая по приговору или иному

решению суда либо в соответствии с законами о военном или чрезвычайном положении [6].

Анализ положений Раздела X «Наказание и его виды» Общей части УК Украины дает основания для однозначного вывода, что по приговору суда осужденным может быть назначено только три вида наказаний, предусматривающих обязательное привлечение к труду: общественные работы (ст. 56 УК Украины), исправительные работы (ст. 57 УК Украины), а также ограничение свободы, которое согласно ст. 61 УК Украины исполняется с обязательным привлечением осужденных к труду. Иных видов уголовного наказания, подпадающих под ст. 43 Конституции Украины, действующий УК Украины не предусматривает.

Что же касается такого вида наказания, как лишение свободы на определенный срок, то в соответствии со ст. 63 «Лишение свободы» УК Украины лишение свободы на определенный срок состоит в изоляции осужденного и помещении его на определенный срок в уголовно-исполнительное учреждение [7]. Как видим, указанная норма УК Украины не устанавливает обязательность общественно полезного труда для осужденных этой категории. Иными словами, исходя из анализа соответствующих норм Конституции Украины и УК Украины, общественно полезный труд лиц, осужденных к лишению свободы на определенный срок, по своей правовой природе может быть только добровольным. Следует изменить этот порядок другим законом, например Уголовно-исполнительным кодексом Украины, поскольку УИК Украины не должен содержать норм, противоречащих Конституции Украины и действующему УК Украины. Тем более что УИК Украины имеет целью регламентацию порядка и условий исполнения и отбывания уголовных наказаний, указанных в ст. 51 УК Украины, а значит, по отношению к нему является обслуживающим, вторичным.

Анализ действующего законодательства позволяет сделать вывод, что сегодня вопросы использования труда осужденных к лишению свободы на определенный срок регулируют нормы нескольких законов и подзаконных актов, например: Глава 18 «Труд осужденных к лишению свободы» УИК

Украины; Раздел XXI «Привлечение осужденных к общественно полезному труду» Правил внутреннего распорядка учреждений исполнения наказаний [8]; нормы Порядка организации производственной деятельности и привлечения осужденных к общественно полезному труду на предприятиях исправительных центров, исправительных и воспитательных колоний Государственной уголовно-исполнительной службы Украины [9]; положения Инструкции об условиях труда и заработной плате осужденных к ограничению свободы и лишению свободы [10].

Отметим, что с принятием УИК Украины многие специалисты в отрасли уголовно-исполнительного права задавались таким вопросом: если ст. 43 Конституции Украины, гарантирующая право на труд, запрещает труд принудительный, а ст. 63 УК Украины не предусматривает обязательность труда лиц, осужденных к наказанию в виде лишения свободы, то почему законодатель изначально в ч. 1 ст. 118 УИК Украины предусмотрел для них *повинность* работать в местах и на работах, определяемых администрацией колонии? Почему в этой норме *повинность* подменила собой *право осужденных на труд*? [11, с. 358–359]. В такой редакции этой нормы говорить о добровольности труда осужденных не приходится. Наоборот, усматривается существенное ограничение уголовно-исполнительным законом прав и свобод осужденных к лишению свободы, что в конечном итоге значительно усиливает репрессию, применяемую судом в соответствии с уголовным законом. И только через пять лет в ч. 1 ст. 118 УИК Украины эта *повинность* осужденных была заменена законодателем на *право* работать в местах и на работах, определяемых администрацией колонии [12].

В настоящее время ст. 8 УИК Украины устанавливает *всем* осужденным *право на оплачиваемый труд*, организованный в соответствии с требованиями законодательства о труде, в том числе относительно продолжительности, условий и оплаты труда; устанавливается восьмичасовой рабочий день, однако не более 40 часов в неделю. При этом уточняется, что продолжительность рабочего дня (для всех осужденных) устанавливается с 7 до 17 часов либо с 6 до 16 часов. Считаем, что та-

кие уточнения должны касаться ст. 119 «Условия труда осужденных к лишению свободы» Главы 18 «Труд осужденных к лишению свободы» УИК Украины и не распространяться на *всех* осужденных. Исключением могут быть осужденные к ограничению свободы, осужденные, отбывающие лишение свободы в колониях минимального уровня безопасности с облегченными условиями содержания, и осужденные, отбывающие наказание в виде исправительных работ. Обосновывается подобная позиция тем, что лица первой категории работают преимущественно в сельском хозяйстве (в поле, на животноводческих фермах), и чтобы вовремя убрать урожай, они в летне-осенний период работают без смен по 12–14 часов в сутки; другие же работают посменно, по «скользящим», «железнодорожным» и иным рабочим графикам, которые не вписываются в рамки предписаний ст. 8 УИК Украины.

Упомянутая ранее Глава 18 «Труд осужденных к лишению свободы» УИК Украины достаточно подробно регламентирует порядок и условия использования труда осужденных этой категории. В ч. 1 ст. 107 «Права и обязанности, осужденных к лишению свободы» УИК Украины (которая более полно регламентирует правовой статус именно этой категории осужденных) также находим *право* осужденных принимать участие в трудовой деятельности.

В соответствии с ч. 3 ст. 107 УИК Украины осужденные *обязаны* выполнять необходимые работы по самообслуживанию и благоустройству колонии. Этой норме корреспондируются установки ч. 5 ст. 118 Главы 18 УИК Украины, согласно которым без оплаты труда осужденные могут привлекаться только к работам по благоустройству колоний и прилегающих к ним территорий, а также к улучшению жилищно-бытовых условий осужденных либо к вспомогательным работам по обеспечению колоний продовольствием. Однако предусмотрено, что эти работы осужденные выполняют, как правило, в порядке очередности, в нерабочее время и не более двух часов в день.

Вместе с тем возникает закономерный вопрос: если осужденные к лишению свободы на определенный срок *не обязаны*, а имеют *право* трудиться на

оплачиваемых работах, организованных в соответствии с требованиями законодательства о труде, в том числе относительно продолжительности, условий и оплаты труда (а значит, и с соблюдением положений ст. ст. 43, 45, 46 Конституции Украины), то почему ч. 4 ст. 118 УИК Украины запрещает осужденным прекращать работы в целях разрешения трудовых конфликтов? Почему осужденные, которых без их согласия оставляют работать во вторую смену или в ненадлежащих, травмоопасных условиях, не могут прекратить работу? И не является ли такой запрет основанием для признания труда осужденных содержащим признаки принуждения?

При этом необходимо учитывать, что за нарушение запретов (а прекращение работы – это нарушение установленного порядка отбывания наказания) в ст. 132 УИК Украины предусмотрены 8 видов дисциплинарных наказаний. Специалисты, ссылаясь на информацию ГДУВИН (сейчас – Государственной пенитенциарной службы Украины) о состоянии правопорядка и применения мер взыскания к лицам, осужденным к лишению свободы, обращают внимание на то, что в исправительных колониях ведомства осужденным к лишению свободы каждый год объявляется 4750–5550 взысканий, в частности, за безосновательный отказ от работы и за умышленное уклонение от работы. При этом законность таких взысканий, по мнению ученых, является более чем сомнительной [13, с. 205].

Заметим, что ст. 133 «Злостный нарушитель установленного порядка отбывания наказания» УИК Украины никаких изменений не претерпела и по-прежнему предусматривает возможность признания злостным нарушителем (со всеми вытекающими негативными последствиями) осужденного, который «необоснованно отказывается от труда (не менее трех раз в год)» или «прекратил работу с целью разрешения трудовых или иных конфликтов». Эту норму уголовно-исполнительного закона сложно назвать чем-то иным, чем одним из рычагов принуждения к труду лиц, осужденных к лишению свободы.

Учитывая изложенное, приходим к выводу о неоднозначности правового регулирования вопросов трудоустройства осужденных к лишению свобо-

ды на определенный срок, поскольку, с одной стороны, эти осужденные имеют право на участие в оплачиваемом общественно полезном труде, с другой стороны, ни уголовный, ни уголовно-исполнительный закон не обязывает их трудиться во время отбывания наказания, даже тех, кто имеет исполнительные листы по возмещению ущерба за счет заработной платы или по удержанию алиментов на содержание собственных детей.

Не удивительно, что при таком регулировании труда осужденных длительное время остается неразрешенной одна из наиболее животрепещущих проблем – своевременное и полное возмещение материального и морального вреда потерпевшим от преступлений юридическим и физическим (прежде всего) лицам. Иными словами, провозглашенный в ст. 41 Конституции Украины принцип, что никто не может быть противоправно лишен права собственности, и право частной собственности является нерушимым, в действительности остается просто декларацией.

Ситуация кажется вовсе удручающей, когда потерпевшие от преступлений граждане осознают тот факт, что они не только не получают назад утраченную собственность или ее эквивалент, но и будут содержать за свои деньги (налоги) осужденных весь срок их пребывания в уголовно-исполнительных учреждениях.

Выводы. Таким образом, имеем основания для таких утверждений: 1) о несоблюдении законодателем принципа законности при разработке и принятии Уголовно-исполнительного кодекса Украины, некачественной правовой регламентации порядка и правил привлечения к труду лиц, лишенных свободы на определенный срок; 2) о несоответствии положений УИК Украины, регулирующих труд осужденных к лишению свободы, положениям ч. 1 ст. 1 УК Украины, согласно которым одной из задач УИК Украины является охрана собственности от преступных посягательств; 3) в целях приведения «к общему знаменателю» норм законодательства, определяющих порядок и правила использования труда лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы на определенный срок, прежде всего необходимо ст. 63 «Лишение свободы на определенный срок»

УК Украины привести в соответствие с положениями ст. 43 Конституции Украины.

С учетом изложенного в целях защиты законных прав и интересов потерпевших от преступлений, а также интересов общества и государства необходимо внести следующие изменения в законодательство, регулирующее трудоустройство осужденных к лишению свободы:

1) ч. 1 ст. 63 УК Украины после слов «учреждение закрытого типа» дополнить словами «с *обязательным привлечением к труду*». В такой редакции эта норма будет полностью соответствовать положениям ст. 43 Конституции Украины относительно запрещения принудительного труда, поскольку обязательный труд этих осужденных (наравне с трудом в исправительных центрах, общественными и исправительными работами) будет подпадать под понятие «работа, которая исполняется по приговору суда»;

2) дополнить ч. 3 ст. 107 Уголовно-исполнительного кодекса Украины абз. 7 такого содержания: «*Осужденные, которые имеют исполнительные листы, а также обязаны возмещать причиненный ущерб в соответствии со ст. ст. 136 и 137 настоящего Кодекса, обязаны трудиться в местах и на работах, определяемых администрацией исправительной колонии. Отказ от таких работ влечет ответственность за неисполнение законных требований администрации исправительной колонии*». Реализация положений ч. 3 ст. 107 УИК Украины в такой редакции будет способствовать трудоустройству трудоспособных осужденных с исполнительными листами, а значит, своевременному и полному возмещению потерпевшим материального ущерба и морального вреда за счет заработной платы осужденных;

3) дополнить п. 3.1 Инструкции об условиях труда и заработной плате осужденных к ограничению свободы и лишению свободы абз. 4 такого содержания: «*Трудоспособные осужденные, которые имеют исполнительные листы, а также обязаны возмещать причиненный ущерб в соответствии со ст. ст. 136 и 137 Уголовно-исполнительного кодекса Украины, трудоустраиваются администрацией колонии в первоочередном порядке*».

Список использованной литературы:

1. Про основні напрями реформування кримінально-виконавчої системи в Українській РСР : Постанова Кабінету Міністрів Української РСР від 11 липня 1991 р. № 88 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/KP91_088.html.
2. Кримінально-виконавчий кодекс України : Закон України від 11 липня 2003 р. № 1129-IV // Відомості Верховної Ради України. – 2004. – № 3. – Ст. 21.
3. Про Державну кримінально-виконавчу службу України : Закон України від 23 червня 2005 р. № 2713-IV // Відомості Верховної Ради України. – 2005. – № 3. – Ст. 409.
4. Про Концепцію реформування Державної кримінально-виконавчої служби України : Указ Президента України від 25 квітня 2008 р. № 401/2008 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon1.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=401%2F2008>.
5. Про Концепцію державної політики у сфері реформування Державної кримінально-виконавчої служби України : Указ Президента України від 8 листопада 2012 р. № 631/2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/U631_12.html.
6. Конституція України : Закон України від 28 червня 1996 р. // Відомості Верховної Ради України. – 1996. – № 30. – Ст. 141.
7. Кримінальний кодекс України : Закон України від 5 квітня 2001 р. № 2341-III <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/2341-14>.
8. Про затвердження Правил внутрішнього розпорядку установ виконання покарань : Наказ Міністерства юстиції України від 29 грудня 2014 р. № 2186/5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/z1656-14>.
9. Про затвердження Порядку організації виробничої діяльності та залучення засуджених до суспільно корисної праці в підприємствах виправних центрів, виправних та виховних колоній Державної кримінально-виконавчої служби України : Наказ Міністерства юстиції України від 3

січня 2013 р. № 26/5 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/z0068-13>.

10. Про затвердження Інструкції про умови праці та заробітну плату засуджених до обмеження волі або позбавлення волі : Наказ Міністерства юстиції України від 7 березня 2013 р. № 396/5 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/z0387-13>.

11. Науково-практичний коментар Кримінально-виконавчого кодексу України / [А.П. Гель, О.Г. Колб, В.О. Корчинський та ін.] ; за заг. ред. А.Х. Степанюка. – К. : Юрінком Інтер, 2008. – 496 с.

12. Про внесення змін до Кримінально-виконавчого кодексу України щодо забезпечення прав засуджених осіб в установах виконання покарань : Закон України від 21 січня 2010 р. № 1828-VI // Відомості Верховної Ради України. – 2010. – № 12. – Ст. 114.

13. Стулов О.О. Дотримання принципу законності при залученні до праці осіб, засуджених до позбавлення волі на певний строк / О.О. Стулов // Держава та регіони. Серія «Право». – 2010. – № 4. – С. 204–209.

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ТАКТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В КРИМИНАЛИСТИКЕ

Олег БУЛУКУКОВ,

кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики
Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

Summary

The article is devoted to research of aims and tasks of tactical decisions in criminalistics. The analysis of concepts “aim” and “task” on the basis of decisions of the stated in philosophical and psychological literature is carried out. The signs of aim of tactical decision are adopted and their maintenance opens up. Classification of aims of tactical decision is carried out and its practical value is grounded. Correlation of terms “aim” and “task” is considered and their distinguishers are renowned. It is underlined that an aim always adapts oneself in tasks, because on the cognitive essence is the higher degree of abstraction.

Key words: tactical decision, aim, tasks.

Аннотация

Статья посвящена исследованию целей и задач тактических решений в криминалистике. Осуществлен анализ понятий «цель» и «задача» на основании определений, изложенных в философской и психологической литературе. Названы признаки цели тактического решения и раскрыто их содержание. Осуществлена классификация целей тактического решения, обосновано ее практическое значение. Рассмотрено соотношение терминов «цель» и «задача», выделены их отличительные признаки. Подчеркивается, что цель всегда адаптируется в задачи, так как по своей познавательной сущности она является более высокой степенью абстракции.

Ключевые слова: тактическое решение, цель, задачи.

Постановка проблемы. Исследование тактических решений в криминалистике позволяет выделить в их структуре элементы, определяющие их сущность и содержание. Такими элементами являются цели и задачи тактических решений. Необходимость рассмотрения названных элементов обуславливается их приоритетностью при формировании решений. Правильно поставленная цель и сформулированные для ее достижения задачи способствуют принятию оптимального тактического решения.

Актуальность темы исследования определяется отсутствием фундаментальных работ в сфере принятия тактических решений при расследовании преступлений.

Состояние исследования. Отдельные вопросы изучения тактических решений, целей и тактических задач в уголовном судопроизводстве рассматривались в работах таких ученых, как Р.С. Белкин, В.Д. Берназ, А.Ф. Волобуев, В.А. Журавель, В.Е. Коновалова, Д.А. Мезинов, М.В. Салтевский, В.В. Тищенко, В.М. Шевчук, В.Ю. Шепитько и другие. Их наработки стали

теоретической базой для дальнейшего анализа поставленных проблем.

Целью статьи является исследование целей тактических решений, их классификация и соотношение с задачами, возникающими для их достижения.

Изложение основного материала. Правильно сформулированная цель позволяет определить направления тактического воздействия в раскрытии и расследовании преступления. При этом становится ясно, что нужно делать, на решении каких задач необходимо сконцентрировать внимание и какие ресурсы использовать.

Для предметного представления о сущности целей и задач, их соотношении необходимо рассмотреть их этимологию.

В философии цель определяется как конечный результат деятельности человека (или коллектива людей), предварительное идеальное представление о котором и желание достигнуть которого определяют выбор соответствующих средств и системы специфических действий по его достижению [9, с. 646]. Такое определение цели в различных философских источниках

по своему содержанию аналогично приведенному [10, с. 659].

В психологии термин «цель» рассматривается как осознанный образ предвосхищаемого результата, на достижение которого направлено действие человека [4, с. 440; 5, с. 583]. Приведенные определения цели содержат представления о «конечном результате деятельности», или «осознанном образе предвосхищаемого результата», что по идее сходно. Видение конечного результата предшествует осуществлению деятельности, в результате которой он может быть достигнут. Это свидетельствует о первичности цели и вторичности деятельности человека по ее достижению. Осуществление каких-либо действий без цели лишает их смысла, препятствует продвижению вперед как в мыслительной, так и в практической деятельности. В этом отношении не является исключением и следственная деятельность, в которой постановка цели определяет задачи и систему действий, направленных на ее достижение. В связи с этим интерес представляет рассмотрение понятия «цель» применительно к тактическим решениям следователя.

Так, исследование цели тактического решения позволяет выделить признаки, которые ее характеризуют, а именно: а) четкость формулирования; б) временное ограничение; в) ситуационная зависимость. Названные признаки цели опосредованы предназначением тактического решения – получением доказательств (или изменением следственной ситуации с целью получения доказательств) в определенный период расследования. Рассмотрим каждый из названных признаков.

Так, *четкость формулирования* цели решения предполагает анализ имеющейся доказательственной информации и определение приоритета в установлении тех или иных фактов. Цель обретает четкость в определении после рассмотрения ее среди других целей. Отсутствие четкости в определении цели приводит к сложности при формулировании тактических задач и принятии соответствующих тактических решений.

Признак *временного ограничения* цели тактического решения предопределен постоянно изменяющейся следственной ситуацией, в которой

принимается решение. При принятии тактического решения наличие минимального временного периода при постановке цели и ее достижении – обязательное условие его эффективности. Тактические решения по своей сути и практическому применению ближе к решениям оперативным, чем к решениям стратегическим. Необходимость принятия и реализации тактического решения в определенный период времени для достижения поставленной цели наглядно демонстрирует значение признака временного ограничения в ее характеристике.

Суть признака *ситуационной зависимости* цели тактического решения состоит в возможности частичного изменения ее в процессе подготовки, принятия и реализации решения. Коррекция цели может осуществляться в процессе формирования и решения различного вида мыслительных задач. Примером могут быть ситуации изменения целей тактических решений при производстве следственных действий из-за ошибок и просчетов, допущенных лицами, принимающими данные решения. Изменение цели, по нашему мнению, возможно только в какой-то ее части. Отказ от поставленной цели в целом влечет отказ от принятия или практической реализации принятого тактического решения. Данное положение основывается на понятии цели как конечного результата, который является теоретической основой и принятия, и реализации принятого тактического решения.

Цели, для достижения которых принимаются тактические решения, можно разделить по времени на долгосрочные, среднесрочные и краткосрочные. Такое деление имеет определенный элемент условности, определяемый ситуационной изменчивостью ситуации принятия решения. В то же время разделение целей по времени реально отражает виды тактических решений в процессе расследования. Например, долгосрочные цели могут иметь тактические решения при осуществлении планирования расследования, в особенности на начальном этапе расследования. Среднесрочные цели могут иметь тактические решения при проведении тактических операций. Краткосрочные цели присутствуют в решениях, принимаемых при производстве конкретного

следственного (розыскного) действия, а также в иных решениях, направленных на выполнение организационно-тактических задач расследования.

Названное разделение целей на виды имеет значение при рассмотрении их подчиненности. Так, долгосрочные цели, определяемые как стратегические, включают среднесрочные и краткосрочные цели в качестве промежуточных. Для среднесрочных целей промежуточными являются краткосрочные цели. Такая иерархия в подчиненности целей обуславливается объемом задач, решаемых для их достижения, которые могут быть задачами расследования конкретного преступления, задачами тактической операции, задачами следственного действия и так далее.

Термин «задача» в психологической науке определяется как данная в определенных условиях (например, в проблемной ситуации) цель деятельности, которая должна быть достигнута преобразованием этих условий согласно определенной процедуре [6, с. 205; 5, с. 119]. Интерес представляет рассмотрение составных частей названного определения, к которым относятся определенные условия, цель деятельности и определенная процедура преобразования имеющихся условий.

Так, применительно к расследованию преступлений *определенными условиями* является сложившаяся на момент принятия тактического решения следственная ситуация в целом либо отдельные ее компоненты. Оценка следственной ситуации и постановка соответствующих тактических задач позволяет осуществить правильный выбор процессуальных и криминалистических средств их разрешения [8, с. 204].

Указание в определении задачи на *цель деятельности* – это указание на ожидаемый конечный результат тактической задачи, ее цель. В практике расследования такой целью может быть установление лица, совершившего преступление, а также доказательство его вины и так далее.

Акцент в определении термина «задача» на *преобразовании имеющихся условий согласно определенной процедуре* предполагает определенный механизм ее решения. В практике решения тактических задач таким механизмом может быть принятие решения о при-

менении отдельного тактического приема или системы тактических приемов. Кроме названных тактических средств, достижению цели может способствовать принятие тактического решения о проведении тактической операции и тому подобное.

Так, исследуя соотношение тактических операций и тактических задач, В.М. Шевчук акцентирует внимание на руководящей роли задач, которые определяют характер средств, используемых для их решения. Четкое определение содержания тактической задачи имеет важное значение при принятии решения и его исполнении при реализации тактической операции [11, с. 297]. Таким образом, тактическая операция как совокупность организационных и тактических подходов является определенным «механизмом» решения задач расследования, служащих достижению поставленной цели.

Рассматривая соотношение терминов «цель» и «задача», можно выделить их отличительные признаки. Различие в названных понятиях состоит в том, что термин «задача» предусматривает определенную деятельность, направленную на достижение конкретной цели. Цель же как определенное видение конечного результата может предполагать задачу или ряд задач, которые необходимо решить для ее достижения, однако цель не предусматривает процедуру решения задачи. Внешнее сходство понятий «цель» и «задача» тактического решения предполагает их внутреннюю подчиненность. С одной стороны, конкретная цель тактического решения предопределяет конкретную задачу (задачи), без решения которой (которых) она не имеет смысла. С другой стороны, формулирование задачи и ее решение осуществляется с определенной целью, являющейся основой принятия тактического решения. Приоритетной в названной связи является цель, определяющая направление формулирования и решения определенных тактических задач.

Цель всегда адаптируется в задачи, поскольку их взаимосвязь определена общностью идеи, их функциональной направленностью, что, однако, не означает их равнозначности по сущности определения и акцентированию признаков. По своей познавательной сущности цель всегда является более высо-

кой степенью абстракции, чем задача, которая формулируется для ее практического достижения. Поэтому главным в их определениях является идея взаимопроникновения, взаимосвязи и диалектического единства.

В уголовно-процессуальной и криминалистической литературе высказываются мнения об отсутствии принципиальных различий в названных терминах.

Так, исследуя соотношение терминов «цель» и «задача» в науке уголовного процесса, Д.А. Мезинов приходит к выводу о равнозначности в их толковании [2, с. 129–131]. Основываясь на анализе названных понятий в справочной литературе, в которой «цель – это то, к чему стремятся, что надо сделать», а «задача – это то, что требует исполнения, разрешения» [3, с. 713, 165], автор делает вывод, что речь идет фактически об одном и том же явлении, стимулирующем и направляющем деятельность человека.

Данное утверждение вызывает возражение. Так, любая деятельность лица, осуществляющего расследование преступлений и принимающего решения (процессуальные или тактические), имеет свою цель и задачи. Совпадение целей и задач в конкретных ситуациях – явление, лишь кажущееся внешне. Цель, являясь основополагающим фактором при формулировании задачи, может находить свое отражение в ее наименовании. Примером может быть цель допроса «получение правдивых показаний от подозреваемого». Задача при этом может звучать так же: «получение правдивых показаний от подозреваемого». Совпадение в наименовании цели и задачи в приведенном примере показывает их неразрывную связь. Возникая как видение определенного конечного результата, цель остается информационным стержнем задачи, отражаясь в ее наименовании. Однако мы, рассматривая указанные понятия в контексте мыслительной деятельности следователя, наблюдаем различия в объеме используемой информации. Несмотря на якобы имеющееся внешнее совпадение, задача отличается от цели своим внутренним содержанием, включающим процедуру решения. В решении названной задачи процедурой ее решения может быть использование системы тактических при-

емов допроса с целью получения правдивых показаний от подозреваемого. Наименование задачи – это отображение цели, для достижения которой она возникает, однако не конкретного механизма ее решения, что является содержанием самой задачи. Какая-бы цель ни была поставлена, это всегда лишь желаемый результат, а достижение цели – определенная мыслительная деятельность лица по формулированию задачи и ее практическому решению.

В то же время интерпретация утверждений Д.А. Мезинова относительно терминов «цель» и «задача» представляет интерес, поскольку при анализе терминов, кроме справочной литературы, использованы отдельные положения уголовного процессуального законодательства, в которых не всегда четко обозначены исследуемые понятия, что и привело к названным выводам. Об отличии нашей позиции от приведенной свидетельствует рассмотрение тактических решений следователя в конкретных ситуациях расследования, что является наилучшим критерием нахождения отличительных признаков в их целях и задачах.

Рассматривая цели и задачи тактических решений, Р.С. Белкин также объединяет их в одно понятие. По его мнению, цели (задачи) тактического решения определяются таким образом: 1) как изменение следственной ситуации в благоприятную сторону; 2) как максимально эффективное использование неблагоприятной следственной ситуации; 3) как изменение отдельных компонентов следственной ситуации; 4) как достижение превосходства в ранге рефлексии над противодействующей стороной; 5) как использование фактора внезапности, особенно на начальном этапе расследования; 6) как обеспечение методичности и наступательности расследования [1, с. 111].

Мы придерживаемся противоположной точки зрения. Цели и задачи тактических решений – понятия, различающиеся по содержанию, и об этом упоминалось ранее. Полагаем, что для их смешения нет оснований.

Относительно приведенной классификации целей (задач) тактических решений считаем необходимым высказать собственную точку зрения.

В теории и практике расследования следователь акцентирует внимание на

объемах тактических задач, решение которых позволит ему получить исковую информацию о преступлении.

Так, выдвигая версии и формулируя обстоятельства, подлежащие выяснению, следователь фактически определяет перечень задач расследования, которые необходимо решить, осуществляя проверку версии. Если говорить о цели и ее отображении в данном процессе, то в общем виде она обозначена в выдвинутой версии, а в сформулированных задачах прослеживаются промежуточные цели. Такой взгляд на место цели в процессе расследования преступлений позволяет сделать вывод о преобладающем использовании в Уголовном процессуальном кодексе Украины и в практике расследования термина «задача». Это объясняется возлагаемой на него информационную нагрузку. Осуществляя мыслительную деятельность, следователь в процессе расследования определяет, какой конечный результат он желает получить в конкретный период расследования. В этот момент он определяет цель. Однако парадокс заключается в том, что отдельно цель не формируется в понятие. Видение ее конечного результата рассматривается в контексте формулирования определенной задачи.

Такой подход к пониманию целей и задач расследования позволяет высказать предположение, что в приведенной Р.С. Белкиным классификации имеет место указание на задачи тактических решений, имеющих определенную цель.

Таким образом, цели и задачи тактического решения – понятия, близкие по смыслу, однако различные по функциям. Различие в данных понятиях зависит от их содержания. При постановке вопроса о том, чего мы хотим достичь, мы определяем цель, а при постановке вопроса о том, как нам этого достичь, мы получаем конкретные задачи. Однако и в определении цели, и в определении задачи находит свое отображение желаемый конечный результат, что обуславливает некоторые совпадения в их наименованиях.

При анализе понятий «цель» и «задача» в уголовном судопроизводстве прослеживается определенная логика их взаимосвязи.

Так, цель расследования преступления достигается решением определен-

ных задач. Решение задач сопряжено с принятием тактических решений, например, о производстве отдельных следственных (розыскных) действий. В то же время производство отдельного следственного (розыскного) действия имеет свою цель и свои задачи, решение которых также связано с принятием соответствующих тактических решений. Данный процесс многогранен, его окончание связывается с установлением достаточного объема доказательств при расследовании.

Выводы. Таким образом, «цель» и «задача» тактического решения – понятия, отличающиеся по функциональному назначению, однако близкие по смыслу. Наличие определенной динамики в постановке цели и формулировании задачи для ее достижения позволяет сделать вывод о перманентности данного процесса, проявляющегося в плавном перетекании целей в задачи. При решении задач возникает необходимость в постановке новых целей и формулировании новых задач, решение которых будет иметь свои цели и задачи. Правильное понимание названных понятий, как и их сущности, может способствовать принятию эффективных тактических решений.

Список использованной литературы:

1. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории – к практике / Р.С. Белкин. – М. : Юридическая литература, 1988. – 240 с.
2. Мезинов Д.А. О соотношении понятий «цель» и «задача» в науке уголовного процесса / Д.А. Мезинов // Вестник Томского государственного университета. – Томск : Томский гос. ун-т, 2010. – № 340 – С. 129–131.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка : [57 000 слов и фразеологических выражений] / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 19-е изд. – М. : Русский язык, 1987. – 750 с.
4. Психологический словарь / под общ. ред. Ю.Л. Неймера. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2003. – 639 с.
5. Психология : [словарь] / под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – 2-е изд. испр. и доп. – М. : Политиздат, 1990. – 494 с.

6. Словарь психолога-практика / сост. С.Ю. Головин. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : Харвест, 2005. – 975 с.

7. Словарь философских терминов / науч. ред. В.Г. Кузнецова. – М. : ИНФРА-М, 2007. – 729 с.

8. Тищенко В.В. Корыстно-насильственные преступления: криминалистический анализ : [монография] / В.В. Тищенко. – О. : Юридическая литература, 2002. – 360 с.

9. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. – 7-е изд., перераб. и доп. – М. : Республика, 2001. – 719 с.

10. Философский энциклопедический словарь / редкол. : С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичев и др. – 2-е изд. – М. : Советская энциклопедия, 1989. – 815 с.

11. Шевчук В.М. Тактичні операції у криміналістиці: теоретичні засади формування та практика реалізації : [монографія] / В.М. Шевчук. – Х. : Вид. агенція «Апостіль», 2013. – 440 с.

МЕСТНЫЕ НАЛОГИ И СБОРЫ КАК ОСОБЫЕ НАЛОГОВЫЕ ПРЕФЕРЕНЦИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОБЩИН

Денис ГОЛОВИН,

соискатель кафедры финансового права
Национального университета государственной налоговой службы Украины

Summary

The article is devoted to the study of the local tax system as a form of territorial existence of tax preferences. In the text of tax preferences are considered as a General understanding of tax incentives, which is characterized by the lawful improvement of the legal status of some groups of participants of tax relations in comparison with others and aims to better balance opposing interests in the tax field. This focuses on the need to prevent the granting of such tax preferences signs of illegal privileges, pursuing narrowly specific and, as a rule, selfish purpose. Marks the essence of the tax preferences that are associated with the categories of tax exemptions and tax immunities and tax privileges. Revealed common signs of the taxpayers interests and the public interest in taxation at the level of territorial communities.

Key words: local taxes and fees, local tax system, territorial communities, tax exemptions, territorial tax preferences.

Аннотация

Статья посвящена исследованию местной налоговой системы как формы существования территориальных налоговых преференций. Налоговые преференции рассматриваются как обобщающее понимание налоговых льгот, которое характеризуется правомерными улучшениями правового статуса одних групп участников налоговых отношений по сравнению с другими и преследует цель более качественного обеспечения баланса разнонаправленных интересов налоговой сферы. При этом акцентируется внимание на необходимости предотвращения предоставления таким налоговым преференциям признаков противозаконных привилегий, преследующих специфическую и, как правило, корыстную цель. Обозначена сущность налоговых преференций, которые сопоставлены с категориями налоговых льгот, налоговых иммунитетов и налоговых привилегий. Выявлены общие признаки интересов налогоплательщиков и публичного интереса в налогообложении на уровне территориальных общин.

Ключевые слова: местные налоги и сборы, местная налоговая система, территориальные общины, налоговые льготы, территориальные налоговые преференции.

Постановка проблемы. На всей своей налогово-правовой территории Украина обладает исключительным правом устанавливать, вводить в действие, изменять и отменять налоги и сборы, из которых складывается отечественная налоговая система. Таким образом, ни одно публичное образование или власть не могут урегулировать эти вопросы в пределах суверенной территории Украины. В этом выступает главная сущность единого и неделимого налогового суверенитета Украины.

Впрочем, сама налогово-правовая территория Украины автоматически не получает эти качества налогового суверенитета и внутри не является однородным, монолитным образованием. Вполне возможна ситуация, когда лицо – плательщик налога, проводя одну и ту же деятельность или совершая одинаковые действия в разных регионах нашей страны, не только будет получать разный экономический результат своей деятельности (что вообще является закономерным, ведь отдельные территории характеризуются различным налоговым потенциалом), но и фактически будет платить разную сумму налоговых средств за тот же объект налогообложе-

ния. Подобное обстоятельство может предопределяться существованием такого явления, как территориальные налоговые преференции.

Актуальность темы исследования. Характерными чертами бюджетно-налоговой политики Украины в 2014–2015 гг. является проведение налоговой реформы в соответствии с требованиями международных кредиторов Украины и стандартов Европейского Союза. Законодательные изменения в бюджетно-налоговой сфере призваны обеспечить финансовую децентрализацию путем оптимизации налоговой и фискальной систем на региональном уровне, способствовать решению проблем местного самоуправления по увеличению объемов поступлений в местные бюджеты, повышению эффективности мобилизации средств и заинтересованности представительных органов в активизации экономической деятельности, формировании благоприятного инвестиционного климата соответствующей административно-территориальной единицы. Поэтому актуальной остается проблема необходимости исследования местной налоговой системы как формы существования территориальных налоговых преференций.

Цель статьи – проанализировать местные налоги и сборы как особые налоговые преференции территориальных общин.

В связи с тем, что в статье рассмотрена местная налоговая система как форма существования территориальных налоговых преференций с диалектической и сравнительной точки зрения, к каждой из которых применяется своя общность методов, методологическую основу исследования составляют, за некоторым исключением, практически все методы научного познания. Теоретическую основу работы составляют научные труды по общей теории права, а также научные изыскания в налогово-правовой отрасли, а источниковедческую базу дополняют правоприменительная практика Европейского суда по правам человека и национальные кодифицированные нормативно-правовые акты.

Изложение основного материала. Налоговая преференция по своей правовой природе является разновидностью правовой льготы. Известный российский специалист в отрасли общей теории государства и права А.В. Малько подчеркивает: «Под правовой льготой понимается правомер-

ное облегчение субъекта, что позволяет ему полноценнее удовлетворять свои интересы и которое выражается как в предоставлении дополнительных, особых прав (преимуществ), так и в освобождении от обязанностей» [6, с. 747].

При этом правовым льготам присущ ряд признаков, что отличает их от других средств, составляющих общий механизм правового регулирования общественных отношений. Как справедливо отмечает А.В. Малько, правовые льготы сопровождаются более полной реализацией интересов субъектов права, облегчением условий их жизнедеятельности. Однако это обязательно должно происходить в рамках общественных интересов. Ученый указывает: «При установлении льгот законодатель ставит цель – социально защитить, улучшить положение отдельных лиц, перевести процесс удовлетворения их интересов в более благоприятный режим. Цели здесь имеют первостепенное значение, поскольку не всякое расширение прав и освобождение от обязанностей выступает в качестве льготы» [6, с. 747]. То есть речь идет об участии правовых льгот в соблюдении общеправовых принципов законности, равенства и справедливости. На уровне налоговых отношений дополнительно распространяется требование сохранения баланса между публичными и частными интересами в налогообложении (в частности, соразмерности между используемыми средствами налогообложения и преследуемой при этом публично-правовой целью, которая достигается при взимании налогов и выполнении ими своих функций). В то же время правовые льготы – это сознательно и прицельно избранное законодателем или иным уполномоченным субъектом нормотворчества средство соблюдения указанных базисных основ правового регулирования любых отношений.

Кроме того, следует учитывать, что налоговые льготы представляют собой исключения из общих правил, являясь своеобразным отклонением от общих требований нормативного характера, служат средством юридической дифференциации [6, с. 747]. При этом нет никаких противоречий относительно применения и реализации принципа юридического равенства, ведь правовое регулирование общественных от-

ношений опирается на экономический базис, который не может быть абсолютно равным у разных лиц, то есть существует исходное материальное неравенство. Для сглаживания возникающего на фоне такого неравенства общественного напряжения, подкрепления осознания права как средства достижения справедливости и тому подобного должна обеспечиваться соответствующая дифференциация лиц на более и менее защищенных с оказанием последним дополнительных правовых гарантий и средств, чтобы выровнять исходные возможности изначально неравных между собой людей.

Об этом говорят не только специалисты, которые касались соответствующего вопроса природы правовых льгот на доктринальном уровне, но и непосредственно присутствующие в правоприменительной практике Европейского суда по правам человека. В частности, известным по данному вопросу является дело «Флимменс против Греции» [5], при решении которого суд указал, что государство обязано по-разному относиться к лицам, которые находятся в разных ситуациях и подвергаются воздействию различных фактических обстоятельств. Когда же «государства не применяют различного отношения к лицам, находящимся в разных ситуациях», то нарушается право этих лиц на «свободное пользование правами, гарантированными Конвенцией, то есть без дискриминации» [5]. Именно таким средством потенциального избегания создания условий дискриминации служат правовые, в частности налоговые, льготы. Поэтому вполне справедливым является вывод, к которому пришел А.В. Малько: «Чем совершеннее право, тем более дифференцировано оно регламентирует конкретные вопросы общественной жизни. <...> Льготы – это элемент прежде всего специального правового статуса лица, механизм дополнения основных прав и свобод субъекта специфическими возможностями юридического характера» [6, с. 747–748].

Однако необходимо помнить и о следующем свойстве правовых льгот, в котором выступает также то обстоятельство, что правовые льготы являются правомерными исключениями, законными изъятиями, устанавливаемыми в соответствии с общеправовы-

ми принципами компетентных органов нормотворчества в нормативно-правовых актах, которые они выдают. При этом важно, что льготы, как правило, фиксируются с помощью нормативных, а не правоприменительных актов. Запрещение законом предоставлять льготы в индивидуальном порядке преследует цель свести к минимуму корыстный интерес, который может оказаться в этом процессе [6, с. 748]. В то же время неиндивидуальное закрепление льгот позволяет не нарушать требования, которые являются продиктованными принципом правового равенства.

Именно поэтому мы соглашаемся с мыслью, что, с одной стороны, есть потребность в дальнейшей дифференциации правовых льгот и более глубокой их специализации, а с другой – не следует забывать, что льготы требуют также унифицированного подхода к ним. Соответственно, необходимо видеть пределы и первого, и второго процессов, поскольку излишние выделения и уравнивания, связанные со льготами, могут привести к социальной несправедливости [4, с. 665]. Именно это является тем фактором, который должен приниматься во внимание как при самостоятельном регулировании вопросов местной налоговой системы органами местного самоуправления, так и при проведении децентрализации в налоговой сфере в целом. Во всем необходима мера.

Рассматривая налоговые преференции как обобщающее понимание налоговых льгот, которое характеризуется правомерными улучшениями правового статуса одних групп участников налоговых отношений по сравнению с другими, и преследуя цель более качественного обеспечения баланса разнонаправленных интересов налоговой сферы, необходимо предотвращать предоставление таким налоговым преференциям свойств противозаконных привилегий, преследующих специфическую и, как правило, корыстную цель. При этом существует важная разница: преференция является правомерным дополнением правового статуса лица, что не нарушает принцип равенства и справедливости, а подобная привилегия приобретает уже неправовой характер, привнося в налоговые отношения квазипубличный интерес,

что вытесняет как публичный, так и законные частные интересы в налогообложении. В.М. Межуев отметил: «Между льготами и привилегиями есть существенная разница: первые в какой-то мере смягчают существующее фактическое неравенство, тогда как вторые дополняют последнее еще и формальным неравенством, якобы возводя это неравенство в закон» [4, с. 52].

При этом важно не путать между собой те правовые средства, которые могут пониматься привилегиями вследствие своей исключительности, а фактически быть правомерной разновидностью льгот. Например, в налоговых отношениях такими являются налоговые иммунитеты и освобождение лиц дипломатического корпуса от налогообложения в соответствии с Венской конвенцией 1961 г. [2, с. 365–370]. Особенностью является то, что эти законные иммунитеты позволяют более качественно выполнять указанным лицам свои задачи, которые являются сугубо специфическими, особенными и одновременно общественно важными. Однако принадлежность таких иммунитетов к правомерным случаям предоставления льгот выражается в сохранении очерченного баланса между публичным интересом и законными частными интересами упомянутых лиц.

Поэтому подобные налоговые иммунитеты не приобретают характер противоправных привилегий: особая цель деятельности этих лиц требует также особых правовых средств ее обеспечения. Об этом указывает и А.В. Малько, когда пишет: «Привилегии – специальные (во многом исключительные, монопольные) льготы для конкретных субъектов, прежде всего для властных органов и должностных лиц, необходимые им для более полного и качественного осуществления своих определенных обязанностей» [6, с. 748]. Справедливым является также замечание, что льготы и законные привилегии соотносятся между собой как «особенное» (льготы) и «отдельное» (законные привилегии). Причем льготы, как правило, характеризуют специальный правовой статус определенных групп субъектов, в то время как привилегии устанавливаются и в специальном (например, для дипломатов), и в индивидуальном (для конкретного

лица, например, президента, консула и других) статусах, поскольку они в большей мере подтверждают исключительность юридических возможностей особо ответственных и иных лиц [6, с. 749].

Таким образом, допустимым является существование налоговых льгот в виде налоговых иммунитетов отдельных лиц, однако использование их должно быть четко регламентированным и осуществляться исключительно в законной форме, в том числе путем ратификации международных договоров. При этом распространение налоговых иммунитетов на отдельные территории и их использование в качестве территориальных налоговых преференций должно предопределяться исключительными обстоятельствами (такими как стихийные бедствия, военные действия и тому подобное), а также связываться с четко определенной в норме закона целью публичного интереса, с достижением которой происходит возврат такой территории к обычному режиму налогообложения.

В аспекте рассмотрения налоговых преференций по территориальному признаку особое значение приобретают налогово-правовые режимы, которые образуются согласно системе местных налогов и сборов в пределах отдельных административно-территориальных единиц. Существенно важно, что такие правовые режимы могут не только различаться между территориальными общинами, рассматриваясь тем самым по отношению друг к другу как более или менее благоприятные, но и в пределах одного и того же режима получать разную преференциальную окраску. Так, выделение того или иного налогового режима как налогово-преференциального (в широком смысле – налогово-льготного) будет зависеть от того, какой субъект является пользователем налоговой преференцией (льготой) на этой отдельной территории: налогоплательщик как обязанный субъект налогового правоотношения или же территориальная община, которая вместе со своими уполномоченными органами местного самоуправления представляет властного субъекта в отношениях налогообложения.

Объясняется это тем, что в налогообложении существует одновременно два интереса: публичный и частный.

Соответственно, в зависимости от того, какой именно интерес становится центральным в том или ином налогово-правовом режиме, на поддержание какого интереса направлена главная цель налогово-правового регулирования, пользователем или получателем налоговой преференции может быть как плательщик налога (когда именно законные частные интересы налогоплательщика становятся главными, преобладающими над публичным интересом), так и соответствующая территориальная община (которая для цели обеспечения местного публичного интереса, в частности обеспечения финансовой самостоятельности местного самоуправления, вполне правомерно через местные представительные органы может возложить налоговое бремя на определенных налогоплательщиков согласно предоставленным такими органами налоговым полномочиям в соответствии с законодательством Украины).

Следовательно, не только предоставление налоговых льгот определенным категориям плательщиков местных налогов и сборов, но и сами налоговые полномочия местных советов по части конкретизации элементов правовых механизмов местных налогов и сборов, их дальнейшее введение в действие могут рассматриваться как территориальные налоговые преференции. В этом случае признак преференционности следует позиционировать к тем преимуществам, которые получает территориальная община, приравниваясь к государству в целом (такие преимущества заключаются прежде всего в возможности аккумулировать дополнительные источники поступлений в местные бюджеты и, соответственно, возможности их использования на собственные нужды), и к тем преимуществам, которые могут возникать в одних территориальных общинах по отношению к другим (особенно при более качественном правовом регулировании системы местных налогов и сборов, а также организации движения местных финансов в целом).

Тем самым представляется возможность расширить ранее существовавшее представление о территориальных налоговых льготах на уровне территориальных общин. Соответствующее представление определялось

М.П. Кучерявенком как тот уровень налогово-льготного налогообложения отдельных территорий, которые «характеризуются увольнениями при использовании местных налогов и сборов». Так, согласно статье 10 Налогового кодекса Украины местные советы могут устанавливать часть местных налогов и сборов и за счет этого формировать более льготный налоговый режим на соответствующих территориях [3, с. 226]. Согласно сказанному акцент делается именно на то обстоятельство, что при самостоятельном введении в действие местных налоговых платежей местные советы могут самостоятельно (хоть и в законодательно определенных пределах) распоряжаться налоговыми льготами как факультативными элементами правовых механизмов налогов и сборов. М.П. Кучерявенко прямо пишет и о таком узком определении налоговых льгот на отдельных территориях: «Если рассматривать налоговые льготы как определенное освобождение налогоплательщиков, то вполне обоснованным представляется выделение определенных категорий, на которых устанавливается льготный налоговый режим» [3, с. 226].

Выводы. Таким образом, в контексте узкого подхода к явлению территориальных налоговых преференций в форме местной налоговой системы акцент делается только на налогоплательщиков как обязанных лиц налогового правоотношения, учитываются только их законные частные интересы, которые удовлетворяются при предоставлении им налоговых льгот. Однако при применении сформированного нами взгляда на налоговые полномочия местных представительных органов как на форму территориальных налоговых преференций возникает возможность учитывать также публичные интересы территориальных общин. Так, при самостоятельном урегулировании известной части вопросов налогообложения по местным налогам и сборам можно более качественно организовать публичную финансовую деятельность на своей территории, увеличить самостоятельность местных бюджетов, обеспечить финансовую и материальную основу местного самоуправления, оздоровить региональную экономику, поднять уровень жизни и социальной защиты местного населения, усилить

производственный потенциал и инвестиционную привлекательность собственной территории. В этом смысле используемые в качестве средств достижения местного публичного интереса местные налоги и сборы становятся едва ли не наиболее важным элементом явления территориальных налоговых преференций, поскольку при их надлежащем правовом регулировании можно улучшить благополучие и благосостояние не только отдельных категорий налогоплательщиков, но и всей территориальной общины в целом.

Вместе с этим не следует противопоставлять налогоплательщиков как пользователей налоговыми льготами по местным налогам и сборам и территориальные общины как пользователей налоговыми преференциями при введении в действие местных налоговых платежей. Дело заключается в том, что как законные частные интересы налогоплательщиков, так и местный публичный интерес территориальных общин являются во многом общими, так или иначе родственными.

Фактически налогоплательщики могут быть заинтересованы в увеличении наполняемости доходных частей местных бюджетов не меньше, чем в предоставлении им налоговых льгот, поскольку через этот механизм затем будут финансироваться такие общественно важные функции территориальных общин, как образование, медицинское и социальное обеспечение, организация правопорядка, пожарная безопасность, территориальное сочетание (местные автодороги, общественный транспорт), благоустройство территории населенных пунктов, организация культурных мероприятий и досуга местного населения. Недаром в советские времена на территории нашего государства длительное время как особая форма мобилизации денежных средств в местные бюджеты существовало самообложение, когда местное население осознавало ответственность и необходимость участия каждого в финансовом обеспечении местных вопросов.

В то же время совсем не обязательно наполняемость местных бюджетов налоговыми поступлениями должна прямо связываться с усилением уровня налогового давления за счет местных налогов и сборов (как и с увели-

чением неналоговых доходов местных бюджетов). Вполне может возникнуть противоположная ситуация: снижение налоговой нагрузки на местах усилит инвестиционную привлекательность отдельных территорий, создаст условия для увеличения количества рабочих мест, организации производства и налаживания транспортных сообщений в соответствующих регионах государства. В свою очередь такое оздоровление местной экономической сферы самым естественным путем, главным образом через расширение базы налогообложения с помощью доходных налогов (ведь как налог на прибыль предприятий, так и налог на доходы физических лиц в соответствующих частях подлежат зачислению в местные бюджеты согласно бюджетному законодательству Украины) [1], приведет к увеличению наполняемости местных бюджетов.

С этих позиций местное звено налоговой системы в целом (а не только в части налоговых льгот по местным налогам и сборам) становится само по себе существенной территориальной налоговой преференцией с наличием весомых рычагов влияния на сферу местных финансов и региональную экономику. Поэтому для государства становится не менее важным как определить стандарты и общие принципы налогообложения, осуществлять централизованное налогово-правовое регулирование единой налогово-правовой территории Украины при первоначальном закреплении обязательных элементов налогов и сборов, так и предоставлять соответствующую степень свободы и достаточный объем налоговых полномочий территориальным общинам и органам местного самоуправления при введении в действие местных налоговых платежей, что позволит учитывать естественное природное различие и особенности отдельных территорий, административно-территориальных единиц государства.

При таком налогово-правовом регулировании образуется сбалансированная национальная налоговая система, когда публичному интересу государства отвечает система общегосударственных налогов и сборов, а публичному интересу территориальных общин – система местных налогов и сборов. При этом важно учитывать,

что такая система, образуясь в каждой административно-территориальной единице государства, фактически формирует уникальное именно для данной территориальной общины и региона государства местное звено налоговой системы, которая наилучшим образом учитывает коллективные интересы местного населения.

Список использованной литературы:

1. Бюджетний кодекс України : Закон України від 8 липня 2010 р. № 2456-VI // Відомості Верховної Ради України. – 2010. – № 50. – Ст. 572.
2. Кучеров И.И. Теория налогов и сборов : [монография] / И.И. Кучеров. – М. : ЗАО «ЮрИнфоР», 2009. – 473 с.
3. Кучерявенко Н.П. Налоговое право Украины / Н.П. Кучерявенко. – Х. : Право, 2012. – 528 с.
4. Межуев В.М. Выступление на «круглом столе» по теме «Власть, демократия, привилегии» / В.М. Межуев // Вопросы философии. – 1991. – № 7. – С. 51.
5. Постановление Европейского суда по правам человека от 6 апреля 2000 г. по делу «Флименос против Греции» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.lawmix.ru/abrolaw/8463>.
6. Теория государства и права : [курс лекций] / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристъ, 2000. – 776 с.

ГЕНЕЗИС УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА УКРАИНЫ ЗА НАРУШЕНИЕ УСТАНОВЛЕННЫХ ПРАВИЛ ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ И ПРЕКУРСОРОВ

Андрей ДЖУМАК,

соискатель кафедры уголовного права
Национальной академии внутренних дел

Summary

Nowadays, the spread of drug abuse causes the significant harm to the society and medicine all over the world and in Ukraine in particular. For many countries it has the negative economic consequences. Referring to the historical sources, we have reviewed the origin of the problem, the legal and illegal drug use on the territories that are now part of the modern Ukraine. The development and improvement of normative legal acts, departmental acts regulating legal relations in the sphere of drugs, psychotropic substances, their analogues and precursors trafficking on the territory of Ukraine are analyzed. Special attention is paid to the normative legal supply of the control over drug trafficking on the territory of Ukraine in the period of independence.

Key words: narcotic drugs, psychotropic substances, analogs, precursors, rules trafficking, drug trafficking, combating illicit trafficking of controlled substances.

Аннотация

Сегодня распространение наркомании наносит значительный вред в социальном и медицинском плане как в мировом масштабе, так и в Украине. Очевидны также отрицательные экономические последствия для многих государств, подверженных указанной проблеме. Обратившись к историческим источникам, рассматриваем вопрос появления, незаконного и легального использования наркотиков на территориях, которые входят в состав современной Украины. Осуществлен анализ развития и усовершенствования нормативно-правовых и ведомственных актов, которые регулируют правовые отношения в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров на территории Украины. Особое внимание уделено нормативно-правовому обеспечению контроля за оборотом наркотических средств на территории Украины в период независимости.

Ключевые слова: наркотические средства, психотропные вещества, аналоги, прекурсоры, правила оборота, незаконный оборот наркотиков, противодействие незаконному обороту подконтрольных веществ.

Постановка проблемы. Анализ развития нормативно-правовых и ведомственных актов, которые регулируют правовые отношения в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров на территории Украины, свидетельствует, что отдельные из них нуждаются в постоянном усовершенствовании. В связи с государственно-образующими процессами 1991 года Украине как независимому государству предстояло неоплагательно решать вопросы, которые касаются регулирования правовых отношений и контроля легального оборота наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров. С принятием ряда нормативно-правовых актов и ве-

домственных документов, внедрением на своей территории медицинских и социальных программ Украина достигла положительных результатов в сфере регулирования правовых отношений, связанных с контролем оборота наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров, а также оказанием медицинской и социальной помощи наркозависящим людям.

Соответственно, исследование нормативно-правовых и ведомственных актов разных периодов ее исторического развития даст возможность разработать механизм четкого и поэтапного внесения изменений в такие акты в условиях современности.

Актуальность темы исследования заключается в том, что вопрос

правового регулирования оборота наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров на территории Украины является одним из важнейших направлений государственной деятельности. В ст. 3 Конституции Украины указано, что безопасность человека в Украине является одной из высших ценностей. Обязанностью государства является обеспечение безопасности здоровья и жизни граждан на территории Украины. Поэтому вопрос контроля легального оборота в Украине наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров приобрел такую актуальность. Ведь указанные подконтрольные вещества не только являются неотъемлемой частью экономической сферы государства, но и несут огромную угрозу жизни и здоровью неопределенного круга лиц при нарушении правил их обращения и использования.

Поэтому государственная политика в данной сфере требует постоянного контроля, а также совершенствования нормативной базы.

Состояние исследования дает возможность утверждать, что некоторые аспекты анализируемого вопроса рассмотрены в научных работах В.А. Бублейникова [1], В.Г. Пшеничного [2], И.О. Доброрез [3], О.П. Горох [4] и Л.В. Раецкой [5]. В трудах указанных ученых проведен анализ нормативно-правового регулирования оборота наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров.

Целью и задачей статьи является исследование истории развития и усовершенствования правовой базы, которая осуществляет регулирование оборота наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров на территории Украины.

Изложение основного материала. Противодействие незаконному обороту наркотиков в Украине является одной из наиболее важных задач, которые стоят перед государственными и правоохранительными органами, наделенными полномочиями по противодействию незаконному обороту наркотических и психотропных веществ.

Анализируя процесс развития и усовершенствования нормативно-правовых и ведомственных актов, которые регулируют правовые отношения в сфере оборота наркотических средств,

психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров на территории современной Украины в разные периоды ее истории, мы определим и рассмотрим четыре таких этапа: Киевской Руси, Российской империи, СССР и этап независимости.

Так, Русская Правда, княжеские уставы и грамоты были первыми письменными источниками, в которых предпринимались попытки установить контроль над распространением и злоупотреблением наркотиков. До крещения Руси жрецы, а после крещения церковь осуществляли контроль над лицами, занимающимися распространением и использованием «зелья». В XV – XVII веках осуществляется первая систематизация норм по обороту одурманивающих веществ, а в XVIII – XIX веках государственными органами упорядочивается оборот наркотиков, принимаются меры по их контролю: устанавливаются правила торговли опиумом, пошлина, разрешения на ввоз [6].

Изучение и анализ законодательства за последние 100 лет показывает, что одним из первых документов, направленных на противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ на землях нынешней Украины, стал Указ Императора Николая II «О мерах по борьбе с опиумокурением» от 7 июня 1915 года, который ввел в отечественное уголовное право такие понятия, как хранение, приобретение и перевоз наркотиков [7].

Что касается периода действия первых уголовных кодексов советских республик, то такой состав преступления, как незаконные действия с наркотиками, в них отсутствовал.

В Уголовном кодексе Украинской ССР 1922 года (далее – УК УССР 1922 года) не существовало специальной нормы, предусматривающей ответственность за незаконные действия с наркотиками. Пробел в уголовном законодательстве в определенной степени восполнялся изданием отдельных декретов, на основании которых в новые редакции УК УССР 1922 года вводились статьи антинаркотического характера.

В УК УССР 1922 года, как и в уголовных кодексах других союзных республик, имелась лишь общая норма

(ст. 215 УК УССР 1922 года), касающаяся наркотических средств, согласно которой преступлением признавалось приготовление ядовитых и сильнодействующих веществ лицами, не имеющими на то права, с санкцией – штрафом золотом или принудительными работами, однако сам перечень таких веществ отсутствовал [8].

Дальнейшее развитие законодательства, регулирующего борьбу с незаконным изготовлением и распространением наркотических средств, имело место после образования СССР. Данный период характеризуется принятием ряда нормативных актов, которые регулировали торговлю наркотическими средствами, порядок их отпуска и учета, а также устанавливали государственную монополию на деятельность с подконтрольными веществами [9].

Действовавшие уголовные кодексы были дополнены статьями, которые предусматривали ответственность за незаконное изготовление и сбыт наркотических веществ. Специальные статьи, широко регламентирующие борьбу с преступлениями, связанными с наркотиками, были закреплены в уголовных кодексах 1926–1928 годов [10; 11].

Потребность в регулировании правоотношений в сфере легального оборота наркотиков была реализована в приказе Наркомздоровья СССР от 11 ноября 1938 года, которым впервые были введены правила приема, хранения и отпуска отравляющих, сильнодействующих и наркотических веществ в клиниках, институтах, больницах.

В Уголовный кодекс Украины 1960 года [12] (далее – УК Украины 1960 года), который функционировал более 40 лет вплоть до 2001 года, за период его действия было добавлено 20 примечаний к ст. 229, которой определялись уголовные правонарушения в сфере незаконного оборота наркотиков, и 57 поправок к ним.

Однако следует заметить, что в дальнейшем законодатель уделит особое внимание контролю за оборотом наркотиков именно в легальной сфере. Так, за нарушение правил оборота подконтрольных веществ в УК Украины 1960 года предусматривался состав преступления, предусмотренный ст. 229-7 «Нарушение установленных правил оборота наркотических средств, психотропных веществ и пре-

курсоров», который, согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с наркоманией» от 25 апреля 1974 года, внесен в кодекс 17 июня 1974 года.

Впоследствии к указанной статье были внесены еще 3 поправки: 12 января 1983 года, 21 августа 1987 года и 15 февраля 1995 года, которые в основном были направлены на ужесточение ответственности за нарушения законодательства в сфере оборота наркотиков на территории Украины.

Однако проходящие в конце 1990-х годов в Украине законодательные процессы также затронули уголовно-правовую науку. В результате этого в апреле 2001 года был принят и вступил в действие новый Уголовный кодекс Украины [13] (далее – УК Украины), который доказал свою эффективность относительно ответственности за правонарушение в сфере оборота наркотических, психотропных и сильнодействующих веществ, что считается самым оптимальным и приспособленным в современных условиях.

В УК Украины законодатель предусмотрел норму, направленную на пресечение нарушений в сфере легального оборота подконтрольных веществ, – ст. 320 УК Украины «Нарушение установленных правил оборота наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или прекурсоров», в соответствии с которой нарушение установленных правил посева или выращивания снотворного мака или конопли, а также нарушение правил производства, изготовления, хранения, учета, отпуска, распределения, торговли, перевозки, пересылки либо использования наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или прекурсоров, предназначенных для производства или изготовления этих средств или веществ, наказываются штрафом до 50 необлагаемых минимумов доходов граждан, ограничением свободы на срок до 4 лет либо лишением свободы на срок до 3 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью сроком до 3 лет.

Частью 2 ст. 320 УК Украины предусматривалась ответственность за те же действия, совершенные повторно или повлекшие недостачу наркотических средств, психотропных веществ,

их аналогов или прекурсоров в крупных размерах, повлекшие хищение, присвоение, вымогательство наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или прекурсоров, завладение ими путем мошенничества или злоупотребления служебным лицом своим служебным положением. Такие действия наказываются штрафом до 70 необлагаемых минимумов доходов граждан либо лишением свободы на срок от 3 до 5 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью сроком до 3 лет.

Объектом данного преступления являются общественные отношения, которые обеспечивают установленный порядок законного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или прекурсоров.

Предметом данного преступления являются наркотические средства, психотропные вещества, их аналоги или прекурсоры.

Объективная сторона данного преступления заключается в нарушении правил посева или выращивания снотворного мака или конопли; производства, изготовления, хранения, учета, отпуска, распределения, торговли, перевозки, пересылки либо использования наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или прекурсоров, предназначенных для производства или изготовления этих средств либо веществ.

Специфика такого преступления предусматривается ст. 320 УК Украины. Его отличие от преступлений, предусмотренных ст. ст. 307 и 308 УК Украины, заключается в том, что действия, связанные с наркотиками, совершаются на законных основаниях, однако с нарушением правил обращения с ними.

Субъективная сторона данного преступления выражается в форме как прямого умысла, так и неосторожности.

Субъект данного преступления является специальным, им могут быть только лица, которые должны были в силу выполнения своих обязанностей соблюдать задекларированные государством правила обращения с наркотическими средствами, психотропными веществами, их аналогами или прекурсорами.

Квалифицирующими признаками являются повторность, недостача в крупных размерах; действия, предусмотренные ч. 1 ст. 320 УК Украины, повлекшие хищение, присвоение, вымогательство; завладение путем мошенничества; злоупотребление служебным лицом своим служебным положением.

Однако судить о законодательстве, которое регулирует правоотношения в сфере оборота наркотических, психотропных и сильнодействующих веществ, изучив только нормы уголовного законодательства, было бы односторонне.

Конечно же, законодательными и центральными исполнительными органами государства с целью приведения законодательства к современным требованиям принимались соответствующие подзаконные акты, регулирующие отношения в данной сфере.

Первым нормативным актом стал Указ Президиума Совета СССР от 14 декабря 1963 года, которым была ратифицирована Единая конвенция о наркотических веществах 1961 года, установившая международный контроль над изготовлением, хранением и оборотом наркотических средств, а также урегулировавшая ряд процедурных и организационных вопросов, давшая рекомендации относительно лечения наркозависимых лиц [14]. Этой конвенцией были утверждены четыре списка наркотических средств, которые до сих пор не утратили свою актуальность.

Последующие нормативно-правовые акты, направленные на обеспечение правового регулирования деятельности в сфере оборота наркотических, психотропных и сильнодействующих веществ, разрабатывались после 1991 года и вошли в правовую базу, которая обеспечивает регулирование правоотношений в сфере наркотиков. Такими актами являются, в частности, Закон Украины «О наркотических средствах, психотропных веществах и прекурсорах» [15], Закон Украины «О лицензировании видов хозяйственной деятельности» [16], а также постановления Кабинета Министров Украины, нормативно-правовые акты различных министерств и ведомств, которые регулируют общественные отношения в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров, определяют права и обя-

занности государственных органов, юридических лиц и граждан, которые участвуют в процессе обеспечения правового регулирования этой деятельности на территории Украины.

Выводы. Изучив историю развития уголовного законодательства в сфере регулирования оборота подконтрольных веществ, которое действовало на территории украинских земель во времена Киевской Руси и Российской империи, а также советское уголовное право как основу, на которой разработано действующее уголовное законодательство Украины, мы пришли к заключению, что рассматриваемый вопрос постоянно обновляется и совершенствуется в зависимости от требований конкретного историко-временного периода. Наибольшее развитие он получил в XX веке, когда Украинская ССР была частью огромного государства на Евроазиатском континенте.

Однако рассмотренные процессы развития и усовершенствования нормативно-правовой базы в сфере легального оборота наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров на территории Украины указывают на актуальность этой проблемы на этапе строительства демократического европейского государства, что требует дальнейшего совершенствования нормативной базы для приведения ее в соответствие к стандартам Европейского Союза.

Список использованной литературы:

1. Бублейник В.А. Боротьба з незаконним збутом наркотичних засобів: кримінально-правовий і кримінологічний аспекти : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.08 / В.А. Бублейник ; Київський нац. ун-т ім. Т. Шевченка. – К., 2007. – 20 с.
2. Пшеничний В.Г. Запобігання поширенню наркотизму в Україні (кримінологічна та кримінально-правова характеристика) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.08 / В.Г. Пшеничний ; Нац. академія внутр. справ України. – К., 2005. – 19 с.
3. Доброрез І.О. Кримінологічна характеристика та попередження незаконного виробництва, виготовлення, придбання, зберігання, перевезення чи пересилання наркотичних засобів, пси-

хотропних речовин або їх аналогів без мети збуту (за матеріалами Автономної Республіки Крим) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.08 / І.О. Доброрез ; Нац. юрид. академія України ім. Я. Мудрого. – Х., 2005. – 20 с.

4. Горох О.П. Покарання за злочини у сфері обігу наркотичних засобів : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.08 / О.П. Горох ; Київський нац. ун-т внутр. справ. – К., 2007. – 21 с.

5. Раєцька Л.В. Кримінологічні засади протидії наркоманії в Україні : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.08 / Л.В. Раєцька ; Київський нац. ун-т внутр. справ. – К., 2007. – 20 с.

6. Дьяконов М.А. Русская Правда, памятник древнерусского права / М.А. Дьяконов, Е.А. Кивлицкий // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона : в 86 т. – СПб., 1890–1907.

7. К 90-летию Указа Императора Николая II «О мерах борьбы с опиением» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://рустрана.рф/article.php?nid=23705>.

8. История советского уголовного права / А.А. Герцензон, Ш.С. Грингауз, Н.Д. Дурманов, М.М. Исаев, Б.С. Утевский. – М., 1947. – 603 с.

9. Макарь И.М. Наркомания под запретом закона / И.М. Макарь. – Кишинев, 1990. – 114 с.

10. Карпович К.А. Уголовно-правовые меры борьбы с распространением наркомании / К.А. Карпович. – Ростов-на-Дону, 1972. – 205 с.

11. Уголовный кодекс УССР в редакции 1927 года / сост. И.И. Курицкий и др. – Х. : Юрид. изд-во НКЮ УССР, 1927. – 322 с.

12. Кримінальний кодекс України від 28 грудня 1960 року [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/2001-05>.

13. Кримінальний кодекс України від 5 квітня 2001 року № 2341-III [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show>.

14. Указ Президиума ВС СССР «О ратификации единой конвенции о наркотических средствах 1961 г.» от 14 декабря 1963 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.lawrussia.ru>.

15. Про наркотичні засоби, психотропні речовини і прекурсори : Закон України від 15 лютого 1995 року № 60/95-ВР [Электронный ресурс]. –

Режим доступа : <http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/60/95>.

16. Про ліцензування видів господарської діяльності : Закон України від 2 березня 2015 року № 222-VIII [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/222-19/page>.

СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРОСТУПКА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Яна ЗАДОРЖНАЯ,

соискатель кафедры административного и хозяйственного права
Одесского национального университета имени И.И. Мечникова

Summary

In the article the theoretical study of ways of committing an administrative offense as a sign of the objective side. Implemented by an analysis of the legal literature and the current legislation on the definition of "method", accentuation its main characteristics and legal consolidation in Administrative law. Reveals the contradictions that exist between the theory of administrative law and legislative activity. When using the legislative technique legislator does not always take into account the proper application of scientific terminology, which had a negative influence on the consolidation of legal way of an administrative act in the articles of the Code of Administrative Offences.

Key words: administrative offense, objective side of an administrative offense, way of a wrongful act, administrative legislation.

Аннотация

В статье проводится теоретическое исследование способа совершения административного проступка как признака объективной стороны состава. Осуществляется анализ юридической литературы и действующего законодательства относительно определения понятия «способ», выделения его основных признаков и правового закрепления в статьях административного законодательства. Раскрываются противоречия, существующие между теорией административного права и законотворческой деятельностью. При использовании законодательной техники субъект правотворчества не всегда учитывает правильность применения научной терминологии, что негативно отражается на правовом закреплении способа совершения административного проступка в статьях Кодекса Украины об административных правонарушениях.

Ключевые слова: административный проступок, объективная сторона административного проступка, способ совершения противоправного деяния, административное деликтное законодательство.

Постановка проблемы. Существует несколько факторов, обуславливающих актуальность исследований способа совершения противоправного деяния как признака объективной стороны состава административного проступка.

Первым фактором является необходимость реформирования института административной ответственности. Этот вопрос постоянно обсуждается на научно-практических конференциях и в научных публикациях, однако на правотворческом и правоприменительном уровнях ничего не делается. Реформирование института административной ответственности направлено прежде всего на улучшение и оптимизацию системы органов административной юрисдикции, которые вправе привлекать правонарушителей к административной ответственности, а также на разработку новой концепции административной ответственности в Украине и постепенное устранение противоречий и пробелов в действующем административно-деликтном законодательстве. К сожалению, ни одно из указанных направлений не было реализовано. Глава 7 Кодекса Украины об административных правонарушениях (далее – КУоАП) как в начале 1990-х гг. предусматривала более 40 органов, которые

вправе налагать административные взыскания, так и сегодня закрепляет огромное количество органов административной юрисдикции, численность которых с годами только увеличилась. О каком улучшении или оптимизации системы органов административной юрисдикции в таких условиях можно вести речь?

Плачевная ситуация наблюдается и относительно результатов реализации другого направления реформирования института административной ответственности – разработки новой концепции административной ответственности в Украине, а также устранения противоречий и пробелов в административно-деликтном законодательстве. Действующий КУоАП был принят 7 декабря 1984 г. и вступил в действие 1 июня 1985 г. За 30 лет произошли существенные изменения в административно-политической, социально-культурной и экономической сферах жизни нашего государства. К сожалению, эти изменения концептуально никак не изменили содержание КУоАП. Те ситуативные изменения и дополнения, которые вносились в его положения, напоминают больше процесс поспешного латания пробоин на тонущем корабле, нежели планомерное системное изменение правового режима административно-де-

ликтных отношений в стране. За почти 25 лет независимости государства политическая элита Украины, находящаяся у власти, так и не определилась, какую правовую систему и на каких принципах необходимо построить в Украине, какое место в этой системе занимает административно-деликтное законодательство. Следует признать, что законодатель в Украине никогда не задавался вопросами правильного использования терминологии в нормативных актах, регулирующих административно-деликтные отношения. Поэтому способ совершения административного проступка в КУоАП иногда закрепляется так, что при этом теряется сущность запрета, которую государство адресует гражданам.

Второй фактор, обуславливающий актуальность исследований способа совершения противоправного деяния как признака объективной стороны состава административного проступка, – это низкий уровень исследований объективной стороны административного проступка и такого его признака, как способ совершения противоправного деяния. Традиционно вопросы, касающиеся состава правонарушения и характеристики признаков его элементов, относились к сфере уголовного права, а потому представители административного права всегда дублировали нара-

ботки науки уголовного права, приспособивая их к потребностям отраслевой науки. Понятно, что в таких условиях наука административного права утратила способность решать глобальные задачи на концептуальном уровне (например, гармонично вписать концепцию прав человека в процедуру привлечения лица к административной ответственности), взамен сосредоточилась на решении мелких, сиюминутных проблем (например, изменении формулировки нормы закона, поскольку существующая формулировка двояко трактуется правоприменителем). Понимание состава административного проступка и его элементов относится к концептуальным вопросам административного права, поэтому мало кто из ученых-административистов обращается к данной тематике, а еще меньше исследователей обращают внимание на особенности правового закрепления в КУоАП способа совершения административного проступка.

Это и обуславливает необходимость углубленного изучения всех элементов и признаков, характеризующих состав административного проступка, среди которых особое значение имеет такой признак, как способ совершения противоправного деяния.

Состояние исследования. Отдельные аспекты способа совершения административного проступка рассматривались в работах А.М. Бандурки, Ю.П. Битяка, И.П. Голосниченко, Е.В. Додина, В.К. Колпакова, А.Т. Комзюка, А.И. Миколенко и других ученых. Вместе с тем в науке административного права комплексно, на монографическом или диссертационном уровне, эта проблема еще не исследовалась.

Целью и задачей статьи является раскрытие содержания такого признака объективной стороны административного проступка, как способ совершения противоправного деяния, и характеристика его отдельных видов. Новизна работы заключается в том, что мы наделяем способ совершения административного проступка новыми свойствами, которые традиционно не выделялись представителями науки уголовного права при характеристике способа противоправного деяния.

Изложение основного материала. Государство всегда реагирует на нарушения правил, которые им были уста-

новлены. Правонарушение в данном случае выступает в качестве юридического факта. Реакция государства заключается в том, чтобы через правовые нормы, устанавливающие административную ответственность, придать отношениям, которые возникают между государством и правонарушителем, охранительный характер [1, с. 25]. Для того чтобы эти правоохранительные отношения возникли и получили свое логическое развитие, необходимо четкое закрепление в действующем законодательстве всех признаков состава административного проступка. От того, насколько удачно законодатель справился с правовой регламентацией оснований административной ответственности, зависит качество и эффективность деятельности органов административной юрисдикции. Одним из проблемных и малоисследованных вопросов в этой сфере является правовая фиксация в КУоАП способа совершения административного проступка как квалифицирующего признака.

Способ совершения административного проступка как квалифицирующий признак состава предусматривается во многих нормах Особенной части КУоАП. В способе совершения административного проступка проявляются как фактические, так и социальные признаки (общественная опасность) проступка. Поэтому исследование способа как признака состава административного проступка имеет значение для выявления оснований административной ответственности, правильной квалификации проступков, а также разграничения смежных проступков.

Способ совершения административного проступка определяется в юридической литературе как форма, в которой получили свое отображение общественно опасные деяния, приемы и методы, которые использовал правонарушитель при совершении проступка [2, с. 67–68].

Обратим внимание на несколько признаков, которые характеризуют способ совершения административного проступка как признак объективной стороны состава.

Во-первых, способ совершения административного проступка нельзя отделять от противоправного деяния, хотя эти признаки выделяются отдельно при характеристике объективной стороны состава административного

проступка. В данном случае следует согласиться с мнением авторов «Энциклопедии уголовного права» под редакцией В.Б. Малинина, которые утверждают, что «оторвать» способ от противоправного деяния в физическом смысле невозможно, хотя ученые всегда это делают при анализе состава преступления, мысленно разъединяя объект и субъект, объективную и субъективную сторону, причинную связь и последствия, способ и деяние. Таким образом, если способ совершения преступления физически не может отделяться от деяния, то и границы способа определяются границами этого деяния [3, с. 444–445].

Во-вторых, способ характеризует как противоправное действие, так и противоправное бездействие. Эта точка зрения является спорной в юридической литературе. Например, авторы упомянутой «Энциклопедии уголовного права» утверждают, что не может быть никакого способа при бездействии. По их мнению, способ – это всегда признак или форма противоправного действия [3, с. 447]. В связи с этим рассмотрим некоторые составы административных проступков, закрепленных в КУоАП. Более 20 составов административных проступков содержат такой квалифицирующий признак противоправного деяния, как уклонение от совершения определенных действий. Например, ч. 1 ст. 44-1 КУоАП предусматривает ответственность за уклонение лица, больного наркоманией, от медицинского осмотра на наличие наркотического опьянения. Данное деяние, как утверждают авторы научно-практического комментария к КУоАП под редакцией А.С. Васильева и А.И. Миколенко, может совершаться как в форме действия, так и в форме бездействия. В форме действия противоправное уклонение совершается при невыполнении наркоманом распоряжения работников органов внутренних дел о прохождении им медицинского осмотра в виде явного отказа идти в указанное учреждение. В форме бездействия данное противоправное уклонение совершается, когда лицо, больное наркоманией, не прибывает в наркологическое учреждение, куда оно было направлено для осмотра на наличие наркотического опьянения [4, с. 134].

Считаем, что в отношении административных проступков, которые совершаются в форме бездействия, способ

их совершения можно рассматривать как невыполнение субъектом действий, которые он обязан и мог совершить для воспрепятствования тех или иных явлений либо процессов.

В-третьих, способ характеризует как умышленные деяния, так и совершенные по неосторожности. По этому вопросу также нет единого мнения в юридической литературе. Однако законодатель в ряде случаев использует терминологию, свидетельствующую о возможности совершения административного проступка определенным способом. Например, ст. 172-12 КУоАП предусматривает ответственность за неосторожное уничтожение или повреждение оружия, боевых припасов, средств передвижения, военной и специальной техники либо другого военного имущества. То есть уничтожение и повреждение как способы совершения административного проступка признаются законодателем деяниями, которые могут быть совершены в форме неосторожности. По этому поводу авторы «Энциклопедии уголовного права» отмечают, что терминология зависит от законодательной техники, применение тех или иных выражений вовсе не свидетельствует о правильности либо ложности этих теоретических положений. Наоборот, теория должна влиять на волю законодателя [3, с. 448].

Действительность же свидетельствует об обратных процессах во взаимоотношениях науки и законодательства. Сегодня законодатель диктует свою волю ученым, которые должны гармонично вплетать его «нововведения» в общую систему юридических знаний. К тому же существуют реальные факты привлечения лиц к административной ответственности за совершение противоправных деяний способом, который характеризуется наличием неосторожной формы вины. Именно эта объективная реальность заставляет современных ученых пересматривать традиционные взгляды на способ противоправного деяния и признавать факт возможности совершения неосторожных административных проступков определенным способом.

Способ совершения проступка является центральным звеном квалификации противоправного деяния. Все остальные элементы состава административного проступка так или иначе связаны со спо-

собом, хотя имеют и самостоятельное значение. Например, способ совершения противоправного деяния тесно связан с другими признаками объективной стороны состава административного проступка. Выступая самостоятельной единицей измерения поведения человека, способ не теряет общие свойства последнего. Более того, способ получает реальное воплощение только в акте поведения. В то же время сам способ существенно влияет на деяние и определяет его характер. Кроме того, способ находится в неразрывной связи не только с противоправным деянием, но и с другими признаками объективной стороны административного проступка (например, местом, временем, средствами, орудиями, последствиями противоправного деяния и другими).

Актуальным сегодня является также исследование отдельных способов, которые закреплены в нормах Особенной части КУоАП, что позволит в полном объеме установить фактические и социальные признаки конкретных административных проступков, выработать рекомендации относительно правильного применения норм КУоАП.

В юридической литературе представлена лишь одна классификация способа совершения противоправного деяния [3, с. 435–436]. Так, в зависимости от особенностей закрепления способа в нормах Особенной части КУоАП различают такие его виды:

а) способ, который четко закреплен в норме КУоАП. Это может быть один способ (например, ст. 148 КУоАП предусматривает ответственность за повреждение таксофонов) либо два и более способа (например, ст. 75 КУоАП предусматривает ответственность за уничтожение или повреждение межевых знаков в лесах);

б) способ, который не называется законодателем, но допускается при квалификации деяния. В этом случае в норме КУоАП дается перечень способов, который заканчивается словами «или иным способом» (например, ст. 172-8 КУоАП предусматривает ответственность за незаконное разглашение или использование другим способом лицом в своих интересах информации, которая стала ему известна в связи с выполнением служебных полномочий);

в) способ, который в норме КУоАП имеет лишь обобщенные признаки, что

требует со стороны правоприменителя оценочной деятельности. В этих случаях используются оценочные понятия. Например, ст. 185-4 КУоАП предусматривает ответственность за злостное уклонение свидетеля, потерпевшего, эксперта, переводчика от явки в органы предварительного расследования или прокуратуру. То есть у правоприменителя возникает необходимость разграничения поступков лица, которые в одних случаях следует рассматривать как обычное «уклонение от явки», а в других – как «злостное уклонение от явки».

К наиболее распространенным способам совершения административных проступков, которые закреплены в Особенной части КУоАП, можно отнести следующие:

1) уклонение от совершения определенных действий (например, ч. 1 ст. 184 КУоАП предусматривает ответственность за уклонение родителей или лиц, их заменяющих, от выполнения предусмотренных законодательством обязанностей по обеспечению необходимых условий жизни, обучения и воспитания несовершеннолетних детей);

2) сокрытие и утаивание информации или предметов материального мира (например, ст. 82-3 КУоАП предусматривает ответственность за сокрытие достоверной информации по обращениям граждан относительно безопасности образования отходов и обращения с ними, в том числе об их аварийных сбросах и соответствующих последствиях);

3) совершение противоправных деяний, связанных с грубым воздействием на предметы материального мира, что влечет за собой изменение свойств этих предметов: уничтожение, повреждение и порчу (например, ст. 56 КУоАП предусматривает ответственность за уничтожение гражданами межевых знаков границ землепользования);

4) совершение самовольных действий (например, ст. 186 КУоАП предусматривает ответственность за самоуправство);

5) совершение обманных действий (например, ст. 163-8 КУоАП предусматривает ответственность за манипулирование на фондовом рынке).

Выводы. Таким образом, для закрепления способа административного проступка в нормах Особенной части КУоАП законодатель использует раз-

INTERNATIONAL LEGAL OBLIGATIONS OF STATES ABOUT THE PROVIDING OF REALIZATION OF INTERNATIONAL LABOR STANDARDS FOR SEAFARERS

Alla IVANOVA,

candidate of law, associate, associate professor of maritime law
Odessa National Maritime Academy

Summary

This thesis deals with the features of the implementation of international standards in the sphere of sailors labor. Were analyzed the conditions of implementation of international labor law into national legislation at both the international and national level. Special attention is paid to the features of effective control systems of surveillance and monitoring of compliance with international labor standards for sailors. Highlighted the conditions of implementation of international labor law in the national legislation of states. It is proved that the fulfillment of international commitments depends on the consistency between the international and national legal systems, which calls for necessity of law-making and law enforcement efforts on the implementation of international law at the national level and the establishment of an effective mechanism for the realization of international law in the state.

Key words: international public labor law, implementation of international labor law, international-legal mechanisms for implementation, surveillance and monitoring systems.

Аннотация

Статья посвящена исследованию особенностей имплементации международных стандартов в сфере труда моряков. Показаны особенности эффективности контроля над системами надзора и соблюдением международных стандартов в сфере труда моряков. Значительное внимание уделено определению роли международных организаций как особого субъекта международного трудового права в международно-правовом регулировании труда моряков. Выделены условия имплементации норм международного трудового права в национальное законодательство государств. Обосновывается, что исполнение международных обязательств зависит от согласованности международной и национальной правовых систем, что обуславливает необходимость исполнения правотворческих и правоприменительных усилий по имплементации норм международного права на национальном уровне и созданию эффективного механизма реализации норм международного права в государстве.

Ключевые слова: международное трудовое право, имплементация международного трудового права, международно-правовые механизмы имплементации, системы надзора и контроля.

Problem definition. International law is constantly develops, which involves the review and adaptation of the existing rules on the new terms of the relationship between the states, including those, caused by changes in the international labor law. The value of international control for law enforcement and justice as a new institution of international law is increasingly growing. This is due to the expansion of cooperation between states in all spheres of political, economic and socio – cultural lives.

At the present stage of development of international relations, relations of states based on conscientious fulfillment of their obligations, nevertheless to achieve efficiency of international – law norms

of states, are referred specific measures ensuring the principle of *pacta sunt servanda*, among which a special place is given to international control.

Task of the article is to determine the specifics of supervision and monitoring of international labor standards of seafarers and their classification for various reasons. An aim of the article is to identify and study effectiveness of the system of provision of realization of international labor standards for sailors.

Analysis of the extent of the problem research. Issues related to the international legal obligations of states with regards to the realization of international standards in the field of seafarers labor have been the subject

личные приемы законодательной техники, разнообразную терминологию, а иногда употребляет оценочные понятия. Это обусловлено разнообразием проявлений способа в конкретных составах административных проступков. Однако разнообразие проявлений способов в конкретных составах проступков не исключает общее правило, что если способ закреплен в диспозиции нормы Особенной части КУоАП, то он является обязательным признаком соответствующего состава проступка.

Под способом совершения административного проступка следует понимать форму, в которой получили свое выражение общественно опасные деяния, приемы и методы, которые использовал правонарушитель при совершении проступка. Способ совершения административного проступка как признак объективной стороны состава характеризуется следующими признаками: неотделим от противоправного деяния; характеризует как противоправное действие, так и противоправное бездействие; присущ как умышленным, так и неосторожным деяниям.

Список использованной литературы:

1. Николаева Л.А. Административная ответственность как охранительное правоотношение / Л.А. Николаева // Административная ответственность: вопросы теории и практики : сб. статей. – М. : Институт государства и права Российской академии наук, 2004. – С. 24–31.

2. Миколенко А.И. Административный процесс и административная ответственность в Украине : [учеб. пособие] / А.И. Миколенко. – Х : ООО «Одиссей», 2004. – 272 с.

3. Энциклопедия уголовного права : в 35 т. / [В.Б. Малинин, В.Н. Кудрявцев, Н.И. Коржанский, В.Г. Павлов и др.] ; под ред. В.Б. Малинина. – СПб. : Издание профессора Малинина, 2005–. – Т. 4 : Состав преступления. – 2006. – 798 с.

4. Кодекс України про адміністративні правопорушення: науково-практичний коментар / [А.С. Васильев, В.М. Гарашук, Є.В. Додін та ін.] ; за заг. ред. А.С. Васильєва, О.І. Миколенка. – Х. : ТОВ «Одиссей», 2010. – 1024 с.

of research of many scientists, including: V.N. Denisov, S.Y. Marochkin, B.I. Osminin, O.S. Savich, A.N. Shemyakin. Some interest to the implementation of international norms of labor law into the national law of states is seen in the works of foreign researchers, such as: N. Valtikos, J.-P. Kembi, L. Svebston, E. Shvelb.

The presentation of the base material. An important role among the means of promoting the realization of international labor standards for sailors, plays international control, which operates in the international regulation of labor [1, p. 67]. International legal control mechanism establishes certain international – legal obligations of States in connection with their implementation of International Labor Organization (the ILO) conventions, and other multilateral agreements that contain certain international standards on labor of sailors.

The process of development of international labor standards for sailors, increasing the role of international instruments in their ensuring indicate the formation of international protection of seafarers rights at the present stage. Concerning international protection of labor rights of seafarers, international cooperation in this area, there are always arise problems in the relationship between international and domestic law, international labor standards for seafarers and domestic jurisdiction of States, international and national legal personality of individual.

The concept of control in international law is mainly used to describe methods of checking the realization of the obligations assumed by the state. Control is used in cases where other means virtually impossible to establish whether the states officiate their obligations. This is accomplished by coordinated actions of nations and built so that its realization does not violate the sovereignty of states, and the control can not be used to interfere in their internal affairs. In fact, international control as a structural element of the implementation mechanism of the Convention covers the following links: ensuring the verification of compliance of States activity with adopted international obligations; establishment of possible violations of state assumed international obligations; facilitation of optimum realization of international law norms.

Of course, in the sphere of social – labor rights protection and social security of sailors, the priority is given to domestic agencies and organizations, mechanisms and procedures. «The main thing – is, as says the R.A. Müllerson, socio-economic level of state development, development and stability of its political institutions and structures» [2, p. 93]. In practice of the control mechanisms activity of international human rights, they are most effective when and where states themselves are ready to care about human rights [3, p. 35].

At the same time it should be indicated, that the issue of the system of supervision and control over compliance with international labor standards of seafarers may be considered only in relation to sources of public international labor law, which are binding. Such systems can be roughly classified on various grounds. Thus, on the basis of the exercise order of supervision and control, systems of supervision and control are divided into autonomous and proactive.

Autonomous systems do not require the intervention of third parties to begin their implementation. Control and supervision in accordance with such systems start automatically on the fact of adoption or official recognition of provisions of any international standard by specific primary subject of public international labor law. This type of control – supervision system is provided, in particular, by the ILO Charter concerning ratified by the states Conventions.

Initiative systems suggest that for the control – supervisory measures it is necessary treatment to control – supervisory agencies whichever interested subject. This system is provided, in particular, by art. 26 of the ILO concerning complaints received from states – members, and art. 24 concerning protests of associations of workers and employers. As a result of such appeals, state – offender is requested for relevant comments and issue is carefully studied by the specialized Committee of Inquiry of the ILO. Under the terms of art. 26–34 of the ILO Constitution, end-stage procedure may become the exercise of ILO recommendations by the state or proceedings in the International Court of Justice.

The level of implementation of all systems to ensure the implementation

of international labor standards can also be divided into two groups: interstate systems, that are carried out by the internal control – supervision institutions, and the international legal systems, that are realized through the international – legal instruments.

Exploring the control and supervision mode of international labor standards for seafarers, should be indicated the judicial constitutional control in respect of international agreements. Such control is carried out with respect to international treaties that are not effective for the state yet, but the conclusion of which is considered by relevant bodies (preliminary control), and against international treaties entered into force for the state (further control).

In addition, considering the system of implementation of international labor standards, it should be indicated the features of the Constitutional Court influence on the realization of international treaty obligations. The Constitutional Court may inaugurate impact on the implementation of international treaty obligations with the help of – first, the check of constitutionality of dialed into force for the state international agreements; in – the second, follow-up check of constitutionality of acts which authorize international agreements and determine the order of their use; and – thirdly, verification of compliance with laws and bylaws that came into force for the state by international agreements (conventional control).

Determining the impact of the Constitutional Court on the realization of international treaty obligations B.I. Osminin notes, that if the first and second procedures «can respectively directly or indirectly impede the realization of international treaty obligations in the national legal system in the case of recognition of the unconstitutionality of international treaties and acts authorizing the conclusion of international agreements and determine the order of their application, the latter procedure, by contrast, is aimed on the ensuring without prejudice realization of international treaty obligations in the domestic sphere» [4, p. 298].

At the same time we should recognize that in the constitutions of most states are not foreseen the possibility of judicial constitutional control in relation to

international agreements which became effective for the state. Constitutions of many countries prohibit directly check the constitutionality of such agreements. Thus, the US Supreme Court, exercising judicial constitutional control regarding the regulations of other branches of government, as well as laws, does not consider the constitutionality of international treaties, despite the fact that according to the US Constitution, federal laws and treaties have the same legal force and turn by «Supreme law of the country» [5, p. 287].

Some other countries (Germany, Italy, Belgium, Russia) suggest the possibility of follow-up check only in relation to acts, which authorize international agreements and determine the order of their application in the national legal system. We shall note, that the Constitutional Court of Ukraine has the right to exercise in respect of international treaties not only the previous, as well as subsequent constitutional control. According to art. 151 of the Constitution of Ukraine Constitutional Court of Ukraine by the Presidents of Ukraine presentation or the Cabinet of Ministers of Ukraine, provides an opinion on the constitutionality of existing international agreements of Ukraine.

An important place in the system of supervision and control over compliance with international labor standards also takes the verification of the compliance of laws and bylaws of international agreements. So, in those states where the constitution set the priority of international treaties before national laws, checking the conformity of laws with international agreements can be made by the Constitutional Court (conventional control). «Clearly consolidation of the primacy of international agreement in relation to domestic legislation, that is the legislation below the constitutional level, – said V.V. Maklakov – suggests the occurrence of institute of conventional control, i.e. control over the compliance of any law or administrative act of an international agreement» [6, p. 22].

Internal supervision and control systems are provided for in the labor law of a particular state and apply only to international standards, officially recognized, that formally integrated by that State in its labor legislation. In this case the mode of control and

supervision of their observance usually is no different from the control and supervisory regime, established for domestic labor standards. Realization of such supervision and control is the responsibility of the relevant supervisory and control authorities in the sphere of labor – the various government agencies and services, as well as government and labor inspections. Supervisory and control activities have common goals and objectives. However, the difference lies in the competence, functions, the methods of identifying the violations and ways of responding to them. In Ukraine, the rules of supervision and control over the observance of labor legislation, contained in Chapter XVIII Labor Code of Ukraine, as well as in special normative legal acts. These rules reinforce the system of supervision and control, the principles of their activity, interaction with other bodies and organizations, the main tasks and positions.

International legal system of supervision and control in regard to compliance with specific international labor standards are generally provided in statutes issuing by the international community, or directly in the relevant international instruments of bilateral and multilateral nature. It should be noted that the supervisory and control systems in public international labor law greatly resemble domestic ones. For example, as in the labor law of majority states, at the international level may be divided into two main forms of supervision and monitoring for compliance with international labor standards – and non-governmental mixed (tripartite).

As you know, within the state non-state supervision and control in respect of compliance with labor standards is usually carried by representative organizations of workers and other public (generally, human rights) organizations. At the international level, this form of control is implemented within the framework of certain international non-governmental communities activity.

International non-governmental communities can review and control an enforcement of international labor standards by both employers and workers associations, and by any other non-state actors. But the major powers in this area have trade unions of workers. Such associations are usually legally authorized

to do trade union control domestically – including the question of compliance of employers and government agencies with international labor standards – and then bring the information to the attention of various international non-governmental communities.

Mixed (tripartite) form of supervision and control over compliance with international labor standards is carried out by control and supervisory procedures of the ILO. These procedures are almost at all stages involve government officials, and national associations of employers and employees from each of the member States of the ILO. This principle finds its realization in the insurance of democratic control over the activities of the ILO. Thus, the development of a special mechanism for monitoring compliance with the obligations of States adopted by the ILO Constitution and Conventions of the ILO today is a major contribution of the ILO in the international protection of human rights in the workplace.

Control and supervisory procedure carried by ILO, includes two main stages: granting reports regarding recognition of States and their compliance with ILO regulations and subsequent study of these reports. In fact, according to art. 22 ILO Constitution, each state, which is a part of the ILO shall provide the International Labor Office by the annual report regarding measures adopted by this state in order of implementation of the conventions ratified by it. Requirements to specific content of the reports are established by the Governing Body of the ILO. In practice, the work associated with periodic monitoring of the application of ratified and not ratified Conventions and recommendations is made by two supervisory bodies of the ILO Committee of Experts on the Application of Conventions and Recommendations of the Administrative Council, and the Committee on the Application of Conventions and Recommendations of the International Labor Conference, whose functions are in order to analyze the periodic reports of governments on the application of conventions in countries cite in their reports, conclusions regarding the actual compliance of national law with the provisions of conventions and to look for the Member States on the presence in their domestic law discrepancies to these conventions. Simultaneously committees

are turning to governments with a request to eliminate such inconsistencies.

Ratification of ILO conventions – is not only a significant step in its implementation, but also an act, that opens up opportunities for international control over such implementation. States' obligation to provide the competent authority to consider the newly adopted Convention and provide the International Labor Office on request of the Governing Body, reports on the state of their law and practice with regard to unratified conventions is certain motivating factor towards implementation of the state treaty rules, as such reports are discussed at the Conference and can get there a particular political assessment. The ratification itself triggers the control mechanism that exists in the ILO, in all its volume.

The second stage of control and supervisory ILO procedure, which consists of the study report, is also carried out in two stages. First, the Committee of Experts on the Application of Conventions and Recommendations examine the relevant reports submitted by the Members. Following the study committee creates a personal report on the compliance of issue to these acts. Then on the annual International Labor Conference the report of the Committee of Experts is studied by the special tripartite Committee concerning the Application of Conventions and Recommendations.

In addition, a special place has another control procedure for the practical application of conventions – consideration of specific complaints received from national and international professional and other public organizations and states. Due to the great value provided by the ILO principle of freedom of association, to monitor compliance with this principle in the ILO is provided a specialized ILO Freedom of Association Committee and already mentioned above ILO Commission of Inquiry.

Thus, in the aggregate, the characteristics above made the ILO control unique. The effectiveness of the monitoring mechanism of the ILO has been the subject of studies, conducted in the last century as part of the ILO [7]. And some authors, who came to positive conclusions [8]. N. Valticos claims that the «control mechanism of the ILO is the most developed and remains a model for

other international organizations» [9]. L. Svepston is sure, that the «procedures that exist within the ILO, are the part of a larger international system for the implementation of international standards on human rights, as well effective, even despite of the frequent recourse to complaints procedures» [10, p. 100]. So, we could argue that the measure of the effectiveness of the control mechanism is not the degree of appeal procedures of individuals who believe that the state adheres to the commitments and agree with other researchers in the field of international law.

Conclusion. The features of international relations in the sphere of work determine the nature and scope of international labor law, which causes the direction of building a mechanism of implementation of its rules and contains a mechanism of monitoring their compliance with both international and national level. However, it should be clear state possibilities to enforce international obligations in this field, including the adherence to certain international labor standards with a view to implement them in real life.

To ensure the realization of international labor standards for sailors it is characteristically to create control mechanisms at both the domestic and international levels, which are intended to ensure the implementation of the relevant standards and contribute to the implementation of international law in the national legislation of States.

In accordance with the principle of good faith of realization of international commitments, each state must adopt the most effective domestic measures for which the state may establish special bodies and give them control functions.

International – legal science, summarizing accumulated experience, must develop and recommend to the international practice new forms, methods and means of international control – as an important tool to ensure compliance of international obligations by the states.

Literature:

1. Марочкин С.Ю. Проблемы обеспечения реализации норм международного права / С.Ю. Марочкин // Советский ежегодник международного права. – М. : Наука, 1987. – С. 64–79.

2. Мюллерсон Р.А. Права человека: идеи, нормы, реальность / Р.А. Мюллерсон. – М. : Юридическая литература, 1991. – 160 с.

3. Денисов В.Н. Эффективність міжнародного права у правовому механізмі зовнішньополітичної діяльності держав / В.Н. Денисов // Законодавство: проблеми ефективності. – К. : Наукова думка, 1995. – С. 205–217.

4. Осминин Б.И. Заключение и имплементация международных договоров и внутригосударственное право : [монография] / Б.И. Осминин. – М. : Инфотропик Медиа, 2010. – 400 с.

5. Лукашук И.И. Современное право международных договоров : в 2 т. / И.И. Лукашук. – М. : Волтерс Клувер, 2004–2006. – Т. 1 : Заключение международных договоров. – 2004. – 672 с.

6. Маклаков В.В. Конституции зарубежных государств : [учеб. пособие] / В.В. Маклаков. – 2-е изд., исправ. и доп. – М. : БЕК, 1999. – 584 с.

7. Expression of consent by states to be bound by a treaty. Part I: Analytical report. – P. 21–26.

8. Landy E.A. The Effectiveness of International Supervision: Thirty Years of ILO Experience / E.A. Landy. – London : Stevens and Sons, 1966. – 268 p.

9. Valticos N. Once More About the ILO System of Supervision: In What Respect is it Still a Model? / N. Valticos // Towards More Effective Supervision by International Organizations. Essays in Honour of Henry G. Schermers / ed. by N. Blokker and S. Muller. – Dordrecht : MNP, 1994. – P. 112–121.

10. Svepston L. Human Rights Complaint Procedures of the International Labour Organization / L. Svepston // Guide to International Human Rights Practice / ed. by H. Hannum. – 3 ed. – Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1999. – P. 100–101.

ОСОБЕННОСТИ ТРЕБОВАНИЙ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ К СУБЪЕКТАМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОБЛЮДЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ В СФЕРЕ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Владислав КАРЕЛИН,

кандидат юридических наук, лейтенант внутренней службы, преподаватель цикла уголовно-правовых дисциплин Черниговского юридического колледжа Государственной пенитенциарной службы Украины

Summary

The article deals with the problem of the requirements of international legal acts to the subjects of the administrative and legal regimes in the area of criminal sanctions execution. The main domestic and international regulations that establish the requirements for officials of the State Penitentiary Service of Ukraine, as well as the personnel of penitentiary institutions of foreign countries that provides legal and administrative penitentiary regimes are defined. After analyzing international norms and national legislation should be mentioned that there are a number of requirements, which relate mainly to such moments as the subject's correspondence to the qualification requirements; subject's training and retraining; social and legal protection; control over their activities.

Key words: regime, legal regime, administrative and legal regime, state penitentiary service, penitentiary system of Ukraine.

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы требований международно-правовых актов к субъектам применения административно-правовых режимов в сфере исполнения уголовных наказаний. Определены основные внутрисударственные и международные нормативно-правовые акты, которые устанавливают и определяют требования к должностным лицам Государственной пенитенциарной службы Украины, а также к персоналу пенитенциарных учреждений зарубежных стран, которые обеспечивают административно-правовые режимы исполнения наказаний. В результате анализа международных норм и национального законодательства следует сказать, что существует целый ряд требований, которые касаются в основном таких моментов, как соответствие субъектов квалификационным требованиям, подготовка и переподготовка субъектов, социальная защита и правовая защита, контроль за их деятельностью.

Ключевые слова: режим, правовой режим, административно-правовой режим, государственная пенитенциарная служба, пенитенциарная система Украины.

Постановка проблемы. Современная социально-экономическая ситуация в Украине и изменения, происходящие во всех сферах ее общественной жизни, вызывают необходимость пересмотра содержания многих нормативно-правовых актов предыдущего периода развития правовой системы нашего государства и приведения национального законодательства в соответствие с требованиями Конституции Украины и международных правовых актов в сфере обеспечения прав и свобод человека и гражданина.

Актуальность темы исследования. Одной из основных тенденций современного развития отечественной правовой системы является ее открытость, использование прогрессивных зарубежных концепций, имплементация общепризнанных международных принципов, норм и стандартов по правам и свободам человека и гражданина.

В настоящее время идет активный процесс вхождения Украины в мировое сообщество, что означает, что наше государство при разработке и принятии новых законодательных актов должно руководствоваться не только нацио-

нальными правовыми нормами, но и международными правовыми актами, в частности, международными стандартами по правам человека.

Состояние исследования. Существенный вклад в разработку теоретико-прикладных основ управления в Государственной пенитенциарной службе Украины и требований к персоналу органов и учреждений исполнения наказаний осуществили В.Б. Аверьянов, И.Г. Богатырев, А.Н. Бандурка, В.В. Белевцева, Ю.П. Битяк, А.Г. Братель, А.С. Васильев, И.П. Голосниченко, С.К. Гречанюк, С.В. Зльвко, В.В. Зуй, И.В. Иваньков, С.В. Кивалов, Т.А. Коломоец, В.М. Комарницкий, А.Т. Комзюк, С.А. Кузниченко, С.К. Могил, Т.П. Минка, В.Я. Настюк, А.И. Олейник, С.В. Петков, В.М. Плишкин, М.М. Ребало, А.Х. Степанюк, М.М. Тищенко, В.М. Трубников, С.О. Чебененко и другие ученые. Для процесса исследования указанного института ценными стали труды зарубежных и советских ученых, например С.С. Алексеева, Ф. Ардана, Д.М. Бахраха, Д.М. Власова, В.М. Григорьева, Ж. Гримо, А.В. Грязнова, В.В. Гущина, А.Л. Дубовика, Р. Драго, А.Е. Жалинского,

А.П. Коренева, Ю.М. Козлова, А.М. Ларина, С.В. Лебедь, В.В. Лозбинова, И.Л. Петрухина, Б.Н. Порфирьева, С.В. Пчелинцева, В.Б. Рушайло, С.Д. Хазанова и других.

Актуальность работы подтверждается тем, что исследование проблемы требований международно-правовых актов к субъектам применения административно-правовых режимов в сфере исполнения уголовных наказаний является одной из малоисследованных проблем как в общей теории права, так и в науке уголовно-исполнительного права, а также, бесспорно, науке административного права. Понимание проблематики данного элемента, несовершенство законодательства и правоприменительной практики, необходимость приведения их в соответствие с международными стандартами и повышения эффективности уже существующих правовых норм и правовых институтов государства, формирование позитивного правового сознания и правомерного поведения персонала и осужденных указывают на своевременность исследования содержания международно-правовых актов, которые обеспечивают

деятельность субъектов административных режимов в органах и учреждениях исполнения наказаний.

Целью и задачей статьи является исследование проблематики международных стандартов, которые касаются субъектов обеспечения административно-правовых режимов в сфере исполнения уголовных наказаний, как предпосылки реформирования пенитенциарной системы Украины.

Изложение основного материала.

На сегодняшний день, проанализировав работы упомянутых ученых, мы пришли к выводу, что система административно-правовых режимов, разработанная еще в советские времена, устарела, поэтому требует переосмысления и пересмотра.

Пенитенциарная система Украины сегодня имеет значительное количество административно-правовых режимов, которые регулируют и координируют ее деятельность. Однако со времени становления Украины как независимого государства изучение этого вопроса проводилось в большинстве случаев с точки зрения уголовно-исполнительного права и не касалось детального рассмотрения административно-правовых аспектов режимов в сфере исполнения наказаний, не говоря уже о субъектах режимной деятельности в органах и учреждениях исполнения наказаний.

Для понимания предмета исследования, а именно требований к субъектам, которые обеспечивают соблюдение административно-правовых режимов в сфере исполнения уголовных наказаний, необходимо дать определение административно-правовых режимов в органах и учреждениях исполнения наказаний. Нами предложено определение административно-правового режима в органах и учреждениях исполнения наказаний как совокупности способов и средств централизованного регулирования уголовно-исполнительных отношений, которые комплексно регламентируются нормами административного и уголовно-исполнительного законодательства и обеспечивают деятельность исполнения и отбывания уголовных наказаний как администрации и обслуживающим персоналом Государственной пенитенциарной службы Украины, так и осужденными, непосредственно отбывающими наказание в местах лишения свободы [1, с. 52].

Исследование данного вопроса, по нашему мнению, необходимо начать с определения международных квалификационных групп требований к субъектам обеспечения административно-правовых режимов в органах и учреждениях исполнения наказаний.

Для того чтобы дать объяснение этого определения, нужно понять, что является собой группа требований вообще. Термин «требования» в «Большом толковом словаре современного украинского языка» обозначается как «нормы, правила, которым кто-, что-нибудь должны подлежать» [2, с. 141]. В нашем случае это требования, которым должны соответствовать администрация и сотрудники органов и учреждений Государственной пенитенциарной службы Украины. То есть это определенная совокупность норм, правил, которыми регулируется деятельность сотрудников органов и учреждений Государственной пенитенциарной службы Украины.

Для полной характеристики упомянутых требований следует проанализировать нормативно правовые акты как внутринационального, так и международного характера, в связи с чем целесообразно установить определенную классификацию требований. В зависимости от сферы влияния нормативно-правовые акты делятся на такие виды: документы общего характера; документы, которые устанавливают требования к субъектам, обеспечивающим административно-правовые режимы органов исполнения наказаний; документы, которые обеспечивают административно-правовые режимы в деятельности учреждений исполнения наказаний.

Рассмотрим предложенную классификацию более детально. Так, к первой группе мы относим документы общего характера:

– Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, который был принят Резолюцией № 34/169 Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций (далее – ООН) 17 декабря 1979 г. (состоит из 8 статей, содержащих общие требования к сотрудникам всех правоохранительных органов и непосредственно регулирующих деятельность этих органов) [3];

– Принципы медицинской этики, которые приняты Резолюцией № 37/194

Генеральной ассамблеи ООН 18 декабря 1982 г. (состоят из 7 принципов, которые обуславливают особенности работы врачей с такой специфической категорией людей, как осужденные, а также специфику правонарушений со стороны этих должностных лиц) [4].

Ко второй группе относятся документы, которые устанавливают требования к субъектам, обеспечивающим административно-правовые режимы в органах исполнения наказаний:

– Минимальные стандартные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила), которые приняты Резолюцией № 45/110 Генеральной Ассамблеи ООН 14 декабря 1990 г. (состоят из 23 статей, в которых обозначаются сфера применения наказаний, не связанных с тюремным заключением, правовые гарантии осужденных, стадии предварительного следствия, суда и вынесения приговора, осуществление мер, не связанных с тюремным заключением, требования к персоналу органов и учреждений исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы) [5];

– Правила Совета Европы о probationi, которые были приняты Комитетом Министров государств-членов Совета Европы 20 января 2010 г. (состоят из 108 пунктов, дающих четкое представление об основных принципах probationi, организации работы, правовом статусе персонала, взаимодействии службы probationi с другими органами, ее функциями и так далее) [6].

К третьей группе мы относим документы, которые касаются деятельности учреждений исполнения наказаний:

– Правила ООН по обращению с заключенными (Правила Манделы), которые состоят из 122 правил (изменения коснулись девяти программных отраслей, в том числе охраны здоровья заключенных, расследования случаев смерти в заключении, применения дисциплинарных мер, в том числе строгого ограничения одиночного заключения, повышения профессионализма тюремного персонала и независимых инспекций) [7];

– Европейские тюремные правила, которые приняты Комитетом Министров 12 февраля 1987 г. (включают 105 статей, в которых обозначены основные принципы обращения с лицами,

заключенными под стражу; они характеризуют минимальные условия, которые рассматриваются Советом Европы в качестве приемлемых для обеспечения защиты указанных лиц от жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство человека обращения, поддержания дисциплины и порядка в пенитенциарных учреждениях) [8].

Именно с учетом предложенной классификации, проведя исследования упомянутых документов, следует сделать вывод, что требования общего характера для субъектов, которые обеспечивают административно-правовые режимы в сфере исполнения наказаний, являются основой и первоисточником поддержания правопорядка, а субъекты административно-правовых режимов обязаны выполнять возложенные на них законом обязанности, служа обществу и защищая всех лиц от противоправных действий в соответствии с высокой степенью ответственности, требуемой их профессией.

Термин «должностные лица по поддержанию правопорядка», в соответствии с международными документами, включает всех назначаемых или избираемых должностных лиц, связанных с применением права и обладающих полицейскими полномочиями, особенно полномочиями на задержание правонарушителей; а в тех странах, где полицейские полномочия осуществляются представителями военных властей в форменной или гражданской одежде либо силами государственной безопасности, определение понятия «должностные лица по поддержанию правопорядка» охватывает также сотрудников подобных служб [3].

Следует уточнить, что эти требования находят свое отображение также в национальном законодательстве Украины: Кодексе этики и служебного поведения персонала Государственной уголовно-исполнительной службы Украины от 19 декабря 2012 г. [9], Законе Украины «О предотвращении коррупции» от 14 октября 2014 г. № 1700-VII [10], Законе Украины «О Государственной пенитенциарной службе Украины» от 23 июня 2005 г. № 2713-IV [11].

В частности, в соответствии с п. 3.4.1 Кодекса этики и служебного поведения персонала Государственной уголовно-исполнительной службы Украины представители администрации, которая

обеспечивает реализацию административно-правовых режимов, берут на себя такие моральные обязательства: 1) признавать в профессиональной деятельности приоритет государственных и служебных интересов над личными; 2) быть примером безусловного соблюдения требований действующего законодательства и служебной дисциплины, оставаться при любых обстоятельствах честным и неподкупным, преданным интересам службы; 3) относиться нетерпимо к любым действиям, которые оскорбляют и унижают человеческое достоинство, причиняют боль и страдания, представляют собой пытки, жестокость, бесчеловечное обращение с осужденными, лицами, взятыми под стражу, и гражданами; 4) быть мужественными и бесстрашными в опасных ситуациях, которые возникают во время несения службы, ликвидации последствий аварий и стихийных бедствий, проведения мероприятий по спасению жизни и сохранению здоровья людей; 5) проявлять твердость и непримиримость в работе с гражданами и осужденными, применяя для достижения поставленной цели исключительно законные и высоконравственные принципы; 6) хранить и приумножать служебные традиции органов, учреждений исполнения наказаний, следственных изоляторов и учебных заведений, которые принадлежат к сфере управления Государственной пенитенциарной службы Украины [9].

Как уже отмечалось, подобные требования к исследуемым субъектам отображены Законом Украины «О предотвращении коррупции», а также Законом Украины «О Государственной пенитенциарной службе Украины». Это значит, что наше государство идет по пути реформирования пенитенциарной системы, как это было сделано в государствах европейского содружества, которые, как известно, ставят превыше всего задачу защиты прав и свобод человека и гражданина. Поэтому деятельность Государственной уголовно-исполнительной службы Украины по защите прав и свобод человека и гражданина показывает, что она проводится на основе соблюдения прав и свобод человека и гражданина, которые изложены в международных стандартах [10; 11].

Нельзя оставить без внимания и требования стандартов относительно субъектов, которые обеспечивают

административно-правовые режимы органов и учреждений исполнения наказаний.

Проведя анализ международных норм и национального законодательства, следует сказать, что существует целый ряд требований, которые касаются в основном соответствия субъектов квалификационным требованиям, подготовки и переподготовки субъектов, социальной и правовой защиты, контроля за их деятельностью.

Объект нашего исследования требует более детального рассмотрения упомянутых категорий на предмет соответствия искомым субъектам квалификационным требованиям таких международных документов, как Минимальные стандартные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила), Минимальные стандартные правила ООН по обращению с заключенными (Правила Манделы), Европейские тюремные правила. Следует отметить, что их требования примерно одинаковы и сводятся к таким компонентам: а) запрету дискриминации при приеме на работу; б) необходимости учитывать национальные особенности квотного набора; в) ограничению наличия необходимых личных качеств кандидатов их надлежущей профессиональной подготовкой и практическим опытом; г) персонал должен иметь статус государственных служащих как специализированного тюремного персонала, который пользуется статусом государственных служащих, имеющих уверенность в сохранении их в должности при условии их хорошего поведения, эффективности их работы и физической способности выполнять возлагаемые на них задачи [5; 7; 8].

Также необходимо отметить, что данные международные документы предъявляют отдельные требования к руководству учреждений исполнения наказаний. В частности, на должность директоров тюремных учреждений следует назначать лиц, достаточно квалифицированных в силу их характера, административных способностей, надлежущей подготовки и опыта.

При этом укажем, что национальное законодательство в основном соответствует международным требованиям. Так, в соответствии с Законом Украины «О Государственной уголовно-ис-

полнительной службе Украины» на службу в Государственную уголовно-исполнительную службу Украины принимаются на конкурсной, добровольной, контрактной основе граждане Украины, которые способны по своим личным, деловым и моральным качествам, возрасту, образованию и профессиональному уровню и состоянию здоровья эффективно выполнять соответствующие служебные обязанности. Также следует отметить, что квалификационные требования к профессиональной пригодности определяются и нормативно-правовыми актами Министерства юстиции Украины [11].

Кроме того, с целью предупреждения коррупции в отношении лиц, претендующих на службу в Государственной уголовно-исполнительной службе Украины, с их письменного согласия проводится специальная проверка в соответствии с Законом Украины «О предотвращении коррупции», согласно требованиям которого на службу не может быть принято лицо, имеющее непогашенную или неснятую судимость за совершение преступления (кроме реабилитированного), или лицо, на которое в течение последнего года налагалось административное взыскание за совершение коррупционного правонарушения [11].

Следующим компонентом, на который необходимо обратить внимание, является профессиональная подготовка и переподготовка персонала. Упомянутые международные документы указывают, что обучение персонала должно проводиться не только при приеме на работу, но и в процессе работы, то есть необходимо осуществлять переподготовку и повышение квалификации персонала. При этом к службе должны допускаться только те сотрудники, которые сдали квалификационные экзамены.

В соответствии с изложенными требованиями кандидаты на занятие должности в Государственной пенитенциарной службе Украины сдают квалификационные экзамены на знание уголовно-исполнительного, уголовного и процессуального законодательства, а также проходят психологическую спецпроверку и проверку психиатра при прохождении военно-лечебной комиссии, результаты которой заносятся в специальную амбулаторную карту.

Это помогает выяснить уровень интеллектуального и эмоционального развития будущих сотрудников, а также их психологическую готовность к такой специфической работе.

Проведя исследование последней группы требований, можем отметить, что именно вопросы социальной и правовой защиты персонала органов и учреждений исполнения наказаний, их материального обеспечения являются наиболее актуальными на современном этапе.

Так, Минимальные стандартные правила ООН по обращению с заключенными (Правила Манделы) определяют следующие требования в этой отрасли: а) заработная плата сотрудников и администрации пенитенциарных органов и учреждений должна устанавливаться с таким расчетом, чтобы привлекать и удерживать на этой работе способных заниматься ею мужчин и женщин; б) принимая во внимание исключительно трудные условия данной работы, этим людям следует обеспечивать соответствующие льготы и условия труда [7]. Подобные требования провозглашены также в других международных документах в сфере защиты прав осужденных.

На сегодняшний день в Государственной пенитенциарной службе Украины сложилась такая ситуация, что денежное содержание сотрудников более чем на 50% состоит из необязательных выплат, которые начисляются в зависимости от ежемесячного приказа начальника учреждения исполнения наказания. В свою очередь этому начальнику и его заместителям такие выплаты начисляются вышестоящим руководством. Данное положение, по нашему мнению, препятствует сотрудникам выполнять служебные обязанности в соответствии с требованиями законности, принуждает их выстраивать свое поведение с учетом симпатии руководства и боязни лишиться части денежного содержания. Одно из направлений решения этой проблемы предлагает О.И. Иванов, в частности, относительно внесения изменений в статьи Закона Украины «О Государственной пенитенциарной службе Украины» и Уголовно-исполнительного кодекса Украины. По мнению ученого, эти акты должны на законодательном уровне урегулировать

вопросы денежного содержания персонала [15, с. 74].

Выводы. Только с учетом выполнения всех указанных нами международных требований можно рассчитывать на надлежащее обеспечение административно-правовых режимов в сфере исполнения уголовных наказаний, приведение их в соответствие с требованиями современности, учитывая евроинтеграционное направление украинского государства.

Список использованной литературы:

1. Карелін В.В. Необхідність дослідження адміністративно-правових режимів у сфері виконання кримінальних покарань як передумова у реформуванні пенітенціарної системи України / В.В. Карелін // Підприємство, господарство і право. – 2015. – № 7. – С. 49–52.
2. Великий тлумачний словник сучасної української мови : [250 000 слів] / уклад. і гол. ред. В.Т. Бусел. – К. ; Ірпінь : ВТФ «Перун», 2002. – 1440 с.
3. Кодекс поведіння должностных лиц по поддержанию правопорядка : утвержден Резолюцией № 34/169 Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций 17 декабря 1979 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/995_282.
4. Принципы медицинской этики : утверждены Резолюцией № 37/194 Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций 18 декабря 1982 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/995_285.
5. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила) : утверждены Резолюцией № 45/110 Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций 14 декабря 1990 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/995_907.
6. Правила совета Европы о probation : приняты Советом Европы от 20 января 2010 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.coe.int/t/dghl/standartssetting/prisons/Prisons_recommendations_ru/pdf.

7. Правила Организации Объединенных Наций по обращению с заключенными (Правила Манделы) : приняты Резолюцией № 217А(III) Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 18 мая 2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://i-rc.org.ua/files/pravila-mandely.pdf>.

8. Европейские тюремные правила Организации Объединенных наций : приняты 12 февраля 1987 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://protivpytok.org/zakon/561-2/evropejskie-tyuremnye-pravila-oon>.

9. Кодекс етики та службової поведінки персоналу Державної кримінально-виконавчої служби України від 19 січня 2012 р. № 11-ПК [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://kvs.gov.ua/Kodeks_chesti/pdf.

10. Про попередження корупції : Закон України від 14 жовтня 2014 р. № 1700-VII [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/1700-18>.

11. Про Державну кримінально-виконавчу службу України : Закон України від 23 червня 2005 р. № 2713-IV [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/2713-15>.

12. Про пробацію : Закон України від 5 лютого 2015 р. № 160-VIII [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/160-viii>.

13. Кримінально-виконавчий кодекс України : Закон України від 11 липня 2003 р. № 1129-IV [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/1129-15>.

14. Іваньков О.І. Особливості реалізації положень міжнародно-правових стандартів у галузі захисту прав осіб, які відбувають покарання у виді позбавлення волі, щодо підбору, підготовки, навчання персоналу установ виконання покарань / О.І. Іваньков // Право та державне управління : зб. наук. праць. – Запоріжжя : КПУ, 2015. – № 2(19). – С. 70–75.

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ГРАЖДАН УКРАИНЫ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

Юрий КИЦУЛ,

кандидат юридических наук,

доцент кафедры административного права и административного процесса Львовского государственного университета внутренних дел

Summary

In the article the question of the content and features of the administrative and legal status of citizens and public associations. Determine that all citizens of Ukraine equal before the law regardless of origin, social and property status, race and nationality, sex, education, language, beliefs, attitude towards religion, membership of public associations, type and nature of occupation, place of residence and other circumstances. Attention is drawn to the definitions of administrative legal capacity and features of the status of Ukraine and other categories of persons. It is noted that the subjects of administrative legal relations exercise their rights and responsibilities not only individually, but also together in appropriate organizations.

Key words: administrative and legal status, citizens of Ukraine, public organizations, political parties, administrative and legal relations.

Аннотация

В статье исследуется вопрос содержания и особенностей административно-правового статуса граждан и общественных объединений. Определяется, что все граждане Украины равны перед законом независимо от происхождения, социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, языка, убеждений, отношения к религии, принадлежности к общественным объединениям, рода и характера занятий, места жительства и других обстоятельств. Обращается внимание на определение понятий административной правоспособности и дееспособности, особенностей статуса граждан Украины и других категорий лиц. Подчеркивается, что субъекты административно-правовых отношений реализуют свои права и обязанности не только индивидуально, но и соответствующим образом объединяясь в организации.

Ключевые слова: административно-правовой статус, граждане Украины, общественные организации, политические партии, административно-правовые отношения.

Постановка проблемы. Согласно Конституции Украины человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства. Каждый гражданин Украины обладает на ее территории всеми правами и свободами и имеет равные обязанности, предусмотренные Конституцией Украины.

Эти конституционные положения являются исходными для административно-правового статуса граждан, определяются нормами конституционного, административного и других отраслей права путем предоставления гражданам прав, свобод и возложения на них обязанностей в сфере управления, а также установления ответственности граждан перед государством.

По своей юридической природе права, свободы, обязанности и ответ-

ственность граждан в сфере управления ничем не отличаются от других прав, свобод, обязанностей и ответственности, которыми граждане обладают во всех отраслях экономической, политической, социальной и культурной жизни. Все граждане Украины равны перед законом независимо от происхождения, социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, языка, убеждений, отношения к религии, принадлежности к общественным объединениям, рода и характера занятий, места жительства и других обстоятельств.

Состояние исследования. Значительный вклад в исследование административно-правового статуса граждан и общественных объединений как субъектов административно-правовых отношений сделали В.Б. Аверьянов, Ю.П. Бытяк, М.М. Бурбыка, Н.В. Да-

раганова, А.М. Коваленко, В.К. Колпаков, Ю.В. Мельник, А.И. Остапенко, В.М. Селиванова и другие украинские ученые.

Целью статьи является определение административно-правового статуса граждан и общественных объединений, а также исследование административно-правовых отношений, наступающих при реализации гражданами своих прав и обязанностей не только индивидуально, но и при объединении в организации.

Изложение основного материала исследования. Объем и содержание административной правоспособности определяются законами и принятыми на их основе актами управления, в которых содержатся соответствующие нормы административного права.

Конкретный объем прав, свобод и обязанностей граждан в сфере управления определяется рядом обстоятельств, таких как возраст, состояние здоровья, наличие образования и так далее. Например, семейные отношения могут служить основанием для ограничения права на занятие должности в государственном органе.

Граждане Украины, реализуя свои права, свободы и возложенные на них обязанности в сфере управления, вступают в административно-правовые отношения с государственными органами и их подразделениями, должностными лицами и другими субъектами административного права.

Административно-правовые отношения граждан с другими субъектами административного права могут возникать в таких условиях:

- на основе реализации гражданами принадлежащих им прав в сфере управления;
- в связи с выполнением возложенных на граждан обязанностей в сфере управления;
- при защите прав, свобод и законных интересов граждан;
- при нарушении (невыполнении) гражданами правовых обязанностей [2, с. 48–49].

Административная правоспособность – это признанная законом фактическая возможность гражданина быть субъектом административного права, иметь права и обязанности административно-правового характера. Административная правоспособность воз-

никает с момента рождения человека. Ее объем устанавливается и изменяется с помощью административно-правовых норм. Она подтверждается документами о гражданстве: паспортом гражданина Украины, а для лиц до 16 лет – свидетельством о рождении.

Правоспособность не может быть ограничена или отчуждена, от нее невозможно отказаться добровольно (поскольку такой отказ не имеет юридической силы). Правоспособность человека образует юридическое понятие лица и гражданина.

Административная дееспособность – это признанная законом способность граждан своими действиями приобретать и осуществлять права и исполнять обязанности административно-правового характера. В полном объеме административная дееспособность наступает с достижением 18-летнего возраста. Вместе с тем она возникает и по достижении 16-летнего возраста: получение паспорта и соблюдение правил паспортной системы, охрана природы и тому подобное. Административная дееспособность может наступать в некоторых случаях и до достижения 16-летнего возраста.

Кроме того, Закон Украины «О гражданстве Украины» определяет правовое содержание гражданства Украины, основания и порядок его приобретения и прекращения, полномочия органов публичной администрации, которые принимают участие в решении вопросов гражданства Украины, порядок обжалования решений по вопросам гражданства, действия или бездействия органов государственной власти, их должностных и служебных лиц.

Согласно Закону Украины «О гражданстве Украины» гражданами Украины являются такие лица:

- 1) все граждане бывшего СССР, которые на момент провозглашения независимости Украины (24 августа 1991 г.) постоянно проживали на территории Украины;
- 2) лица независимо от расы, цвета кожи, политических, религиозных и других убеждений, пола, этнического и социального происхождения, имущественного положения, места жительства, языковых или других признаков, которые на момент вступления в силу Закона Украины «О гражданстве Украины» (13 ноября 1991 г.) проживали в

Украине и не были гражданами других государств;

3) лица, которые прибыли в Украину на постоянное проживание после 13 ноября 1991 г. и которым в паспорте гражданина бывшего СССР образца 1974 г. органами внутренних дел Украины внесена надпись «гражданин Украины», а также дети таких лиц, которые прибыли вместе с родителями в Украину и на момент прибытия не достигли совершеннолетия, если указанные лица подали заявления об оформлении принадлежности к гражданству Украины;

4) лица, которые приобрели гражданство Украины в соответствии с законами Украины и международными договорами Украины [3, с. 140–142].

Права и обязанности граждан различаются по степени возможности их реализации на абсолютные и относительные.

Абсолютными считаются такие права, реализация которых зависит только от волеизъявления гражданина. К ним относятся, например, такие: право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей; право на вступление в общеобразовательную школу; право на личную неприкосновенность; право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления; право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностными лицами.

Относительными являются такие права, реализация которых зависит не только от волеизъявления граждан, но и от наличия фактических возможностей для их реализации в этом месте и в это время. К ним относятся, например, право граждан на вступление в высшее учебное заведение, право на управление транспортным средством (зависит от состояния здоровья, результатов сдачи экзаменов).

Абсолютные обязанности – это те обязанности, которые возложены на гражданина в сфере государственного управления и выполнение которых не зависит от каких-либо обстоятельств, поскольку обуславливается нормами действующего законодательства. К та-

ким обязанностям можно отнести общий долг соблюдать закон, платить налоги, не наносить вред природе, культурным и историческим памятникам, а также немаловажную обязанность не злоупотреблять своими правами, тем самым нарушая права других субъектов.

Относительные обязанности – это обязанности граждан в сфере государственного управления, выполнение которых зависит от ряда факторов, которые могут касаться или волеизъявления гражданина (поступление в вуз – обязанность абитуриента; вступление на государственную службу – обязанность, определенная Законом Украины «О государственной службе»), или определенных обстоятельств (в период чрезвычайного положения – обязанность ограничить передвижения и так далее).

Права и обязанности граждан в сфере государственного управления делятся также на общие и специальные.

Общие права и обязанности граждан распространяются на все отрасли и сферы управления. К общим правам граждан относятся, например, право на участие в государственном управлении и право на обжалование действий государственных органов и должностных лиц, нарушающих права и свободы граждан. Примерами общих обязанностей граждан могут служить соблюдение законов, подзаконных актов и трудовой дисциплины, своевременная уплата установленных законом налогов и сборов.

Специальные права и обязанности граждан – это права и обязанности граждан в той или иной сфере, отрасли либо группе отраслей управления. Например, в сфере экономики каждый гражданин имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной, не запрещенной законом, экономической деятельности. Не допускается экономическая деятельность, которая приводит к монополизации и недобросовестной конкуренции. В социально-культурной сфере, например, каждому лицу гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического творчества и тому подобное; каждый человек имеет право на участие в культурной жизни и поль-

зование вкладом культуры, на свободный доступ к культурным ценностям. К специальным обязанностям относится обязанность каждого гражданина заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры, соблюдать правила санитарии, получить среднее общее образование и так далее.

Согласно действующему законодательству иностранец – это лицо, которое не находится в гражданстве Украины и является гражданином (подданным) другого государства или государства.

Лицо без гражданства – это лицо, которое ни одно государство не считает своим гражданином в соответствии со своим законодательством.

Иностранцы и лица без гражданства равны перед законом независимо от происхождения, социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, языка, отношения к религии, рода и характера занятий, других обстоятельств.

Если иностранным государством установлено ограничение относительно реализации прав и свобод гражданами Украины, Кабинет Министров Украины может принять решение об установлении соответствующего порядка реализации прав и свобод гражданами этого государства на территории Украины.

Реализация иностранцами и лицами без гражданства своих прав и свобод не должна наносить ущерб национальным интересам Украины, правам, свободам и законным интересам ее граждан и других лиц, проживающих в Украине.

Иностранцы и лица без гражданства, совершившие преступления, административные или иные правонарушения, несут ответственность на общих основаниях.

Кроме определенных законодательством общих мер государственного принуждения (административных взысканий, уголовных наказаний), к указанным лицам могут применяться также такие меры государственного принуждения:

– сокращение срока пребывания в Украине, которое применяется в случае, когда иностранцы или лица без гражданства совершают правонарушения, за которые предусмотрена ад-

министративная или уголовная ответственность;

– выдворение за пределы Украины. Иностранцы или лица без гражданства, совершившие преступление либо административное правонарушение, после отбытия наказания или исполнения административного взыскания могут быть выдворены за пределы Украины. Решение о выдворении их за пределы Украины после отбытия ими наказания или исполнения административного взыскания принимается органом внутренних дел по месту их пребывания с последующим сообщением в течение 24 часов прокурора об основаниях принятия такого решения.

Беженец – лицо, не являющееся гражданином Украины, которое вследствие обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, национальности, гражданства (подданства), принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться защитой этой страны, не желает пользоваться этой защитой вследствие таких опасений либо, не имея гражданства (подданства) и находясь вне страны своего прежнего постоянного проживания, не может или не желает вернуться в нее вследствие указанных опасений.

Вопросы, связанные с правовым статусом беженцев, регулируются Конституцией Украины, Законом Украины «О беженцах и лицах, нуждающихся в дополнительной или временной защите», другими нормативно-правовыми актами, а также международными договорами, согласие на обязательность которых предоставлено Верховной Радой Украины.

Беженец не может быть выслан или принудительно возвращен в страну, где его жизни или свободе угрожает опасность из-за его расы, вероисповедания (религии), национальности, гражданства (подданства), принадлежности к определенной социальной группе либо политических убеждений, за исключением лиц, осужденных в Украине за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления [4, с. 31–38].

Субъекты административно-правовых отношений реализуют свои права и обязанности не только индивидуально,

но и соответствующим образом объединяясь в организации (ассоциации). Коллективная форма удовлетворения потребностей граждан является обычным в мировой практике явлением. Это достаточно самостоятельные образования, в дела которых государство, как правило, вмешивается наименьшим образом.

Объединения граждан органично вплетаются в ткань общественных, прежде всего административно-правовых, отношений. Без них невозможно представить саму организацию общества, механизм осуществления народовластия в Украине. Другими словами, демократия без различных объединений граждан существовать не может.

Право граждан на свободу предусматривается и гарантируется Конституцией Украины и другим ее законодательством, Всеобщей декларацией прав человека, Международным пактом о гражданских и политических правах и другими актами.

Статья 36 Конституции Украины закрепляет право граждан Украины на свободу объединения в политические партии и общественные организации для осуществления и защиты своих прав и свобод, удовлетворения политических, экономических, социальных, культурных и других интересов. При этом никто не может быть принужден к вступлению в какое-либо объединение граждан или ограничен в правах на принадлежность либо непринадлежность к политическим партиям или общественным организациям. Формы общественной активности граждан выражены в деятельности их разных объединений, поэтому понятие «объединения граждан» является обобщающим, что отображает разнообразие этих форм в реальной жизни общества.

Деятельность объединений граждан носит разнообразный характер. Она может быть направлена на участие в разработке государственной политики, развитие науки и культуры, возрождение духовных ценностей, решение конкретных социальных проблем отдельных категорий и групп граждан, осуществление благотворительной деятельности, охрану окружающей природной среды, а также обуславливаться общностью профессиональных и других интересов граждан.

Все эти чрезвычайно важные принципы нашли воплощение в преамбу-

ле Закона Украины «Об объединении граждан», что полностью согласуется с положениями Конституции Украины.

Закон Украины «Об объединении граждан» дает официальное определение объединения граждан, под которым понимается добровольное общественное формирование, созданное на основе единства интересов для совместной реализации гражданами своих прав и свобод. Другими словами, это нормативная, конституционно-правовая основа для реализации прав граждан на свободное объединение, то есть гарантированная государством возможность граждан свободно объединяться с другими гражданами для удовлетворения своих политических, экономических, социальных, профессиональных и других интересов. Природа общественных объединений характеризуется тремя признаками: добровольным членством, самоуправлением и стабильностью во времени.

Объединение граждан – это добровольная, самостоятельная, постоянно действующая ассоциация людей, которая не имеет целью получение прибыли.

Задачи общественных объединений тесно сочетаются с задачами, которые стоят перед обществом на каждом этапе его развития.

Закон Украины «Об объединении граждан» также отмечает, что объединения граждан определяются или политической партией, или общественной организацией. Наиболее полную характеристику объединений граждан позволяет дать их классификация по организационно-правовым свойствам. Согласно этой классификации выделяются такие типы объединений:

1) массовые объединения граждан (политические партии, творческие союзы, религиозные организации, добровольные общества, профессиональные союзы и так далее);

2) органы общественной самостоятельности (народные дружины по охране общественного порядка и другие);

3) органы общественного самоуправления (советы и коллективы микрорайонов, домовые, уличные комитеты и так далее).

Объединения граждан могут классифицироваться и по масштабам деятельности. Согласно этому критерию можно выделить объединения граж-

дан, которые действуют в масштабах всего государства, объединения граждан, которые действуют в масштабах отдельных административно-территориальных единиц и их частей, а также объединения граждан, деятельность которых носит международный характер и распространяется на территорию не только Украины, но и других государств. При этом политические партии действуют только в государственном масштабе.

Масштаб деятельности органов общественной самостоятельности и органов общественного самоуправления ограничен границами конкретных административно-территориальных единиц.

Политическая партия – это добровольное объединение людей, которые стремятся добиться осуществления идей, разделяемых ими, удовлетворения общих интересов, организованная определенным образом часть социального слоя, класса, призванная выражать и защищать интересы этого общества, добиваться их соблюдения и выполнения, быть его политическим «голосом», «олицетворением» отдельных групповых интересов.

Общественные организации и движения – это добровольные массовые объединения граждан, возникающие вследствие их свободного волеизъявления на основе общих интересов и задач.

Общественные организации представляют собой массовые объединения граждан, которые возникают по их инициативе для реализации долгосрочных целей, имеют свой устав и характеризуются четкой структурой.

Наиболее распространенными разновидностями общественных организаций являются профсоюзы, организации инвалидов, ветеранские, женские, молодежные, детские организации, научные, технические, культурно-просветительские, физкультурно-спортивные и другие добровольные общества, творческие союзы, разнообразные землячества, фонды, ассоциации, общества и так далее.

Характерными признаками общественных организаций, как показывает приведенное определение, являются документальное оформление целей и задач и организационно-структурное обеспечение [3, с. 158–162].

Выводы. Таким образом, административно-правовой статус граждан Украины и общественных объединений определяется их правом на реализацию конституционных норм, равенство перед законом независимо от происхождения, социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, языка, убеждений, отношения к религии, принадлежности к общественным объединениям, рода и характера занятий, места жительства и других обстоятельств.

Список использованной литературы:

1. Конституція України : Закон України від 28 червня 1996 р. № 254/96-ВР // Відомості Верховної Ради України. – 1996. – № 30. – Ст. 141.
2. Дараганова Н.В. Адміністративне право України : [навч. посібник] / Н.В. Дараганова. – К. : ВУЗ «Національна академія управління», 2013. – 271 с.
3. Курс адміністративного права України : [підручник] / [В.К. Колпаков, О.В. Кузьменко, І.Д. Пастух, В.Д. Сущенко та ін.] ; за заг. ред. В.В. Коваленко. – К. : Юрінком Інтер, 2012. – 808 с.
4. Бурбика М.М. Адміністративне право України : [навч. посібник] / М.М. Бурбика, А.В. Солонар. – Суми : Мрія, 2015. – 358 с.

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛУЧЕНИЯ НЕКОТОРЫХ БИОЛОГИЧЕСКИХ ОБРАЗЦОВ ДЛЯ ЭКСПЕРТИЗЫ В УГОЛОВНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ УКРАИНЫ

Снежана КОРОПЕЦКАЯ,

соискатель кафедры криминалистики и судебной медицины
Национальной академии внутренних дел Украины

Summary

This article deals with issues as to the tactical peculiarities of obtaining certain biological samples with the purpose of making a comparative study in the Criminal Procedure of Ukraine. The analysis has been made of the views of scholars who have done a research of procedural and forensic aspects of obtaining biological samples in the criminal proceedings, and also of a number of legal acts regulating certain aspects of doing biological research.

Key words: biological samples, seizure, research, forensic expertise.

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся тактических особенностей получения некоторых биологических образцов для сравнительного исследования в уголовном процессе Украины. Проведен анализ взглядов ученых и практиков, исследовавших процессуальный и криминалистический аспекты изъятия образцов, а также ряда нормативных актов, регулирующих отдельные аспекты производства биологических исследований.

Ключевые слова: биологические образцы, изъятие, исследование, экспертиза.

Постановка проблемы. Требования сегодняшнего дня ставят перед следственными органами задачи по внедрению в систему доказательств более широких современных возможностей судебных экспертиз. В ходе проведения досудебного расследования у следователей нередко возникает необходимость в назначении идентификационных исследований с обязательным направлением в экспертные учреждения, кроме объектов для экспертного исследования и соответствующих сравнительных образцов.

Достижения биологических наук довольно давно используются криминалистами в ходе раскрытия и расследования преступлений. Опыт использования технологий белковых и молекулярных исследований в практике работы правоохранительных органов убедительно свидетельствует о том, что благодаря этому эффективность расследования многих преступных деяний может быть существенно повышена. В то же время многие современные наработки еще не нашли должного отображения в методических рекомендациях и практической деятельности следственных подразделений.

Целью статьи является анализ особенностей получения некоторых

образцов для сравнительного исследования в уголовном производстве.

Изложение основного материала.

Фактически процедура изъятия биологических образцов начинается с ознакомления подозреваемого, потерпевшего или свидетеля с постановлением прокурора об изъятии образцов и разъяснения им их прав и обязанностей, предоставления информации о том, что такое постановление не подлежит обжалованию, и последствий его неисполнения. Копия постановления соответствующему лицу не вручается, однако оно может ознакомиться с ним лично. В случае отказа соответствующего лица предоставить необходимые образцы составляется протокол о таком отказе, после чего следует обратиться к следственному судье с ходатайством о принудительном изъятии биологических образцов для экспертизы [1, с. 117–118].

Чаще всего в ходе раскрытия и расследования преступлений и в соответствии с судебно-медицинской практикой приходится иметь дело с образцами *крови*. Исследуя их, устанавливают групповую, половую, видовую принадлежность крови заведомо известного происхождения (образца) и сравнивают ее со следами биологиче-

ского происхождения на вещественных доказательствах. Тем самым решается вопрос о возможности или невозможности происхождения этих следов от конкретного лица.

Проводятся такие исследования в отделениях судебно-медицинской иммунологии или цитологии бюро судебно-медицинских экспертиз (далее – СМЭ). В соответствии с Правилами проведения судебно-медицинских экспертиз (исследований) в отделениях судебно-медицинской иммунологии бюро СМЭ, утвержденных Приказом Министерства здравоохранения Украины от 17 января 1995 г. № 6, проводить экспертизу в отделении могут сотрудники бюро – судебно-медицинские эксперты, прошедшие подготовку по судебно-медицинской иммунологии.

В качестве специалистов эти работники могут быть привлечены к изъятию образцов для сравнительного исследования.

К документу о назначении экспертизы должны прилагаться вещественные доказательства, протокол осмотра вещественных доказательств, образцы биоматериалов и медицинская документация (при наличии).

При проведении дополнительных и повторных экспертиз к документу о назначении экспертизы должны прилагаться также первичная судебно-иммунологическая (цитологическая) и другая экспертная документация, при необходимости – протоколы осмотра и изъятия вещественных доказательств либо все материалы дела [2].

Как утверждает С.С. Самищенко, процессуальный порядок изъятия образцов и соответствующие криминалистические и судебно-медицинские правила должны соблюдаться неукоснительно. Основной вопрос, который интересует следователя, о том, чья конкретно кровь содержится на следах, изъятых с места происшествия. Кровь на месте происшествия может принадлежать жертве (жертвам), преступнику (преступникам) или лицу, не имеющему прямого отношения к событию преступления. Иногда при решении этого вопроса важно исключить возможность происхождения крови от конкретного лица. Например, если устанавливается, что кровь, обнаруженная на месте происшествия, не является кровью жертвы убийства, то может оказаться, что она

принадлежит преступнику; соответственно, это очень ценный объект в плане идентификации личности.

При исследовании крови могут быть решены и другие важные для следствия вопросы. Например, при обнаружении хромосомных нарушений могут быть сделаны предварительные выводы об особенностях человека, от которого эта кровь происходит. Могут быть установлены особенности состава крови и другие ее отличительные характеристики, по которым можно делать предварительные выводы о наличии заболеваний и так далее [3].

Часть вопросов, интересующих следователя в ходе раскрытия и расследования преступлений, можно решить с помощью следов, изъятых с места происшествия или при проведении других следственных (розыскных) действий, однако идентифицировать конкретное лицо, совершившее преступление, можно только после изъятия определенного вида биологических образцов и проведения идентификационного расследования. Поэтому к назначению разных видов судебно-медицинских экспертиз следует подходить комплексно, чтобы не утратить следовой биологический материал при проведении неидентификационных экспертиз, направленных только на определение группы крови, пола или иных факторов, не дающих в конечном итоге возможности установить конкретное лицо.

В этом плане можно привести следующее: при обнаружении на месте происшествия следов, образованных веществом, похожим на кровь, следователь заинтересован в решении ряда вопросов, ответы на которые дают возможность в той или иной степени установить обстоятельства происшествия. В частности, следователя при совершении многих преступлений могут интересовать ответы на такие вопросы:

– следы, изъятые с места происшествия, образованы кровью или другим веществом?

– кому принадлежит кровь: человеку или животному?

– если кровь принадлежит животному, то к какому виду оно относится?

– какова половая принадлежность крови?

– с какой части тела происходит кровь?

– какова давность образования следа крови?

– кровь принадлежит взрослому человеку или ребенку?

Это не полный перечень вопросов, на которые может ответить эксперт. Однако главным остается вопрос о том, не принадлежит ли кровь конкретному лицу, ответить на который можно после получения у этого лица соответствующих образцов и проведения идентификационного исследования.

Последний пункт в приведенном перечне является самым важным, поскольку фактически безошибочно позволяет установить именно то лицо, которое совершило то или иное преступление и оставило на месте его совершения следы биологического происхождения: не только кровь, но и слюну, сперму, пот и другие биоматериалы, по которым можно установить группу крови и ее особенности, а также провести ДНК-анализ.

Следователю стоит знать, что в крови человека в разных ее составляющих содержатся антигены, полученные каждым человеком по наследству от родителей. Это обуславливает обязательное наличие носа, ушных раковин и тому подобные элементы строения. Однако эти в принципе похожие антигены по многим своим свойствам отличаются друг от друга у разных людей. Отличительные антигены одного типа называют изоантигенами, это как бы варианты строения одного и того же объекта. Антигены одного типа, несколько отличные по свойствам, составляют систему.

Как отмечается в литературе, подтверждение или опровержение происхождения крови от конкретного лица является одним из важнейших элементов процесса раскрытия и расследования преступления, особенно если это кровь жертвы на подозреваемом или, наоборот, кровь подозреваемого на жертве либо на месте преступления [3].

В ходе получения биологических образцов для экспертизы, как отмечают Г.И. Заславский, И.Е. Лобан и В.Л. Попов, при наличии постановления на основании изложенных в нем обстоятельств и документов, удостоверяющих личность, сначала следует убедиться в том, что прибывшее лицо является именно тем, у кого следует изъять образцы, соглашается ли оно

на изъятие, если раньше оно соглашалось на это в добровольном порядке [4, с. 320].

В соответствии с методическими рекомендациями «Исследование жидкой крови и ее следов на вещественных доказательствах», разработанными Министерством здравоохранения Украины, отбор крови может производиться в отделении, а также вне пределов отделения учреждения СМЭ (в поликлинике, клинике, медсанчасти, госпитале и так далее) работником, владеющим данной манипуляцией. В зависимости от объема исследования кровь берется из пальца или локтевой вены (у детей возможно также из вены кисти рук или вен стопы) в объеме 1–5 мл [5].

При длительном сроке транспортирования часть крови предварительно просушивают на чистой тарелке или чашке Петри, вылив ее на марлю, сложенную в 4–6 слоев. Не обязательно пропитывать кровью весь отрезок марли, однако желательно, чтобы площадь пятна составляла не менее 4–6 см. После того как кровь на марле высохнет, она должна быть упакована так, чтобы исключить возможное случайное загрязнение, и вместе с фрагментом чистой марли от того же отреза, что был использован для изъятия образца, передана следователю для направления в лабораторию. Консервирование крови, как правило, не применяется [4, с. 322].

Изъятие образцов выделений человека, волос и тканей разных органов также часто проводится с целью идентификационных экспертных исследований в уголовном процессе.

Сперма как объект, требующий судебно-медицинского исследования, встречается при совершении разных видов половых преступлений, в частности изнасилований.

В ходе раскрытия и расследования таких преступлений необходимо учитывать тот факт, что у некоторых мужчин наблюдаются выраженные отклонения от нормального состава спермы, вызванные различными факторами: врожденными особенностями, заболеваниями половых органов, заболеваниями других органов и систем. В частности, в практической деятельности органов внутренних дел в ходе расследования половых преступлений могут встречаться следующие варианты отклонений:

- асперматизм – полное отсутствие семенной жидкости;
- гипоспермия – малое количество семенной жидкости (до 1 мл);
- некроспермия – неподвижность большинства сперматозоидов;
- полиспермия – выделение очень большого количества спермы (до 20–30 мл);
- отсутствие сперматозоидов.

Цвет спермы может меняться за счет попадания в нее крови, гнойных или других выделений.

Основными вопросами, ответы на которые интересуют следователя при обнаружении объектов, похожих на сперму, являются такие:

- не образовано ли пятно семенной жидкостью?
- если да, то не происходит ли она от конкретного лица?

Возможны и другие вопросы, например: нет ли в сперме, обнаруженной в пятнах, и в образцах, изъятых у конкретного лица, отклонений от нормального состава? Если да, то какие? Такая информация может способствовать поиску преступника [3].

Решение вопроса происхождения спермы от конкретного лица, как правило, начинают из системы АВО (определение групповой принадлежности). При этом следует помнить, что не все люди являются носителями таких выделений или тканей, по которым можно определить группу крови. Сперма, как и все остальные человеческие ткани, содержит антигены этой системы, причем они хорошо выражены у так называемых «выделителей». Еще с 1930-х гг. науке известно, что все люди подразделяются на две группы: у одних выделения имеют групповые свойства, у других – нет. Их называют «выделителями» (86%) и «невыделителями» (14%) соответственно. Однако у последних групповые свойства выделений организма проявляются несравнимо сильнее, нежели в крови: соотношение составляет 300:1 [6, с. 83].

При назначении экспертизы следует также помнить, что группа крови мужчины совпадает с группой его спермы. Однако если лицо относится к категории «невыделителей», антигены, присутствующие в крови, в сперме выражены в очень малом количестве. В связи с этим для определения возможности происхождения выделений от конкретного

лица требуется определить и категорию «выделительства», иначе можно прийти к неправильным выводам. С этой целью исследуются антигены системы АВО в слюне [7, с. 117].

Определение антигенов системы АВО в сперме проводится в основном с помощью тех же методов, что и в крови, однако с учетом специфики объекта. Результаты анализа спермы на антигены сравниваются с анализами образцов, изъятых у подозреваемого лица. В качестве образцов исследуется кровь и слюна подозреваемого лица. В необходимых случаях в качестве образца может быть исследована сперма.

Что касается слюны как объекта для сравнительных исследований, то она изымается для экспертизы довольно часто, во многих случаях следователем без участия судебно-медицинского эксперта или врача.

Кроме групповых антигенов, присутствующих в слюне, крови и других биологических жидкостях, слюна содержит еще и собственные, не обнаруженные в других объектах групповые антигены. В 1963 г. П. Мандел и соавторы обнаружили в слюне многочисленные протеины, главным образом щелочные. После этого Р. Майер (в 1968 г.) и С. Азен (в 1972 г.) обнаружили в секрете ушной железы около 40 протеиновых компонентов. Были определены качественные и количественные отличия белкового компонента ушных и подчелюстных слюнных желез, а также его способность изменяться под влиянием ферментов.

Системы групп слюны, их индивидуальную принадлежность можно использовать в судебной медицине при решении вопроса о возможной принадлежности следов слюны конкретному лицу. В настоящее время известно несколько таких систем [8, с. 125].

Образцы слюны изымаются в пробирку, после чего выливаются на сложенный в 5–6 слоев бинт (марлю), который после этого высушивают (подалее от нагревательных приборов и влияния прямых солнечных лучей) на листе чистой бумаги при комнатной температуре в помещении, в котором не должно содержаться испарений формалина и йода. После изъятия образцов бинт (марлю) со слюной помещают в пакет. Отдельно упаковывают кусок незапятнанной части бинта (марли) с

целью контроля. На пакетах делают пояснительные надписи.

Как утверждает О.А. Кравченко в ходе изучения им 30 уголовных дел, по которым изымались образцы слюны для экспертного исследования, в 85% случаев следователи изымали образцы самостоятельно. При этом имели место ошибки, например, слюна изымалась в жидком виде и несвоевременно направлялась на экспертизу. Чтобы избежать этого, необходимо придерживаться разработанных в практике рекомендаций. Изъятие таких образцов следует производить (по возможности) в судебно-медицинской лаборатории, в которую направлены для исследования вещественные доказательства. Если они не изымаются в лабораторных условиях, то должны направляться в лабораторию в высушенном виде на марле (с добавлением с целью контроля чистого куска этой же марли). В протоколе должны быть указаны дата, время и условия изъятия и просушивания каждого образца [9].

Вопрос о необходимости направления образцов крови, слюны или спермы на сравнительное исследование решается в каждом конкретном случае следователем вместе с экспертом. Изъятие образцов необходимо осуществлять с соблюдением процессуальных норм, для участия в этом следственном действии могут быть привлечены судебные медики и медицинские работники лечебного профиля (с целью изъятия крови) [3].

К выделениям человеческого организма, кроме спермы или слюны, относятся также моча, кал, пот, выделения из носа и другие. Однако такие вещества имеют большее значение в качестве следов, обнаруженных на месте происшествия и изъятых с целью производства дальнейших идентификационных исследований. Они не содержат в себе ядерных клеток, в связи с чем по ним невозможно провести ДНК-анализ. Следует ли изымать такие вещества в качестве образцов, нужно проконсультироваться со специалистом, поскольку экспертам лучше проводить сравнительное исследование с предоставленными образцами крови или спермы, их заменяющими, и от этого качество экспертизы только возрастает.

В *волосах* также очень хорошо определяются антигены системы АВО,

что дает возможность исключать или не исключать их происхождение от конкретного лица. При наличии корневых элементов волос может быть проведена также половая дифференциация волос.

При исключении происхождения волос, обнаруженных на месте происшествия, от жертвы преступления или посторонних лиц по ним можно получить очень ценную розыскную информацию о преступнике. Это могут быть данные (с той или иной степенью достоверности) о таких важных характеристиках разыскиваемого лица, как цвет волос, особенности ухода за ними, факт контакта с редкими химическими веществами, группа крови по системе АВО, наличие разного рода заболеваний и тому подобное [3].

Выводы. В ходе раскрытия и расследования многих преступных деяний у следственных органов нередко возникает необходимость в изъятии различных биологических образцов для сравнительного исследования. Однако более целесообразно изымать образцы крови, являющиеся универсальным сравнительным материалом для исследований, а также слюну и сперму. Это зависит от совершенного преступления, изъятых с места происшествия или в ходе проведения других следственных (розыскных) действий следов, следственной ситуации и других факторов, влияющих на ход расследования. Остальные биологические образцы, такие как пот, выделения из носа и прочие, для идентификационных исследований малопригодны, так как не содержат в себе ядерных клеток, в связи с чем могут быть успешно заменены другими, более подходящими для сравнительных исследований биоматериалами.

Список использованной литературы:

1. Міщенко С.М. Слідчий суддя як суб'єкт реалізації судового контролю під час здійснення досудового розслідування: окремі аспекти / С.М. Міщенко // Часопис цивільного і кримінального судочинства. – 2012. – № 6(9). – С. 88–96.

2. Про розвиток та вдосконалення судово-медичної служби України : Наказ Міністерства охорони здоров'я

України від 17 січня 1995 р. № 6 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/z0254-95>.

3. Самищенко С.С. Судебная медицина : [учебник для юрид. вузов] / С.С. Самищенко [Электронный ресурс]. – Режим доступу : <http://biblioteka.org.ua/book.php?id=112100199&p=0>.

4. Заславский Г.И. Судебно-медицинская деятельность в уголовном судопроизводстве: правовые, организационные и методические аспекты : [монография] / Г.И. Заславский, И.Е. Лобан, В.Л. Попов. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. – 467 с.

5. Бурчинський В.Г. Дослідження рідкої крові та її слідів на речових доказах : [метод. рекомендації] / В.Г. Бурчинський, А.П. Дем'янчук, Т.В. Хохолєва. – К. : МОЗ України, 2010. – [Электронный ресурс]. – Режим доступу : http://asmu.com.ua/katalog/ml/ml_005.pdf.

6. Торвальд Ю. Криминалистика сегодня. Развитие судебной серологии / Ю. Торвальд. – пер. с нем. – М. : Юридическая литература, 1980. – 200 с.

7. Величко Н.Н. Основы судебной медицины и судебной психиатрии : [учебник] / Н.Н. Величко. – М. : ЦИИ-МОКП МВД России, 2010. – 325 с.

8. Барсегянц Л.О. Судебно-медицинская экспертиза выделений организма / Л.О. Барсегянц, Б.Д. Левченков. – М. : Медицина, 1978. – 144 с.

9. Кравченко О.А. Тактика отримання деяких видів зразків для експертного дослідження за участю спеціалістів / О.А. Кравченко [Электронный ресурс]. – Режим доступу : <http://kriminal-uslugi.uaprom.net/a63509-taktika-oderzhannya-deyakih.html>.

ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ ИНСТИТУТА МНОЖЕСТВЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ УКРАИНЫ ДЛЯ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИГОВОРА МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО СУДА

Максим КУЦЕВИЧ,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета
Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

Summary

The article is devoted to the analysis of the Institute of multiple crimes under international law and in the criminal law of Ukraine and the determination based on in-depth analysis of ways to adapt the provisions of the Criminal Code of Ukraine for provide of criminal law value of the verdict of international judicial institutions, including the International Criminal Court, while prosecuting the same person accountable for Criminal Code of Ukraine in connection with the commission of another crime by it.

Key words: Rome Statute, institution of multiple crimes, Criminal Code of Ukraine, verdict of the International Criminal Court.

Аннотация

Статья посвящена анализу института множественности преступлений в международном праве и в уголовном праве Украины, а также определению на основе углубленного анализа путей адаптации положений Уголовного кодекса Украины для обеспечения уголовно-правового значения приговора международной судебной институции, в частности Международного уголовного суда, при привлечении того же лица к ответственности по Уголовному кодексу Украины в связи с совершением этим лицом нового преступления.

Ключевые слова: Римский Статут, институт множественности преступлений, Уголовный кодекс Украины, приговор Международного уголовного суда.

Постановка проблемы. Функционирование современного правового механизма противодействия самым серьезным преступлениям, вызывающим озабоченность международного сообщества, предусматривает тесное взаимодействие в значительной степени автономной международно-правовой и внутригосударственной правовых систем, что провозглашено в ст. 1 Римского статута Международного уголовного суда, вступившего в действие 1 июля 2002 года (далее – Римский Статут) [1]. Элементом правового механизма, необходимого для такого взаимодействия, является применение приговоров международных судебных институций, прежде всего Международного уголовного суда (далее – МУС), в механизме функционирования институтов общей части национального закона об уголовной ответственности, что предусматривает необходимость соответствующей адаптации таких институтов. В этом исследовании целесообразно сосредоточиться на адаптации института множественности преступлений, предусмотренного Уголовным кодексом Украины от 5 апреля 2001 года (далее – УК Украины).

Актуальность темы исследования. Для Украины необходимость такого реформирования института

множественности преступлений приобрела особую актуальность в связи с принятием Верховной Радой Украины заявлений о признании юрисдикции МУС [2; 3] (далее – Заявления Украины к МУС).

Принятие Заявлений Украины к МУС базируется на механизме, предусмотренном в ст. 12 Римского Статута, однако исполнение этих решений Верховной Рады Украины обуславливает необходимость создания полноценного правового механизма применения приговора МУС при привлечении к ответственности за другое преступление, предусмотренное УК Украины.

Состояние исследования. Вопросы согласования положений уголовного права Украины с требованиями норм международного права в целом и в части ответственности за конкретные виды преступлений исследовали многие ученые Украины, в частности П.П. Андрушко, Ю.В. Баулин, П.С. Берзин, Н.В. Дремина, А.А. Жытний, В.О. Миронова, О.И. Моисеев, Л.Б. Новикова, Н.И. Хавронюк и другие. Однако без научного внимания остаются вопросы применения приговора международной судебной институции, юрисдикция которой признана Украиной (в частности, МУС), при применении института множественности преступлений.

Целью статьи является определение путей адаптации нормативного содержания института множественности преступлений, предусмотренного УК Украины, для обеспечения правовой возможности применения приговора МУС в рамках привлечения к уголовной ответственности согласно УК Украины.

Изложение основного материала. Системный подход к обеспечению уголовно-правового значения приговора международной судебной институции, в частности МУС, предусматривает его определенную роль в рамках применения отдельных институтов Общей части УК Украины, хотя бы указанных в ч. 2 ст. 9 УК Украины: множественности преступлений, назначения наказания, освобождения от уголовной ответственности или наказания. Однако, учитывая ограниченность объема публикации, считаем оправданным сосредоточить внимание на одном из указанных институтов, а именно на множественности преступлений.

В рамках института множественности преступлений приговор МУС, очевидно, должен рассматриваться как возможный элемент любой формы множественности: повторности, совокупности или рецидива преступлений. В противном случае юридический факт

осуждения лица МУС будет игнорироваться Украиной как государством, признавшим юрисдикцию этой судебной институции, при привлечении того же лица к уголовной ответственности согласно УК Украины за другие преступления, совершенные им.

Осуществляя судебное толкование положений раздела VII Общей части УК Украины, определяющих содержание трех форм множественности преступлений, Пленум Верховного Суда Украины в Постановлении от 4 июня 2010 года № 7 разъяснил содержание элементов этих форм множественности преступлений.

В частности, **повторность** в п. 3 указанного документа трактуется так: «По содержанию ст. 32 УК Украины повторностью преступлений признается неодновременное совершение одним и тем же лицом двух и более преступлений, если они: 1) предусмотрены той же статьей или частью статьи Особенной части УК Украины; 2) предусмотрены разными статьями Особенной части УК Украины и в статье, по которой квалифицируется следующее преступление, совершение предыдущего преступления указано как квалифицирующий признак. При этом для повторности не имеет значения, было ли осуждено лицо за ранее совершенное преступление <...>» [4].

Совокупность в п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда Украины от 4 июня 2010 года № 7 определяется так: «Согласно ч. 1 ст. 33 УК Украины совокупностью преступлений признается совершение лицом двух или более преступлений, предусмотренных разными статьями или разными частями одной статьи Особенной части УК Украины, ни за одно из которых лицо не было осуждено. Совокупность могут создавать также преступления, предусмотренные одной и той же статьей или частью статьи Особенной части УК Украины, если: 1) они совершены одновременно и за следующее преступление новой редакцией соответствующей статьи или части статьи Особенной части УК Украины предусмотрен новый по своему содержанию состав преступления <...>» [4].

В п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда Украины от 4 июня 2010 года № 7 **рецидив** поясняется таким образом: «Согласно ст. 34 УК

Украины рецидивом преступлений признается совершение нового умышленного преступления лицом, имеющим судимость за умышленное преступление. Поскольку согласно ч. 1 ст. 88 УК Украины лицо признается имеющим судимость с дня вступления в законную силу обвинительного приговора до погашения или снятия судимости, то совершение именно в этот период нового умышленного преступления создает с предыдущим преступлением их рецидив» [4].

Таким образом, введение приговора МУС в качестве элемента определенной формы множественности преступлений возможно лишь путем внесения соответствующих изменений в ч. 1 ст. 32, ч. 1 ст. 33 и ст. 34 УК Украины. В частности, указанные нормы, очевидно, необходимо дополнить ссылкой на нормы международного права как источник уголовной противоправности деяния, которое вместе с другими обстоятельствами будет создавать элемент повторности, совокупности или рецидива преступлений. При этом вариант ссылки на международное право может иметь такой вид: 1) ссылка на международное право в общем, как это сделано в диспозиции ч. 1 ст. 438 УК Украины («применение средств ведения войны, запрещенных международным правом»); 2) ссылка на международный договор, согласие на обязательность которого дала Верховная Рада Украины, как это сделано в диспозиции ч. 1 ст. 438 УК Украины («другие нарушения законов и обычаев войны, предусмотренных международными договорами, согласие на обязательность которых дала Верховная Рада Украины»); 3) ссылка на международное право, которое будет использовать международная судебная институция, юрисдикция которой признана Украиной.

Однако реализация любого из описанных подходов, очевидно, возможна только при условии предварительного решения вопроса согласованности содержания института множественности преступлений с соответствующими международно-правовыми подходами, поскольку речь идет об обеспечении юридической силы приговора международной судебной институции, руководствующейся в своей деятельности нормами международного права.

Проведенный анализ нормативных положений международных актов позволяет выделить несколько характеристик современного международного уголовного права в части регулирования института множественности преступлений, а именно:

1) институт множественности как система норм, сходная с разделом VII Общей части УК Украины, отсутствует в современном международном уголовном праве;

2) предписания, ограничивающие возможность применения института множественности преступлений, сводятся к общему принципу «non bis in idem», например:

ч. 7 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года: «Никто не должен быть второй раз осужден или наказан за преступление, за которое он уже был окончательно осужден или оправдан соответственно с законом и уголовно-процессуальным правом каждого государства» [5];

ч. 1 ст. 4 Протокола № 7 от 22 ноября 1984 года к Конвенции о защите прав человека и основоположных свобод: «Никого нельзя второй раз привлечь к суду или наказано в порядке уголовного производства под юрисдикцией одного и того же государства за правонарушение, за которое он уже был окончательно оправдан или осужден в соответствии с законом и уголовной процедурой этого государства» [6];

ст. 20 Римского Статута: «За исключением случаев, предусмотренных в настоящем Статуте, никакое лицо не может быть судимо Судом за деяние, составляющее основу состава преступления, в отношении которого данное лицо было признано виновным или оправдано Судом. <...> Никакое лицо, которое было судимо другим судом за деяние, запрещенное по смыслу ст. ст. 6, 7 или 8, не может быть судимо Судом за то же деяние, за исключением случаев, когда разбирательство в другом суде <...>»;

3) в положениях Римского Статута, как и в других международных актах, регулирующих деятельность международных судебных институций (например, в уставах международных трибуналов по бывшей Югославии [7] и по Руанде [8]), отсутствуют нормативные предписания, которые предусматривали

бы усиленную ответственность за повторное совершение любого из преступлений, предусмотренных в этих актах;

4) нормативное положение, непосредственно предусматривающее возможность существования множественности преступлений, содержится в ч. 3 ст. 78 Римского Статута: «Если лицо осуждено за совершение более чем одного преступления, Суд назначает наказание за каждое преступление и общее наказание с указанием всего срока лишения свободы <...>»;

5) в международном праве отсутствуют нормативные положения, предусматривающие возникновение судимости в случаях осуждения международной судебной институцией, и существуют нормативные положения, обеспечивающие возможность учитывать судимость только в рамках механизма взаимной правовой помощи государств в уголовных делах, например:

ч. 2 ст. 79 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 года: «Каждая из Договаривающихся Сторон предоставляет другим Договаривающимся Сторонам бесплатно по их просьбе сведения о судимости лиц, осужденных ранее ее судами, если эти лица привлекаются к уголовной ответственности на территории запрашивающей Договаривающейся Стороны» [9];

ч. 2 ст. 107 Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 7 октября 2002 года: «Каждая из Договаривающихся Сторон предоставляет другим Договаривающимся Сторонам бесплатно по их просьбе сведения о судимости лиц, осужденных ранее ее судами, если эти лица привлекаются к уголовной ответственности на территории запрашивающей Договаривающейся Стороны» [10];

ст. 22 Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 20 апреля 1959 года: «Каждая Договаривающаяся Сторона информирует любую другую Сторону обо всех приговорах и последующих мерах в отношении граждан этой последней Стороны, зафиксированных в судебных материалах <...>» [11].

Описанные черты международного права необходимо учитывать при адаптации положений ст. ст. 32, 33, 34 УК

Украины для создания правового механизма применения приговора МУС в правовой системе Украины.

Во-первых, отсутствие международно-правовых нормативных положений, предусматривающих возникновение и существование судимости как определенного правового статуса лица, привлеченного к уголовной ответственности, не позволяет автоматическое распространение условий возникновения повторности преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 32 УК Украины, и рецидива преступлений, предусмотренного ст. 34 УК Украины, на ситуации осуждения того же лица судом Украины после приговора МУС даже при условии дополнения этих норм ссылкой на международное право как источник противоправности деяния, за которое виновное лицо уже было осуждено раньше. Таким образом, повторность и рецидив преступлений при наличии других необходимых условий могли бы возникнуть только в период отбывания наказания, назначенного МУС или другой международной судебной институцией.

Во-вторых, отсутствие указания в международных нормативных актах на повторность как квалифицирующий признак обуславливает по крайней мере два варианта решения этой ситуации.

Первый вариант предусматривает игнорирование этой специфики международного права и использование традиционного для уголовного права Украины подхода, согласно которому повторность возникает при каждом следующем совершении преступления, в том числе предусмотренного иной, чем предыдущее преступление, частью статьи или статьей Особенной части УК Украины. При этом системность такого подхода обуславливает не только реформирование содержания ст. 32 УК Украины, но и внесение изменений в нормы Особенной части УК Украины, где необходимо будет предусмотреть повторность, создаваемую при условии предварительного осуждения лица МУС либо другой международной судебной институцией. В частности, нормы, предусматривающие ответственность за преступления, которые по содержанию признаков отвечают деяниям, криминализованным в Римском Статуте, целесообразно дополнить квалифицирующим признаком «совершение преступления лицом, ранее осужденным приговором международной судебной

институции». Такие изменения могут быть внесены в ст. ст. 437–445 УК Украины. Отдельно следует обратить внимание на то, что признак «совершенное лицом, ранее совершившим умышленное убийство», предусмотренный в п. 13 ч. 2 ст. 115 УК Украины, будет охватывать также случаи осуждения по Римскому Статуту, если инкриминированное лицу международное преступление содержит такие признаки, как умышленное отношение виновного к последствию в виде смерти потерпевшего лица.

Второй вариант решения сложившейся ситуации предусматривает учет специфики международно-правового подхода, согласно которому повторность отсутствует как правовой институт и, соответственно, обязывает не включать в ст. 32 УК Украины ссылку на приговор международной судебной институции как возможное условие возникновения повторности преступлений. Аргументом в пользу этого подхода может служить факт, что институт повторности существует не во всех национальных уголовно-правовых системах. Так, в 2003 году институт повторности был исключен из Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 года [12]; следует заметить, что Российская Федерация и Украина принадлежат к одному типу правовых систем.

Оба варианта имеют преимущества и недостатки, однако первый вариант отвечает традиционному для уголовного права Украины подходу к условиям возникновения повторности и рецидива преступлений и может быть внедрен в УК Украины.

Выводы. Таким образом, выдвигаем конкретные предложения относительно внесения изменений в положения УК Украины, регулирующие институт множественности преступлений, а именно:

ч. 1 ст. 32 УК Украины изложить в следующей редакции: «Повторность преступлений признается совершение двух или более преступлений, предусмотренных одной и той же статьей или частью статьи Особенной части этого Кодекса, либо если первое деяние предусмотрено международным нормативным актом, которым руководствовалась международная судебная институция, юрисдикция которой признана Украиной, при вынесении обвинительного приговора»;

ч. 3 ст. 32 УК Украины изложить в следующей редакции: «Совершение двух или более преступлений, предусмотренных разными статьями этого Кодекса, или первое из которых предусмотрено нормами международного права признается повторным лишь в случаях, указанных в Особенной части этого Кодекса»;

дополнить ст. 34 УК Украины после слов «умышленное преступление» перед точкой формулировкой «или не отбытое наказание, назначенное приговором международной судебной инстанции, юрисдикция которой признана Украиной».

Реализация такого подхода разрешила бы, с одной стороны, обеспечить традиционный для уголовного права Украины учет правовых последствий предыдущего приговора суда при следующем привлечении к уголовной ответственности одного и того же лица, а с другой – создать компромиссный вариант учета особенностей международного права в части отсутствия судимости как правового явления.

В части института совокупности преступлений учет приговора международной судебной инстанции невозможен, и адаптация положений УК Украины не нужна по таким причинам:

конститутивным признаком совокупности преступлений, указанным в ст. 33 УК Украины, является отсутствие осуждения лица за преступления, входящие в совокупность;

даже если теоретически допустить в ч. 1 ст. 33 УК Украины расширение нормативной базы противоправности деяний, входящих в совокупность, путем ссылки на нормы международного права, такой вариант не может быть действенным, поскольку лишь международный суд может привлечь к уголовной ответственности на основании норм международного права;

если реализовать указанные предложения по изменению института повторности преступлений, частично в рамках института множественности преступлений приговор международной судебной инстанции может играть роль в оценке совершенных преступлений. Так, в случае возникновения повторности преступлений, предусмотренных УК Украины, в период исполнения приговора международной судебной инстанции такая повторность автоматически обусловит

возникновение совокупности основного и квалифицированного составов преступления, предусмотренного одной и той же нормой Особенной части УК Украины.

Список использованной литературы:

1. Rome Statute of the International Criminal Court [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.icc-cpi.int/en_menus/icc/legal%20texts%20and%20tools/Pages/legal%20tools.aspx.

2. Про визнання Україною юрисдикції міжнародного кримінального суду щодо скоєння злочинів проти людяності вищими посадовими особами держави, які призвели до особливо тяжких наслідків та масового вбивства українських громадян під час мирних акцій протестів у період з 21 листопада 2013 року по 22 лютого 2014 року : Заява Верховної Ради України до Міжнародного кримінального суду від 25 лютого 2014 року [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/790-18>.

3. Про визнання Україною юрисдикції Міжнародного кримінального суду щодо скоєння злочинів проти людяності та воєнних злочинів вищими посадовими особами Російської Федерації та керівниками терористичних організацій «ДНР» та «ЛНР», які призвели до особливо тяжких наслідків та масового вбивства українських громадян : Заява Верховної Ради України до Міжнародного кримінального суду від 4 лютого 2015 року [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/145-19>.

4. Про практику застосування судами кримінального законодавства про повторність, сукупність і рецидив злочинів та їх правові наслідки : Постанова Пленуму Верховного Суду України від 4 червня 2010 року № 7 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/v0007700-10>.

5. Міжнародний пакт про громадянські і політичні права від 16 грудня 1966 року [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/995_043.

6. Протокол № 7 від 22 листопада 1984 року до Конвенції про за-

хист прав людини й основоположних свобод від 4 листопада 1950 року [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/994_804.

7. Устав Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1991 года : учрежден Резолюцией Совета Безопасности ООН № S/RES/827 от 25 мая 1993 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/1993.shtml>.

8. Международный уголовный трибунал для судебного преследования лиц, ответственных за геноцид и другие серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории Руанды, и граждан Руанды, ответственных за геноцид и другие подобные нарушения, совершенные на территории соседних государств, в период с 1 января по 31 декабря 1994 года : учрежден Резолюцией Совета Безопасности ООН № S/RES/955 от 7 марта 1994 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/1994.shtml>.

9. Конвенция про правову допомогу і правові відносини у цивільних, сімейних і кримінальних справах від 22 січня 1993 року [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/997_009/print1366188375687688.

10. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 7 октября 2002 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/997_619.

11. Европейська конвенція про взаємну допомогу у кримінальних справах від 20 квітня 1959 року [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/995_036.

12. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон Российской Федерации от 8 декабря 2003 года № 162-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=99197>.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ОРГАНОВ СУДЕЙСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ УКРАИНЫ В КОНТЕКСТЕ ЕВРОИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Соломия ЛЕСЬКИВ,

аспирант кафедры судостроительства, прокуратуры и адвокатуры
Львовского университета бизнеса и права

Summary

The article analyzes the international legal instruments relating to the requirements for the organization and functioning of the judicial authorities and the features of building a system of judicial self-government. It is studied the position of domestic and foreign scholars on the legal status and the system of judicial self-government. It is made the analysis of the systems of judicial self-government of foreign countries. It was studied the conceptual approaches to the determination of the status of the High Council of Justice of Ukraine and foreign countries. It is presented proposals for reform of the judicial self-government of Ukraine. It is highlighted the positive aspects and the shortcomings of the judicial self-government of Ukraine and the prospects for development of the system of judicial self-government of Ukraine.

Key words: court, judicial self-government, independence of judges, system of judicial self-government.

Аннотация

В статье анализируются международно-правовые акты, касающиеся требований к организации и функционированию судебной системы органов самоуправления. Исследуются позиции отечественных и иностранных ученых относительно правового статуса и системы органов судебного самоуправления. Осуществляется анализ систем органов судебного самоуправления зарубежных стран. Исследуются концептуальные подходы к определению статуса Высшего совета юстиции Украины и зарубежных стран. Представлены предложения по реформированию системы органов судебного самоуправления Украины. Выделены положительные аспекты и недостатки судебного самоуправления Украины и перспективы развития этой системы.

Ключевые слова: суд, судебное самоуправление, независимость судей, система органов судебного самоуправления.

Постановка проблемы. Украина с момента обретения независимости стремилась к европейским стандартам жизни и стиля функционирования власти. Исключением не стала и судебная ветвь власти. С целью реализации евроинтеграционных стремлений Украины был принят Закон Украины «Об Общегосударственной программе адаптации законодательства Украины к законодательству Европейского Союза», который предполагает не только адаптацию отечественного законодательства, но и образование соответствующих институтов, проведение других дополнительных мер, необходимых для эффективного правотворчества и правоприменения [1].

Сегодня Украина находится в крайне сложном экономическом и политическом положении в связи с военными действиями, что обуславливает острую потребность реформирования судебной власти как главного гаранта прав человека и гражданина, которые требуют значительной защиты со стороны государственной власти. Коррупционность и необъективность решений судов вызывает значительное беспокойство со стороны общества, а также желание изменить систему.

Внедряя прозрачные принципы независимости, справедливости и беспристрастности правосудия, необходимо создать такую систему органов судебного самоуправления, которые способствовали бы обеспечению эффективного судопроизводства и наличию справедливых, беспристрастных судей. Это вызывает повышенный интерес для исследования международно-правовых актов с целью реформирования действующего законодательства и эффективной перестройки стиля функционирования судебной ветви власти как таковой.

Предлагаем рассмотреть источники международного права, исследовать основы функционирования судебного самоуправления, критерии построения системы органов судебного самоуправления с целью анализа положительного опыта функционирования судебного самоуправления на опыте зарубежных стран и выделения целесообразных предложений по изменению судебной системы Украины.

Актуальность темы исследования заключается в том, что, несмотря на наличие фундаментальных работ ученых в сфере деятельности судебного самоуправления, сегодня отсутствует комплексное исследование

системы органов судебного самоуправления в контексте евроинтеграционных процессов. Это обуславливает повышенный интерес к глубокому изучению данной темы.

Состояние исследования. Вопросы, касающиеся международных требований к деятельности судебного самоуправления, неоднократно рассматривались в трудах как украинских, так и российских ученых: В. Брынцева, В. Городовенко, В. Евдокимова, Ю. Жданова, В. Косарева, В. Кривенко, В. Лазарева, В. Лебедева, И. Назарова, С. Прилуцкого, В. Савицкого, В. Стефановича и других.

Целью статьи является анализ международно-правовых актов отечественного законодательства с целью выделения перспектив реформирования системы органов судебного самоуправления Украины.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

а) проанализировать международно-правовые акты, касающиеся особенностей функционирования органов судебного самоуправления и статуса судей;

б) раскрыть позиции отечественных и иностранных ученых относи-

тельно основ действующей системы судейского самоуправления;

в) выделить основные концепции развития системы судейского самоуправления Украины.

Изложение основного материала.

Как мы отмечали, Украина сегодня проходит путь адаптации к стандартам Европейского Союза. Важность выбранной тематики заключается также в том, что приоритетной составляющей в процессе интеграции Украины в Европейский Союз является адаптация действующего украинского законодательства к законодательству Европейского Союза [1]. Не стало исключением и законодательство, регулирующее особенности построения и функционирования судебной системы Украины. Судейское самоуправление является неотъемлемой гарантией обеспечения одного из основополагающих принципов демократического типа функционирования власти – независимости судей. Это вызывает значительный интерес относительно его детального исследования и построения такой системы органов судейского самоуправления, которая не только соответствовала бы нормам международного законодательства, но и максимально защищала бы профессиональные права судей, обеспечивала законные права граждан.

В п. 1.3 Европейской хартии о законе «О статусе судей» от 10 июля 1998 г. [2] предусмотрено, что по каждому решению, связанному с подбором, отбором, назначением, продвижением по службе или окончанием пребывания в должности судьи, закон предусматривает вмешательство специального органа. Этот орган по своей природе должен быть независимым от исполнительной и законодательной власти, в нем не менее половины участников заседаний являются судьями.

В Украине судейское самоуправление осуществляется в таких организационных формах, как собрание судей, Совет судей Украины и Съезд судей Украины. Хотя на практике такими полномочиями, кроме упомянутых органов, обладают также Высший совет юстиции и Высшая квалификационная комиссия судей Украины.

В соответствии с Законом Украины «О Высшем совете юстиции» Высший совет юстиции является органом, ответственным за формирование неза-

висимого высокопрофессионального судейского корпуса, способного квалифицированно, добросовестно и беспристрастно осуществлять правосудие на профессиональной основе. Также он является ответственным за принятие решений относительно нарушений судьями требований по несовместимости и в пределах своей компетенции об их дисциплинарной ответственности [3]. Высшая квалификационная комиссия судей Украины в свою очередь является ответственной за обеспечение формирования судейского корпуса и дисциплинарной ответственности судей [4]. При этом возникает вопрос, по каким критериям законодатель формировал действующую систему органов судейского самоуправления, каковы перспективы ее развития, учитывая евроинтеграционные процессы в Украине.

Поэтому для лучшего понимания алгоритма построения европейской системы органов судейского самоуправления проанализируем действующее украинское законодательство на предмет соответствия требованиям, которые закреплены в международных документах.

Собрание судей касается кадровых вопросов: они принимают решение об избрании судей на административные должности и освобождении от этих должностей (п. 3 ч. 5 ст. 126 Закона Украины «О судоустройстве и статусе судей» [4]).

Съезд судей Украины как высший орган судейского самоуправления назначает и освобождает судей Конституционного Суда Украины в соответствии с Конституцией и законами Украины; назначает членов Высшего совета юстиции и принимает решение о прекращении их полномочий в соответствии с Конституцией и законами Украины; назначает членов Высшей квалификационной комиссии судей Украины и принимает решение о прекращении их полномочий в соответствии с Законом Украины «О судоустройстве и статусе судей»; обращается с предложениями относительно решения вопросов деятельности судов в органы государственной власти и к их должностным лицам; избирает Совет судей Украины [4].

Совет судей Украины определяет лицо, уполномоченное представлять бюджетные запросы по финанси-

нию судов общей юрисдикции, других органов и учреждений судебной системы во время рассмотрения проекта закона о Государственном бюджете Украины на соответствующий год или изменений в него; избирает и освобождает Председателя Государственной судебной администрации Украины и его заместителей; определяет по представлению Председателя Государственной судебной администрации Украины предельную численность работников Государственной судебной администрации Украины, в том числе ее территориальных управлений, в пределах расходов на содержание Государственной судебной администрации Украины [4].

Собрание судей состоит исключительно из судей, работающих в соответствующем суде, как и Съезд судей Украины и Совет судей Украины. Однако, как мы уже отмечали, неопределенным является статус Высшего совета юстиции, Высшей квалификационной комиссии судей Украины, несмотря на отсутствие статуса органа судейского самоуправления, которые наделены кадровыми полномочиями в отношении судей.

Относительно статуса Высшего совета юстиции сегодня продолжают дискуссии, которые получили широкую огласку с принятием Закона Украины «О судоустройстве и статусе судей» и Закона Украины «О Высшем совете юстиции». Хотя юридическая наука и допускает существование органов власти, которые невозможно однозначно отнести ни к исполнительной, ни к законодательной, ни к судебной ветвям власти, с целью четкого выделения основных полномочий и признаков статуса Высшего совета юстиции проанализируем мнение О. Гончаренко, который отмечает: «Органы, которые нельзя отнести ни к одной из ветвей власти, органично дополняют систему аппарата государства и заполняют в ней существующие «ниши» [5, с. 8].

Согласно ст. 5 Закона Украины «О Высшем совете юстиции» он состоит из 20 членов [3]:

- 3 членов, которых назначает Верховная Рада Украины;
- 3 членов, которых назначает Президент Украины;
- 3 членов, которых назначает съезд судей Украины;
- 3 членов, которых назначает съезд адвокатов Украины;

– 3 членов, которых назначает съезд представителей юридических высших учебных заведений и научных учреждений;

– 2 членов, которых назначает всеукраинская конференция работников прокуратуры;

– Председателя Верховного Суда Украины;

– Министра юстиции Украины;

– Генерального прокурора Украины.

На основании анализа состава Высшего совета юстиции можем утверждать, что, несмотря на преимущество в его составе представителей судебной ветви власти, можно выделить ее особый статус, поскольку она находится фактически между всеми ветвями власти. Такого же мнения придерживается О. Гончаренко, который отмечает, что фактически Высший совет юстиции является так называемым независимым государственным органом государственной власти, что характерно для развитых западных демократий [5, с. 8–9]. Высший совет юстиции является органом публичной власти, имеет специфические полномочия. О. Гончаренко отмечает сходство статуса Высшего совета юстиции и Высшей квалификационной комиссии судей Украины, поскольку оба органа являются коллегиальными органами, отвечающими за формирование судебного корпуса и дисциплинарное производство. Однако если анализировать международно-правовые акты, в которых предусмотрено, что к судебному самоуправлению следует относить органы, решающие кадровые и дисциплинарные вопросы судей, то возникает вопрос, почему ни Высший совет юстиции, ни Высшая квалификационная комиссия судей Украины не относятся к органам судебного самоуправления, система которых существенно сократилась и не содержит орган государственной власти, наделенный значительными полномочиями и значительным авторитетом. Ведь за рубежом подобная практика является довольно распространенной: функции судебного самоуправления может выполнять как соответствующее министерство юстиции, так и специально созданный орган вроде Высшего совета юстиции (например, Высший совет магистратуры Франции).

В качестве примера можно привести Республику Беларусь, в которой в систему органов судейского самоуправления входит квалификационная коллегия вроде Высшей квалификационной комиссии Украины, или ряд европейских стран, в которых органы юстиции также входят в систему судейского самоуправления.

Важность отнесения таких органов к системе судейского самоуправления, по нашему мнению, заключается в первую очередь в том, что возникают соответствующие рычаги влияния на другие органы государственной власти, увеличивается авторитетность принятых судейским самоуправлением решений, поскольку сегодня существует множество проблем, касающихся функционирования органов судейского самоуправления. О. Потыльчак также высказывает мнение по данной проблеме, отмечая, что современными учеными обращается внимание на искусственность множества организационных форм судейского самоуправления и отсутствие реального влияния на процессы формирования судебного корпуса, дисциплинарной практики, карьерного продвижения судей. Как показывает практика, даже работники аппарата суда не до конца понимают, как работают эти органы [6, с. 257]. Хотя замечания Венецианской комиссии относительно чрезмерной разветвленности системы органов судейского самоуправления и идентичности предоставленных органам судейского самоуправления функций и были учтены, проблемы в работе судейского самоуправления не были решены окончательно.

Необходимо учесть опыт зарубежных стран, например, судебную систему Франции, в которой высшим органом судейского самоуправления является Высший совет магистратуры. Считаем, что на основании тождества полномочий, касающихся дисциплинарных и кадровых вопросов Высшего совета юстиции Украины и Высшего совета магистратуры Франции, можно добавить еще один аргумент в пользу утверждения, что Высший совет юстиции следует законодательно отнести к органам судейского самоуправления Украины. Например, в Италии в 1947 г. Высший совет юстиции был признан органом судейского самоуправления.

Во многих странах Европы к правовым системам отнесены политически нейтральные высшие советы юстиции или аналогичные органы как действенные средства обеспечения демократических принципов. Аналогичный орган во Франции, Португалии, Молдавии именуется как Высший совет магистратуры, в Испании – как Генеральный совет судебной власти, в Турции – как Высший совет судов и прокуроров, в Болгарии – как Высший судебный совет, в Хорватии – как Государственное судебное вече, в Венгрии – как Национальный совет юстиции [7, с. 11].

Еще одним аспектом в подтверждение правовой природы Высшего совета юстиции как органа судейского самоуправления является тот факт, что 10 из 20 членов являются судьями.

Р. Марчук отмечает, что мнения ученых разделены на две группы: одни считают, что количественное представительство судейского корпуса в Высшем совете юстиции должно быть умеренным для предотвращения образования «духа определенного корпоративизма», а другие считают, что судьи должны иметь количественное большинство в составе Высшего совета юстиции. Как и Р. Марчук, В. Колесниченко, мы разделяем мнение, что такой состав Высшего совета юстиции является вполне оправданным. Исходя из позиции, что по правовой природе Высший совет юстиции обладает признаками органа судейского самоуправления, в соответствии с действующими международно-правовыми актами логично, что большинство состава такого органа должны составлять именно судьи.

В. Колесниченко также отмечает: «Право выбрать пять судей целесообразно было бы отдать конференции судей гражданско-уголовной специализации, трех судей – конференции судей административной и хозяйственной специализации, одного судью должен делегировать Пленум Верховного Суда Украины». Поскольку согласно последним изменениям в Закон Украины «О судостроительстве и статусе судей» такой орган судейского самоуправления, как конференция судей, был ликвидирован, эта концепция является не до конца обоснованной для Украины.

В Республике Беларусь к органам судейского самоуправления относят

ся Съезд судей Республики Беларусь, Республиканский совет судей, конференции и квалификационные коллегии судей. При этом отсутствует такой институт судейского самоуправления, как собрание судей.

В Республике Азербайджан предусмотрена единая форма судейского самоуправления – Совет председателей судов. В Республике Казахстан судейское самоуправление существует в форме комиссий по судейской этике [8, с. 36–38]. Считаем, что Высший совет юстиции, учитывая все сказанное, на законодательном уровне следует признать органом судейского самоуправления. Поэтому ст. 125 Закона Украины «О судостроительстве и статусе судей», касающуюся организационных форм судейского самоуправления, целесообразно дополнить п. 4 «Высший совет юстиции».

О. Потыльчак отмечает, что сегодня в руководящих органах Совета Европы по поводу наилучшей защиты профессионального статуса судей во всех его аспектах удобной является позиция, согласно которой только Высший совет юстиции как орган судейского самоуправления может выполнить такую миссию в соответствии с основными международными документами о независимости судей [6, с. 257].

В экспертном заключении Венецианской комиссии относительно Закона Украины «О судостроительстве и статусе судей» отмечается: «Будет откровенно целесообразным пересмотреть всю систему судейского самоуправления и создать в качестве единого органа самоуправления новый Высший совет юстиции – действительно независимый и плюралистический по составу орган, в котором судьи, избранные своими же коллегами, составят значительную часть или даже будут составлять большинство. Такой совет может создать подкомитеты, которые будут заниматься конкретной проблематикой» [9, с. 126–127].

По нашему мнению, судейское самоуправление является первичным механизмом обеспечения независимости судей, а потому должно обладать соответствующими рычагами влияния на кадровое обеспечение судов и дисциплинарной ответственности судей. Действующая система Украины, как и России и стран СНГ, отводит судейско-

му самоуправлению вторичную роль в обеспечении основополагающих принципов судопроизводства. Ведь независимость и автономность судебной власти должна реально существовать на практике как конкретное подтверждение и проявление распределения власти в обществе.

Выводы. Таким образом, система судейского самоуправления Украины требует эффективного реформирования, оптимизации работы судейского самоуправления. Перспективы дальнейших исследований в данном научном направлении заключаются в следующем:

- тщательном исследовании профессиональных прав судей стран Европейского Союза;
- раскрытии проблем правового регулирования профессиональных прав судей Украины;
- совершенствовании формирования и функционирования системы профессиональных прав судей Украины.

Список использованной литературы:

1. Про Загальнодержавну програму адаптації законодавства України до законодавства Європейського Союзу : Закон України від 18 березня 2004 р. [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/1629-15>.
2. Європейська хартія про закон «Про статус суддів» від 10 липня 1998 р. [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/994_236.
3. Про Вищу раду юстиції : Закон України від 15 січня 1998 р. № 22/98-ВР [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/22/98-%D0%B2%D1%80>.
4. Про судострій і статус суддів : Закон України від 7 липня 2010 р. № 2453-VI [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/2453-17>.
5. Гончаренко О. Вища рада юстиції в системі органів державної влади / О. Гончаренко // Вісник Вищої ради юстиції. – 2010. – № 3. – С. 6–17.
6. Потыльчак О. Становлення суддівського самоврядування в Україні: досвід зарубіжних держав для України / О. Потыльчак // Часопис Київського

університету права. – 2014. – № 3. – С. 257–260.

7. Васильева Д. Судебные системы европейских стран : [справочник] / Д. Васильева ; пер. с франц. и англ. О. Кобякова. – М. : Международные отношения, 2002. – 335 с.

8. Кривенко В. Демократизація судової системи України: проблеми і перспективи : дис. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.10 / В. Кривенко. – О., 2006. – 216 с.

9. Доповідь Європейської комісії «За демократію через право» (Венеціанської комісії) щодо призначення суддів // Міжнародні стандарти у сфері судочинства. – К. : Істина, 2010. – С. 126–134.

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ (РОЗЫСКНЫХ) ДЕЙСТВИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ФАКТОВ БЕЗВЕСТНОГО ИСЧЕЗНОВЕНИЯ ЛЮДЕЙ

Олег МАЗУРОК,

соискатель кафедры криминалистики и судебной медицины
Национальной академии внутренних дел

Summary

The article describes the procedural and criminological characteristics of certain investigative (search) actions in the framework of an open criminal proceedings under art. 115 of the Criminal Code of Ukraine with the additional note "missing". To formulate proposals aimed at improving the work of the internal affairs of Ukraine to investigate crimes related to the disappearances of citizens.

Key words: investigation of crimes, investigation (investigative) action, tactical actions, tactical combination, disappearances of citizens.

Аннотация

В статье рассмотрены процессуальные и криминалистические особенности проведения отдельных следственных (розыскных) действий в рамках открытого уголовного производства по ст. 115 Уголовного кодекса Украины с дополнительной отметкой «без вести пропавшие». Сформулированы предложения, направленные на усовершенствование деятельности органов внутренних дел Украины по расследованию преступлений, связанных с безвестным исчезновением граждан.

Ключевые слова: расследование преступлений, следственные (розыскные) действия, тактический прием, тактическая комбинация, безвестное исчезновение граждан.

Постановка проблемы. С момента вступления в силу нового Уголовного процессуального кодекса Украины (далее – УПК Украины) в 2012 г., а также принятых на его основе ведомственных актов был существенно изменен порядок рассмотрения заявлений и сообщений о безвестном исчезновении граждан. Сегодня сложилась такая ситуация: если в течение 24 часов после подачи заявления о безвестном исчезновении человека благодаря проверочным мероприятиям органов внутренних дел Украины не удалось установить местонахождение пропавшего без вести лица, сведения об этом событии вносятся в Единый реестр досудебных расследований. Факт исчезновения человека предварительно квалифицируется как умышленное убийство по ст. 115 Уголовного кодекса Украины (далее – УК Украины), и переквалифицируется он только в том случае, если в ходе досудебного расследования будет установлено о совершении другого уголовного преступления.

Состояние исследования. Отдельным вопросам расследования преступлений, связанных с безвестным исчезновением людей, уделяли внимание такие украинские ученые, как А.В. Ищенко, Я.Ю. Кондратьев, Н.А. Качинская, Я.М. Ковч, Е.Д. Лукьянчиков, С.В. Миронов, С.П. Назаренко, М.В. Нечипорук, Н.А. Сергатый, В.П. Цильвик и другие. В то

же время научные поиски указанных авторов проводились еще до принятия нового УПК Украины и не учитывали ряд законодательных новел, а также особенностей состояния и динамики преступности в Украине, связанной с социально-политической обстановкой в стране. Статистические данные наглядно свидетельствуют о стабильно высоких показателях преступлений, связанных с безвестным исчезновением граждан. Только за первое полугодие 2015 г. в органах досудебного расследования находилось 10 718 уголовных производств по факту исчезновения людей. Из них 4 223 зарегистрировано в текущем году.

Актуальность темы обуславливается прежде всего существенными изменениями в порядке рассмотрения заявлений и сообщений о безвестном исчезновении граждан, а также ряде других новелл законодательства, которые касаются также процессуального порядка проведения следственных (розыскных) действий. Любые новеллы законодательства требуют научного толкования в сочетании с анализом наличия проблемных вопросов в ходе правоприменительной деятельности. Изучение криминалистических особенностей подготовки и проведения следственных (розыскных) действий позволяет выделить тактические приемы, использование которых на практике позволит получить ожидаемые результаты от их

проведения, что в итоге будет способствовать раскрытию преступлений.

Следует заметить, что более чем 20% поступающих заявлений и сообщений о безвестном исчезновении граждан составляют такие, которые имеют криминальный характер. Как правило, пропавшие без вести становятся жертвами таких преступлений, как убийство, похищение человека, незаконное лишение его свободы, торговля людьми. Учитывая тот факт, что на Востоке Украины до сих пор происходит вооруженный конфликт, отдельную категорию без вести пропавших лиц составляют военнослужащие и другие граждане, которые пострадали или погибли во время проведения антитеррористической операции.

Целью и задачей статьи является рассмотрение процессуальных и криминалистических особенностей проведения отдельных следственных (розыскных) действий в рамках открытого уголовного производства по ст. 115 УК Украины с дополнительной отметкой «без вести пропавшие».

Изложение основного материала. Обратим внимание, что впервые на законодательном уровне закреплено определение следственных (розыскных) действий, под которыми подразумеваются действия, направленные на получение (сбор) доказательств или проверку уже полученных доказательств в конкретном уголовном производстве (ч. 1 ст. 223 УПК Украины).

На момент получения заявления или сообщения об исчезновении человека, как правило, детально не известны обстоятельства его исчезновения. Выдвигаются две типичные версии: человек, который пропал без вести, стал жертвой преступления; исчезновение человека не имеет криминального характера. Каждая из них подразделяется на более конкретные версии. С целью проверки этих версий проводятся оперативно-розыскные мероприятия, следственные (розыскные) действия, негласные следственные (розыскные) действия.

В раскрытии данной категории преступлений большое значение имеет своевременно и качественно проведенный осмотр последнего известного местонахождения без вести пропавшего человека, а также мест его постоянного проживания и посещения. Такой осмотр должен быть направлен на поиск следов преступления и преступника, выяснение обстоятельств совершенного преступления. При проведении осмотра особое внимание следует уделять выявлению следов крови. Ценность этих следов, как, впрочем, и других следов биологического происхождения, состоит в том, что они содержат в себе генетически обусловленную информацию [1, с. 68].

Статья 238 УПК Украины содержит императивное требование, что в случае, если на месте происшествия обнаружен труп, обязательным участником осмотра является судебно-медицинский эксперт, а при его отсутствии – врач. На практике судебно-медицинского эксперта привлекают также в случаях, когда на месте происшествия труп не обнаружен, однако выявлены следы крови. Результативность осмотра, помимо прочего, зависит также от взаимодействия следователя с экспертом-криминалистом, судебно-медицинским экспертом во время его проведения и составления протокола.

При осмотре одежды и обуви пропавшего без вести лица (подозреваемого в совершении преступления) необходимо обращать внимание на подошвы платьев, юбок, брюк, верхней одежды, подошву между подметкой и подбором, поскольку именно там могут быть выявлены пятна крови [2, с. 279].

Безотлагательно проведенный осмотр позволит выявить и зафиксиро-

вать следы, которые могли бы свидетельствовать о том, что без вести пропавший человек убит или в отношении него совершено другое преступление. Следы преступления могут быть утеряны в результате действий преступника по их уничтожению, а также действия различных погодных условий, если следы располагаются на открытой местности.

Для обнаружения следов крови, орудий убийства, трупа уместно использование ультрафиолетовых осветительных приборов, металлоискателей, приборов, реагирующих на продукты биологического распада, и так далее. Также полезным будет использование специальных растворов, например люминола, в результате взаимодействия которого с некоторыми веществами, в том числе и кровью человека, возникает голубая люминесценция [3, с. 49].

При осмотре транспортного средства, принадлежащего пропавшему без вести лицу, или его служебного автомобиля, а также при осмотре автомобиля подозреваемого это действие следует производить со всех сторон: снаружи и внутри. В темное время суток необходимо использовать осветительные приборы для выявления следов крови и других следов биологического происхождения. Особое внимание рекомендуется обращать на выступающие части: бамперы, фары, ободки, козырьки, крылья, подножки.

Все обнаруженные при осмотре следы и вещественные доказательства должны быть подробно осмотрены и сфотографированы. В протоколе соответствующего следственного (розыскного) действия необходимо описать место их обнаружения, в протокол добавить фото таблицы и схемы, в которых следует сделать привязку обнаруженного следа к объектам, расположенным поблизости.

Описывая следы крови, обнаруженные в помещении, необходимо конкретно указывать, где именно они были найдены, а также их цвет, физическое состояние, размер и форму. При извлечении и упаковке следов биологического происхождения необходимо неукоснительно соблюдать соответствующие правила, чтобы не допустить их повреждения. Чтобы идентифицировать принадлежность следов крови потерпевшему или подозреваемому либо

другому лицу, нужно изъять также предметы-носители ДНК-информации (зубные щетки, расчески, бритвы, нестиранное нижнее белье), различные документы (стоматологические карты, амбулаторные медицинские карты, в которых содержатся сведения о перенесенных операциях, группе крови).

В случае, когда по одним и тем же следам крови необходимо установить механизм их образования и групповую принадлежность, целесообразно сначала назначить экспертизу для установления механизма образования следов, а затем биологическую экспертизу [4, с. 67].

Использование в исследовании генотипоскопического метода (ДНК-анализа) позволяет впоследствии идентифицировать оставленные следы крови на месте происшествия с неопознанным трупом.

Согласно результатам изученных уголовных производств, возбужденных по ст. 115 УК Украины с отметкой «без вести пропавшие», можно констатировать наличие большого количества недостатков, допускаемых следователем во время проведения осмотра и обыска. Основными недостатками при этом являются такие: обнаруженные следы описываются поверхностно; приложения к протоколу в виде схем, фото таблиц с детальным отображением местонахождения этих следов не составляются; не все описанные в протоколе осмотра или обыска следы изымаются. Вследствие этого не назначается весь комплекс экспертиз. Своевременное выявление следов преступления, их детальный осмотр, фиксация в протоколе, соблюдение специфических правил их изъятия положительно влияют на ход и результаты всего расследования: назначаются соответствующие экспертизы, а полученные результаты используются в качестве источников розыскной и доказательственной информации.

Результативность осмотра места происшествия часто зависит от того, насколько правильно определены границы осмотра. Так, если местом жительства пропавшего без вести лица был частный дом, то не следует ограничиваться осмотром только комнат внутри дома. Для более точного определения границ осмотра необходимо провести допросы заявителя, родственников, близких друзей пропавшего без вести человека.

Процессуальный порядок проведения допроса регламентируется ст. ст. 224–227 УПК Украины. Новеллой законодательства является возможность проведения допроса и других следственных (розыскных) действий в режиме видеоконференции. Проведение их в таком режиме уместно в случае, когда один из обязательных участников следственного (розыскного) действия не имеет возможности лично участвовать в определенном следственном (розыскном) действии. Проведение отдельных следственных (розыскных) действий в режиме видеоконференции регламентируется УПК Украины 2012 г., а также Приказом государственной судебной администрации Украины «Об утверждении Инструкции о порядке работы с техническими средствами видеозаписи хода и результатов процессуальных действий, проведенных в режиме видеоконференции во время судебного заседания (уголовного производства)» от 15 ноября 2012 г. № 155.

Для большей результативности допроса необходимо, чтобы этот процессуально регламентированный способ получения информации был тщательно спланирован. На этапе подготовки к проведению такого следственного (розыскного) действия необходимо определить круг лиц, подлежащих опросу по факту безвестного исчезновения лица, исходя из обстоятельств уголовного производства; установить очередность проведения допросов, место проведения, способ вызова на него; определить и обеспечить явку лиц, которые должны присутствовать во время допроса; выяснить, какие средства фиксации хода и результатов допроса уместно применить с тактических соображений, подготовить необходимые материалы уголовного производства; составить план допроса.

Следует помнить, что криминалистикой разработан ряд приемов, использование которых обеспечит получение ожидаемого результата от проведения следственного (розыскного) действия. Они могут применяться комплексно, в качестве простой тактической комбинации или отдельно.

В ходе расследования указанной категории преступлений опросу подлежат в первую очередь лицо, заявившее об исчезновении члена своей семьи, или знакомое лицо, родственники, со-

седы, друзья, знакомые по работе или учебе безвестно исчезнувшего лица. В зависимости от известных обстоятельств в конкретном уголовном производстве может возникнуть необходимость в допросе также других лиц.

В том случае, когда безвестно пропавшим является ребенок (воспитанник специальных школ, домов-интернатов и других специализированных учреждений), обязательно должны быть допрошены работники этих учреждений, которыми осуществлялся контроль за поведением и воспитанием ребенка (в частности, руководитель этого учреждения, воспитатели). Допрашиваются также дети из числа окружения безвестно пропавшего ребенка. Получить более подробные и конкретные показания, а также избежать проведения повторных допросов позволяет умелое использование имеющихся в материалах уголовного производства вещественных доказательств [3, с. 18].

Заметим, что среди многочисленных приемов осуществления допроса важное место занимает постановка вопросов: их формулировка, последовательность, предметность, ясность логической структуры, объем вопросов и их нейтральность. Учитывая результаты проведенного опроса следователей органов внутренних дел относительно основных вопросов, которые следует выяснять во время допроса в расследовании преступлений, связанных с безвестным исчезновением, научного материала по этой проблематике, а также основываясь на собственном опыте проведения допросов, можем выделить условный перечень таких вопросов.

Во время допроса заявителя необходимо выяснить полные данные о личности пропавшего без вести (его фамилию, имя и отчество, дату и место рождения, место работы или учебы; черты характера, состояние его физического и психического здоровья, образ жизни). Также уточняются такие данные: наличие у него вредных привычек (пьянства, наркомании и других), религиозные предпочтения, отношения со знакомыми, друзьями, наличие судимости, наличие интимных связей, настроение накануне исчезновения, цель ухода (отъезда), место, куда лицо планировало прибыть, на чем при этом оно

планировало передвигаться (на частном авто, общественном транспорте и так далее). Уяснению подлежит точное время ухода (отъезда) лица (часы и минуты), возможное направление и путь передвижения. Выясняются подробные приметы внешности пропавшего человека (подробно записываются сведения, в чем был одет человек на момент исчезновения, головной убор, обувь). Задается вопрос о наличии документов, денег (в какой сумме), других ценных вещей в момент исчезновения лица, мелких вещей (зажигалок, ключей). Не менее важно выяснение наличия у разыскиваемого мобильного телефона, его номера и IMEI абонента. Задается вопрос о наличии всех вещей, принадлежащих пропавшему лицу, о том, что из его личных вещей осталось по месту проживания или работы, хотя должно было бы находиться при нем. Уместно выяснить, пользовался ли пропавший без вести компьютерной техникой, имел ли свою страницу в социальных сетях Интернет. Важно узнать адрес его электронной почты, наличие открытых банковских счетов и банковских платежных карточек, наличие движимого и недвижимого имущества, наличие криминальных связей, долгов перед кем-то, непогашенных кредитов.

Во время допроса свидетелей могут задаваться те же вопросы, что и заявителю. Уместно выяснить данные о личности заявителя, как свидетели характеризуют его, каковыми были взаимоотношения между пропавшим без вести лицом и заявителем, как вел себя заявитель после исчезновения, было ли в его поведении что-то подозрительное [5, с. 9].

У всех допрашиваемых должна выясняться вероятная причина исчезновения человека. Следует обращать внимание, нет ли противоречий в показаниях допрошенных лиц; если есть, выяснять их причину. С целью разоблачения в попытках исказить истину уместно использование приемов изобличения допрашиваемого во лжи. Так, действенным является прием предъявления доказательств, опровергающих ложные показания. В зависимости от ситуации, в которой проходит допрос, а также от личности, которая допрашивается, могут применяться и другие тактические приемы.

Выводы. Таким образом, нами выделены отдельные, наиболее значимые криминалистические и процессуальные особенности проведения отдельных следственных (розыскных) действий во время расследования преступлений, связанных с безвестным исчезновением граждан. В рамках одной статьи все особенности рассмотреть невозможно. Учитывая актуальность вопросов, затронутых в публикации, необходимым является их дальнейшее исследование.

Список использованной литературы:

1. Будков В.С. Особливості проведення огляду місця події під час перевірки факту безвісного зникнення особи / В.С. Будков // Сучасні проблеми криміналістики : матер. Міжнар. наук.-практич. конф. – О., 2013. – С. 68–69.

2. Коновалова В.Е. Убийство: искусство расследования : [монография] / В.Е. Коновалова. – Х. : Факт, 2001. – 311 с.

3. Криміналістичне забезпечення розшуку безвісно відсутніх осіб : [посібник] / [А.В. Іщенко, А.С. Шевченко] ; за заг. ред. І.П. Красюка. – К. : РВВ МВС України, 2005. – 146 с.

4. Гора І.В. Криміналістичні експертизи та дослідження, що проводяться у системі правоохоронних органів України : [наук.-практ. посібник] / І.В. Гора, В.А. Колесник. – К. : Вид-во Академії СБУ, 1999. – 80 с.

5. Методика расследования убийств, замаскированных под безвестное исчезновение граждан // Вестник Управления внутренних дел приморского края : регион. информ.-прав. сб. – 2007. – № 1(1). – С. 7–13.

СТАНОВЛЕНИЕ ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ВО ВТОРОЙ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ (1918–1939 ГГ.)

Оксана МАЛАНЬИ,

соискатель кафедры теории и истории государства и права Львовского государственного университета внутренних дел

Summary

In this article is analyzed specification of formation of labor legislation in Second Polish Republic during interwar period (1918–1939). Traced influence of international labor legislation on the formation and development of labor legislation of Second Rzeczpospolita. Labor relations were regulated by general and local normative legal acts. Found that by labor legislation were regulated activity of labor departments and most important aspects of labor legal relations: the duration of working time, and resting time of workers, order of conclusion and reasons for discontinuation of employment contract, procedure for resolving individual labor disputes and conflicts, payment of work, labor protection, labor youth and women.

Key words: labor legislation, Second Rzeczpospolita, International Labor Organization, general and local normative legal acts, labor legal relations.

Аннотация

В статье анализируются особенности становления трудового законодательства в Польской Республике межвоенного периода (1918–1939 гг.). Прослежено влияние международного трудового законодательства на становление и развитие трудового права Второй Речи Посполитой. Трудовые отношения регулировались общими и локальными нормативно-правовыми актами. Установлено, что трудовым законодательством регулировалась деятельность органов труда и наиболее важные аспекты трудовых правоотношений: продолжительность рабочего времени и времени отдыха работников, порядок заключения и основания прекращения трудового договора, порядок разрешения индивидуальных трудовых споров и конфликтов, оплаты труда, охраны труда, труда молодежи и женщин.

Ключевые слова: трудовое законодательство, Вторая Речь Посполитая, Международная организация труда, общие и локальные нормативно-правовые акты, трудовые правоотношения.

Постановка проблемы. Вторая Речь Посполитая образовалась после завершения Первой мировой войны (1918–1939 гг.), а ее составляющими частями стали земли, входившие до начала войны в разные государства. Соответственно, к началу разработки и внедрения собственного законодательства на территории различных воеводств Польши действовали австрийские, немецкие и российские нормы права. В частности, трудовые отношения в Восточной Галиции изначально регулировались нормами австрийского законодательства, постепенно терявшего силу с появлением соответствующих законов и распоряжений Президента Второй Речи Посполитой, Совета Министров, Министерства труда и социальной опеки.

Отдельные вопросы развития трудового права Второй Речи Посполитой исследуют современные украинские ученые О. Липитчук, Р. Берест, С. Качараба, В. Гураш, Н. Храбатин, О. Дудяк.

Вместе с тем комплексного исследования, посвященного вопросам становления трудового законодательства во Второй Речи Посполитой, в украинской историко-правовой науке пока нет.

Источники современного трудового права Республики Польша возникли именно в межвоенный период. Сегодня Польша является членом Европейского Союза, и трудовые отношения в стране более соответствуют международным стандартам, чем в Украине. Уровень жизни граждан зависит от условий труда, оплаты труда и государственной социальной защиты населения. Поэтому сегодня, когда Украина разрабатывает и внедряет новую концепцию трудовых отношений, важно изучить, проанализировать и учесть правовой опыт Польши в сфере трудового права.

Цель статьи заключается в проведении общей характеристики этапов формирования и развития трудового законодательства Польской Республики межвоенного периода. Для реали-

зации поставленной цели необходимо проанализировать законодательство, регулировавшее трудовые правоотношения и правовой статус органов труда, выяснить особенности внедрения норм польского трудового права в Восточной Галиции, а также определить пробелы трудового законодательства Второй Речи Посполитой.

Изложение основного материала исследования. Конституция Второй Речи Посполитой 1921 г. гарантировала гражданам право на труд и социальное страхование (артикул 102), запрещала использование труда женщин и несовершеннолетних на опасных для их здоровья работах и в ночное время (артикул 103) [1].

Данная норма в основном совпадает с положением действующей Конституции Украины (ст. 43) [2].

Основной Закон Второй Речи Посполитой 1935 г. также контролировал реализацию права на труд и устанавливал надзор за условиями труда (артикул 8) [3].

Как одно из государств-основателей Международной организации труда (далее – МОТ) Польша ратифицировала ряд конвенций, нормы которых в основном охватывали условия труда, защищали трудовые права работников, регулировали вопросы о безработице, о ночном труде подростков в промышленности, о минимальном возрасте допуска детей к работе в промышленности, о минимальном возрасте допуска детей к работе в сельском хозяйстве, о введении еженедельного отдыха на промышленных предприятиях [4].

Согласно ратифицированным международным нормам польские власти разрабатывали и внедряли собственное трудовое законодательство.

Отдельного Кодекса законов о труде, который регулировал бы трудовые отношения на территории Второй Речи Посполитой, в описываемый период не было.

Одним из первых нормативно-правовых актов, регулировавших трудовые отношения на территории Польши в межвоенный период, стал Закон о рабочем времени в промышленности и торговле, принятый Сеймом 18 декабря 1919 г. Его нормы регулировали продолжительность рабочего времени и времени отдыха, работу в ночное время, выходные и праздничные дни,

сверхурочные работы. Артикул 1 этого закона устанавливал 8-часовую продолжительность рабочего дня и 46-часовую продолжительность рабочей недели для всех работников, занятых на основе заключения трудового договора в промышленности и торговле [5].

Правовое регулирование продолжительности рабочего времени работников сельского хозяйства осуществлялось локальными нормативно-правовыми актами. В основном продолжительность рабочего времени сельскохозяйственных работников регулировалась условиями коллективных трудовых договоров, заключаемых между работодателями и профсоюзами определенной территории. Так, трудовой договор от 6 февраля 1933 г. регулировал условия труда сельскохозяйственных рабочих Львовского, Станиславского и Тарнопольского воеводств, определял продолжительность рабочего времени, времени отдыха, размер и форму выплаты заработной платы. Договор заключался на 1 год и действовал с 1 апреля 1933 г. до 31 марта 1934 г. Рабочий день в летние месяцы начинался в 5:30 и продолжался до 19:00 (август) – 20:00 (июнь, июль), а зимой рабочий день начинался в 7:00 и заканчивался в 15:00–16:30. Продолжительность обеденного перерыва составляла от полутора до двух часов.

Выплата заработной платы осуществлялась в наличной и натуральной форме. Форма и размер оплаты труда зависели от вида работ, сезонного периода их выполнения, местности, квалификации, трудового стажа, возраста и пола работника [6].

После ратификации Польшей международного законодательства о еженедельном отдыхе работники промышленных предприятий государственной и частной форм собственности имели гарантированное право на получение еженедельного непрерывного отдыха продолжительностью не менее 24 часов [7].

Заметим, что согласно нормам действующего трудового законодательства Украины продолжительность еженедельного непрерывного отдыха должна составлять не менее 42 часов (ст. 70 Кодекса законов о труде Украины) [8].

Распоряжением Министра социальной опеки с 1934 г. вступал в силу новый Закон о рабочем времени в про-

мышленности и торговле, содержавший изменения, которые происходили в законодательстве о рабочем времени в течение 1920–1930-х гг. В сравнении с Законом о рабочем времени в промышленности и торговле 1919 г. продолжительность рабочей недели увеличивалась до 48 часов [9].

Важное место в трудовом законодательстве Второй Речи Посполитой отводилось регулированию труда молодежи и женщин, которое осуществлялось на основе Конституции 1921 г., ратифицированных международных конвенций и разработанного на их основе национального законодательства.

В 1922 г. Польша заявила о своем присоединении к Конвенции МОТ о запрете ночного труда женщин, занятых в промышленности, а в 1924 г. ратифицировала Конвенцию МОТ о минимальном возрасте приема детей на работу в промышленности и Конвенцию МОТ о ночном труде подростков в промышленности.

Регулирование условий труда молодежи и женщин осуществлялось на основе Закона о труде несовершеннолетних и женщин от 2 июля 1924 г. Действие этого закона распространялось на промышленные, горнодобывающие предприятия, учреждения торговли, связи, транспорта и другие сферы хозяйственной деятельности независимо от форм собственности. Артикул 4 Закона о труде несовершеннолетних и женщин запрещал занятость женщин и молодежи на работах с вредными для здоровья и опасными для жизни условиями труда, артикул 5 указанного акта запрещал трудоустройство детей, которым не исполнилось 15 лет. Несовершеннолетними считались лица в возрасте от 15 до 18 лет, которые могли работать только с разрешения родителей или опекунов [10].

С 1928 г. трудовые отношения во Второй Речи Посполитой строились на основе заключения трудовых договоров. В соответствии с Распоряжением Президента Второй Речи Посполитой «О трудовых договорах работников» трудовым договором считалось соглашение между работодателем и работником, по которому рабочий обязывался выполнять работу, определенную этим соглашением, а работодатель обязывался выплачивать работнику заработную плату.

Совокупность условий, определявших права и обязанности сторон, составляла содержание трудового договора. Стороны договаривались о трудовой функции работника, месте проведения работ, условиях труда, размере оплаты труда и обязанностях сторон.

Законодательством о трудовых договорах определялись условия расторжения и основания прекращения трудовых договоров, формы и сроки выплаты заработной платы, размер отчислений и взысканий по заработной плате, правила внутреннего трудового распорядка и ответственность за нарушение положений трудового договора [11].

Учитывая то, что во Второй Речи Посполитой уровень показателей несчастных случаев при исполнении трудовых обязанностей не только оставался высоким, но и рос, возникла настоятельная необходимость в регулировании охраны труда.

Распоряжение Президента Второй Речи Посполитой «О безопасности и гигиене труда» от 16 марта 1928 г. устанавливало правила, которые обеспечивали охрану жизни и здоровья работников при исполнении трудовых обязанностей и во время производственного отдыха. В частности, жилье для работников, находившееся при предприятиях, должно было отвечать требованиям гигиены. Работодатели также отвечали за безопасность технического оборудования и за соблюдение санитарных условий на рабочих местах [12].

Ежегодный рост показателей несчастных случаев в сельском хозяйстве заставил правительство Польши в 1931 г. выдать Распоряжение «О безопасности и гигиене труда в сельском и лесном хозяйствах и связанных с ними предприятиях, не имеющих преобладающего промышленного или коммерческого характера». Согласно параграфу 1 этого документа все производственные конструкции на территории сельских и лесных хозяйств должны были отвечать требованиям техники безопасности.

Недостатком Распоряжения «О безопасности и гигиене труда в сельском и лесном хозяйствах и связанных с ними предприятиях, не имеющих преобладающего промышленного или коммерческого характера» считаем то, что его действие не распространялось

на хозяйства с площадью менее 30 га (параграф 2). Следовательно, рабочих Восточной Галиции, занятых преимущественно на мелких предприятиях, это положение де-факто лишало права на безопасные условия труда [13].

Избыток рабочей силы позволял работодателям нарушать права работников, что приводило к трудовым спорам, конфликтам, которые перерастали в забастовки. С целью уменьшения социального напряжения в обществе польское правительство создало систему органов труда, основной задачей которых стало предотвращение забастовок.

При решении коллективных трудовых споров важная роль отводилась инспекторам труда, осуществлявшим государственный надзор и контроль за соблюдением предприятиями, независимо от форм собственности и вида деятельности, законодательства о труде. В соответствии с Распоряжением Президента Второй Речи Посполитой «Об инспекции труда» от 14 июля 1927 г. инспекторы осуществляли контроль за условиями труда и выполнением постановлений об охране жизни и здоровья работников. Одной из главных задач инспекции труда было урегулирование конфликтов между работодателями и наемными работниками, выяснение причин споров и содействие их разрешению.

В случае нарушения предприятием обязательных правил безопасности жизни, здоровья работников, охраны труда инспектор труда составлял протокол и выдавал руководителю учреждения распоряжение с целью устранения недостатков [14].

В сельском хозяйстве разрешение коллективных трудовых споров регулировалось Законом Второй Речи Посполитой «О решении коллективных трудовых споров между работодателями и сельскохозяйственными рабочими» от 28 марта 1919 г. и Законом Второй Речи Посполитой «О решении коллективных трудовых споров между работодателями и сельскохозяйственными рабочими» от 1 августа 1919 г. Согласно первому из названных законов трудовые споры рассматривались инспекторами труда и комиссиями по разрешению трудовых споров. При возникновении спора инспектор труда приглашал представителей сторон конфликта для переговоров. Если сто-

ронам не удавалось договориться, спор передавался на рассмотрение комиссии по разрешению трудовых споров. В состав комиссии входило по 5 представителей работодателей и сельскохозяйственных рабочих, а также председатель. После выступления представителей сторон, проверки доказательств и опроса свидетелей комиссия большинством голосов принимала решение и заключала мировое соглашение, которое было обязательным в течение определенного срока, но не более 1 года. Важным положением законодательства считаем то, что принятое комиссией соглашение было основанием для заключения трудовых договоров в уезде при условии, что его пункты улучшали положение работников [15].

Закон Второй Речи Посполитой «О решении коллективных трудовых споров между работодателями и сельскохозяйственными рабочими» от 1 августа 1919 г. устанавливал примирительную комиссию для разрешения трудовых споров, которую возглавлял инспектор труда. Стороны конфликта делегировали на заседание примирительной комиссии равное количество представителей (от 3 до 7), а решения принимались большинством голосов.

Если в результате работы примирительной комиссии сторонам не удавалось заключить мировое соглашение, то министр труда и социальной опеки созывал чрезвычайную комиссию по разрешению трудовых споров и назначал ее председателя.

К нарушителям законодательства о разрешении коллективных трудовых споров в сельском хозяйстве применялось наказание в виде штрафа.

Председатель и делегаты сторон трудового спора за каждый день работы в комиссии получали жалованье в размере 9 или 8 злотых соответственно. Также им возмещалась стоимость железнодорожных билетов. Материальное обеспечение работы комиссий осуществлялось сторонами спора [16].

Споры, возникавшие по причинам невыполнения мировых соглашений, заключенных сторонами в результате деятельности комиссий, могли рассматриваться судами.

Для решения индивидуальных и коллективных трудовых споров с 1928 г. во Второй Речи Посполитой образовывались суды труда, которые рассма-

тривали жалобы от промышленных рабочих, служащих, ремесленников и работодателей [17].

Выводы. На становление и развитие трудового законодательства межвоенной Польши оказывали влияние нормы международного трудового законодательства, в частности конвенции Международной организации труда, защищающие права работников.

Особенностью развития трудового права в Польской Республике было то, что законодательство часто изменялось и дополнялось; это часто ухудшало права рабочих.

Анализ нормативно-правовой базы позволяет сделать вывод о наличии критериев отраслевой и территориальной дифференциации в трудовом законодательстве Второй Речи Посполитой (норм, регулирующих продолжительность рабочего времени, порядок начисления и выплаты заработной платы). Субъектная дифференциация прослеживается в законодательстве о труде молодежи и женщин.

На регулирование трудовых отношений оказывал влияние штат предприятия, то есть количество занятых на нем работников. От применения этого критерия в трудовом законодательстве Второй Речи Посполитой больше всего страдали работники Восточной Галиции. Ведь на территории украинских воеводств преобладали мелкие предприятия, на которые не распространялось законодательство об охране труда.

Трудовые права сельскохозяйственных рабочих и ремесленников гарантировались преимущественно локальными нормативно-правовыми актами.

Общие нормативно-правовые акты регулировали важнейшие сферы трудовых отношений, а также полномочия и деятельность органов труда, в частности инспекции труда, судов труда, арбитражных комиссий и других.

Список использованной литературы:

1. Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej : Ustawa z dnia 17 marca 1921 r. // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1921. – № 44. – Poz. 267.

2. Конституція України: чинне законодавство зі змінами та доповненнями станом на 15 січня 2009 р. – К. : ПАЛІВОДА А.В., 2009. – 118 с.

3. Ustawa Konstytucyjna z dnia 23 kwietnia 1935 r. // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1935. – № 30. – Poz. 227.

4. Міжнародні документи Міжнародної організації праці [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/main/c395>.

5. Ustawa z dnia 18 grudnia 1919 r. o czasie pracy w przemyśle i handlu // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1920. – № 2. – Poz. 7.

6. Umowa ustalająca warunki pracy i płacy dla dojarok, stale zatrudnionych dziennych robotników rolnych i dla sezonowych robotników rolnych na terenie województw: lwowskiego, stanisławowskiego i tarnopolskiego, z wyłączeniem powiatów: Tarnobrzeg, Kolbuszowo, Nisko, Rzeszów, Łańcut, Przeworsk, Brzozów, Jarosław, Sanok i Krosno // Monitor Polski. – 1933. – № 29. – Poz. 41.

7. Ustawa z dnia 19 grudnia 1923 r. w przedmiocie ratyfikacji projektu konwencji o odpoczynku tygodniowym w zakładach przemysłowych // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1924. – № 7. – Poz. 60.

8. Кодекс законів про працю України: станом на 10 вересня 2008 р. – К. : ПАЛІВОДА А.В., 2008. – 104 с.

9. Rozporządzenie Ministra Opieki Społecznej z dnia 25 października 1933 r. w sprawie ogłoszenia jednolitego tekstu ustawy z dnia 18 grudnia 1919 r. o czasie pracy w przemyśle i handlu // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1933. – № 94. – Poz. 734.

10. Ustawa z dnia 2 lipca 1924 r. w przedmiocie pracy młodocianych i kobiet // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1924. – № 65. – Poz. 636.

11. Rozporządzenie Prezydenta Rzeczypospolitej z dnia 16 marca 1928 r. o umowie o pracę robotników // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1928. – № 35. – Poz. 324.

12. Rozporządzenie Prezydenta Rzeczypospolitej z dnia 16 marca 1928 r. o bezpieczeństwie i higienie pracy // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1928. – № 35. – Poz. 325.

13. Rozporządzenie Ministrów: Spraw Wewnętrznych, Pracy i Opieki Społecznej oraz Rolnictwa w porozumieniu z Ministrem Reform Rolnych z dnia 9 marca 1931 r. o bezpieczeństwie i higienie pracy

w gospodarstwach rolnych i leśnych oraz przedsiębiorstwach z nimi związanych, które nie posiadają przeważającego charakteru przemysłowego lub handlowego // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1931. – № 44. – Poz. 390.

14. Rozporządzenie Prezydenta Rzeczypospolitej z dnia 14 lipca 1927 r. o inspekcji pracy // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1927. – № 67. – Poz. 590.

15. Ustawa z dnia 28 marca 1919 r. o załatwianiu zatargów zbiorowych pomiędzy pracodawcami a pracownikami rolnymi // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1919. – № 29. – Poz. 251.

16. Ustawa z dnia 18 lipca 1924 r. w przedmiocie uprawnień Ministra Pracy i Opieki Społecznej do powoływania Nadzwyczajnych Komisji Rozjemczych do załatwiania zatargów zbiorowych pomiędzy pracodawcami a pracownikami rolnymi // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1924. – № 71. – Poz. 686.

17. Rozporządzenie Prezydenta Rzeczypospolitej z dnia 22 marca 1928 r. o sądach pracy // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1928. – № 37. – Poz. 350.

ПРОБЛЕМЫ СООТВЕТСТВИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРОРА ПРИ ОКОНЧАНИИ ДОСУДЕБНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ НАЧАЛАМ УГОЛОВНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Андрей МИРОНОВ,

соискатель кафедры организации судебных и правоохранительных органов
Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

Summary

Problems of compliance of activity of the prosecutor are investigated at the completion of pre-judicial investigation to such beginnings of criminal proceedings, as competitiveness of the parties, legality, publicity and others. The prosecutor is considered as the main subject providing practical realization of these beginnings. In this aspect various forms of the completion of the pre-judicial investigation, provided by the current legislation, and a role of the prosecutor in their implementation are analyzed. The main problems arising in this sphere in the theory and in practice come to light. Author's changes in the criminal procedural legislation for the purpose of its improvement and increase of efficiency of public prosecutor's activity are offered.

Key words: prosecutor, completion of pre-judicial investigation, beginning of criminal legal proceedings, release from criminal liability, indictment, competitiveness.

Аннотация

Исследуются проблемы соответствия деятельности прокурора при окончании досудебного расследования таким началам уголовного производства, как состязательность сторон, диспозитивность, законность, публичность и другие. Прокурор рассматривается как основной субъект, обеспечивающий практическую реализацию данных начал. В данном аспекте анализируются различные формы окончания досудебного расследования, предусмотренные действующим законодательством, и роль прокурора в их осуществлении. Выявляются основные проблемы, возникающие в данной сфере в теории и на практике. Предлагаются авторские изменения в уголовное процессуальное законодательство с целью его совершенствования и повышения эффективности прокурорской деятельности.

Ключевые слова: прокурор, окончание досудебного расследования, начало уголовного судопроизводства, освобождение от уголовной ответственности, обвинительный акт, состязательность.

Постановка проблемы. Разнообразные формы окончания предварительного расследования, предусмотренное Уголовным процессуальным кодексом Украины (далее – УПК Украины), обуславливает необходимость определения общих начал деятельности прокурора на данном этапе уголовного производства, объединяющих ее в единый целостный механизм. С этой точки зрения такими базисными элементами выступают начала уголовного производства, оказывающие определяющее влияние на деятельность прокурора при окончании досудебного расследования.

Актуальность темы исследования определяется ведущей ролью прокурора в реализации начал уголовного производства на этапе окончания досудебного расследования. Данный вопрос до сих пор не стал предметом самостоятельных научных разработок, что ведет к соответствующему пробелу в теоретическом исследовании проблем окончания досудебного расследования и деятельности прокурора на данном этапе.

Состояние исследования. Проведенное в данной статье исследование базируется на теоретических работах

украинских и зарубежных ученых, касающихся окончания досудебного расследования и роли прокурора в уголовном производстве (как в целом, так и на данном этапе в частности): О. Каплиной, П. Каркача, А. Лапкина, В. Маляренка, А. Торбаса, В. Юрчишина и др.

Целью научной статьи является определение особенности реализации начал уголовного производства в практической деятельности прокурора при окончании досудебного расследования.

Изложение основного материала. В научной юридической литературе принципы уголовного процесса (новый Уголовный процессуальный кодекс Украины (далее – УПК Украины) использует для их наименования термин «начала») определяются как основополагающие исходные начала, которые в сочетании обуславливают сущность, содержание и направленность деятельности субъектов процесса, ее способы и процессуальную форму, создают систему гарантий в установлении истины, защите прав и свобод человека и обеспечении справедливости правосудия [1, с. 10]. Как справедливо отмечает В. Маляренко, все принципы судопроизводства в рамках целостной системы органично и неразрывно связаны как

со всей системой, так и с остальными основами, взаимодействуют между собой, поэтому нарушение любого из них приводит к нарушению других принципов, а значит – к нарушению законности при производстве в целом [2, с. 43]. Таким образом, начала уголовного производства играют важнейшую роль в регулировании всех его аспектов, в том числе деятельности прокурора при окончании досудебного расследования. Однако при этом следует отметить, что со своей стороны деятельность прокурора является важным элементом механизма реализации начал уголовного производства [3, с. 46–47]. Следовательно, прокурор обязан не только подчиняться таким принципам, но и активно претворять их в жизнь в своей практической деятельности посредством реализации предоставленных ему полномочий.

Система начал уголовного производства является достаточно широкой. В частности, ст. 7 УПК Украины определяет 22 таких начала. Несомненно, прокурор в равной степени должен соблюдать все из них, однако специфика определенного этапа уголовного производства влияет на тот или иной объем реализации каждого конкретного

начала. Таким образом, в данной научной статье мы рассмотрим действие на прокурора не всех, а только некоторых начал уголовного процесса, которые, на наш взгляд, наиболее полно проявляются при окончании досудебного расследования, определяя сущность и содержание отдельных его форм.

Одним из таких принципов является состязательность. В соответствии с п. 4 ч. 3 ст. 129 Конституции Украины состязательность сторон и свобода в предоставлении ими суду своих доказательств и в доказывании перед судом их убедительности относятся к основным принципам судопроизводства. Данная основа реализуется во всех видах судопроизводства, приобретая в каждом из них определенную специфику. Особенности ее воплощения в сфере уголовного судопроизводства определяются ст. 22 УПК Украины. Согласно ее положениям уголовное производство осуществляется на основе состязательности, что предусматривает самостоятельное отстаивание стороной обвинения и стороной защиты их правовых позиций, прав, свобод и законных интересов средствами, предусмотренными УПК Украины. Стороны уголовного производства имеют равные права на сбор и представление в суд вещей, документов, других доказательств, ходатайств, жалоб, а также на реализацию иных процессуальных прав. Во время уголовного производства функции государственного обвинения, защиты и судебного рассмотрения не могут полагаться на один и тот же орган или должностное лицо.

Ведущей идеей данного принципа исследователи считают паритетность сторон обвинения и защиты, выделяя в структуре состязательности такие элементы: 1) четкое разграничение функций государственного обвинения, защиты и судебного рассмотрения; 2) равенство сторон в процессуальных правах для осуществления своих функций; 3) особая роль суда в процессе как объективного и беспристрастного субъекта [4, с. 73].

В контексте нашего исследования особое внимание необходимо обратить на положения ч. 4 ст. 22 УПК Украины, согласно которым сообщение лицу о подозрении в совершении уголовного преступления, обращение с обвинительным актом и поддержание госу-

дарственного обвинения в суде осуществляется прокурором. Итак, определяя в этих нормах роль прокурора в реализации основы состязательности, законодатель приводит перечень действий, которые осуществляет прокурор как сторона обвинения, включая в них, в частности, обращение с обвинительным актом.

Однако анализ законодательства позволяет утверждать, что данный перечень должен быть расширен. Так, относительно таких форм окончания предварительного расследования, как обращение в суд с ходатайством об освобождении лица от уголовной ответственности и обращение в суд с обвинительным актом, ходатайством о применении принудительных мер медицинского или воспитательного характера прокурор определен в качестве единственного субъекта их применения. Основания для такого вывода нам дают положения ст. ст. 285–289 УПК Украины, исходя из которых, освобождение лица от уголовной ответственности на стадии предварительного расследования осуществляется судом только на основании соответствующего ходатайства прокурора. Других субъектов, которые могли бы направить в суд соответствующее ходатайство, закон не предусматривает. Только на стадии судебного производства освобождения лица от уголовной ответственности возможно «по ходатайству стороны уголовного производства», то есть иных, чем прокурор, участников уголовного производства. Однако на стадии досудебного расследования такое ходатайство может исходить только от прокурора [5, с. 46]. Это касается и обращения прокурора в суд с обвинительным актом, ходатайством о применении принудительных мер медицинского или воспитательного характера. В УПК Украины не предусмотрен иной, альтернативный прокурору, субъект представления в суд обвинительного акта или соответствующих ходатайств. Таким образом, исключительно прокурор является субъектом, который принимает решение об окончании досудебного расследования в данных двух формах.

Относительно прекращения уголовного производства, то его субъектами, исходя из норм ст. 284 УПК Украины, являются следователь, прокурор

или суд. Так, уголовное производство прекращается судом в таких случаях: 1) в связи с освобождением лица от уголовной ответственности; 2) если прокурор отказался от поддержания государственного обвинения, за исключением случаев, предусмотренных УПК Украины; 3) достигнут налоговый компромисс по делам об уголовных правонарушениях, предусмотренных ст. 212 Уголовного кодекса Украины, в соответствии с п. 9-2 раздела XX «Переходные положения» Налогового кодекса Украины. Однако случаи прекращения уголовного производства судом нельзя считать формами окончания досудебного расследования, поскольку соответствующие решения принимаются судом уже в судебном уголовном производстве. Так, например, прекращение уголовного производства с освобождением от уголовной ответственности осуществляется судом, однако досудебное расследование в связи с этим основанием заканчивается прокурором, который направляет в суд соответствующее ходатайство об освобождении лица от уголовной ответственности, при этом роль прокурора в разрешении данного вопроса определяется как ключевая и даже паритетная с судом, поскольку решение одного из этих субъектов об освобождении лица от уголовной ответственности невозможно без волеизъявления другого [6, с. 141].

На стадии предварительного расследования уголовное производство вправе прекратить прокурор или следователь. Законодатель разграничивает между ними сферу компетенции по данному вопросу. Так, следователь принимает постановление о прекращении уголовного производства на следующих основаниях: 1) установлено отсутствие события уголовного правонарушения; 2) установлено отсутствие в деянии состава уголовного правонарушения; 3) вступил в силу закон, которым отменена уголовная ответственность за деяние, совершенное лицом; 4) относительно налоговых обязательств лица, совершившего действия, предусмотренных ст. 212 Уголовного кодекса Украины, достигнут налоговый компромисс в соответствии с п. 9-2 раздела XX «Переходные положения» Налогового кодекса Украины. Необходимым условием, допускающим воз-

возможность принятия решения именно следователем, является то, что в таком уголовном производстве определенное лицо не оповещено о подозрении.

Прокурор принимает решение о прекращении уголовного производства в отношении подозреваемого по всем основаниям для этого, предусмотренным ч. 1 ст. 284 УПК Украины. Указание закона на то, что прокурор принимает такое решение «в отношении подозреваемого», предусматривает необходимость уведомления определенного лица о подозрении в данном уголовном производстве. Такое ограничение ставит вопрос о возможности прокурора закрыть уголовное производство в других случаях, когда в данном уголовном производстве ни одному лицу о подозрении не сообщалось. Буквальное толкование положений закона не допускает такой возможности, хотя общая роль прокурора в уголовном производстве как процессуального руководителя досудебного расследования позволяет утверждать о необходимости наделения прокурора полномочиями закрывать уголовное производство по любому основанию для этого, определенному законом, кроме тех случаев, когда это является исключительной компетенцией суда.

Очевидно также, что наделение прокурора такой компетенцией является одной из составляющих основы состязательности. Прокурор как носитель процессуальной функции обвинения должен реализовать всю совокупность действий, которые имеют обвинительную направленность, что составляет содержание его деятельности по уголовному преследованию [7, с. 56]. В этом контексте следует рассматривать не только обращение прокурора в суд с обвинительным актом (которое является непосредственным проявлением обвинения), но и другие варианты окончания досудебного расследования: его прекращение, обращение в суд с ходатайством об освобождении лица от уголовной ответственности или о применении к лицу принудительных мер воспитательного или медицинского характера. В таких ситуациях прокурор также реализует свою обвинительную функцию, однако в других формах, в частности решая вопрос о прекращении обвинительной деятельности в отношении подозреваемого (при прекра-

щении уголовного производства) или инициируя решение такого вопроса перед судом (при представлении в суд ходатайства об освобождении лица от уголовной ответственности).

То обстоятельство, что все указанные ситуации одновременно являются формами окончания досудебного расследования, позволяет сделать вывод, что элементом начала состязательности уголовного производства выступает полномочие прокурора в целом принимать решение об окончании досудебного расследования. В одних случаях это делается для продолжения обвинительной функции в отношении лица в судебном уголовном производстве, а в других – для ее прекращения. Наделение такими полномочиями именно прокурора логично и оправдано с учетом определения данного субъекта как основного носителя обвинительной функции. С этой точки зрения соответствующие полномочия следователя по принятию решения о прекращении уголовного производства по определенным основаниям надо считать факультативными и дополнительными к полномочиям прокурора как субъекта, уполномоченного принимать решения об окончании досудебного расследования «по общему правилу».

Тесно связанным с началом состязательности является принцип диспозитивности, в соответствии с которым стороны уголовного производства являются свободными в использовании своих прав в рамках и способами, предусмотренными УПК Украины. Статья 26 УПК Украины, раскрывающая содержание начала диспозитивности, предусматривает относительно прокурора только специальную норму о том, что отказ прокурора от поддержания государственного обвинения влечет за собой прекращение уголовного производства. Однако действие данного принципа необходимо понимать более широко, учитывая, в частности, то, что в процессе реализации диспозитивности субъекты, отстаивающие в деле свой интерес, пользуются равными процессуальными правами, осуществление которых оказывает значительное влияние на уголовное производство, в частности: свободой в предоставлении доказательств, их исследовании и доказывании их убедительности перед судом; возможностью

распоряжения предметом уголовного процесса (обвинением) и спорным материальным правом и т. д. [8, с. 93]. Таким образом, он распространяется на все процессуальные решения, принимаемые прокурором на разных этапах уголовного производства.

Рассматривая принцип диспозитивности в контексте действий прокурора при окончании досудебного расследования, необходимо отметить, что согласно ч. 2 ст. 283 УПК Украины прокурор обязан в кратчайший срок после сообщения лицу о подозрении осуществить одно из следующих действий: 1) закрыть уголовное производство; 2) обратиться в суд с ходатайством об освобождении лица от уголовной ответственности; 3) обратиться в суд с обвинительным актом, ходатайством о применении принудительных мер медицинского или воспитательного характера. Исходя из этого, можно выделить следующие три формы окончания предварительного расследования: 1) закрытие уголовного производства; 2) обращение прокурора в суд с ходатайством об освобождении лица от уголовной ответственности; 3) обращение прокурора в суд с обвинительным актом, ходатайством о применении принудительных мер медицинского или воспитательного характера. Тот факт, что все указанные формы окончания предварительного расследования законодатель связал с прокурором через конструирование соответствующей процессуальной обязанности последнего (в кратчайший срок после сообщения лицу о подозрении осуществить одно из этих действий, то есть выбрать соответствующую форму окончания досудебного расследования), позволяет определить прокурора как ключевого субъекта их реализации.

Вместе с тем решение прокурора о том, в какой именно форме прекращать досудебное расследование, не является произвольным. Оно основывается на определенных установленных законом основаниях, и прокурор принимает его, руководствуясь требованиями закона, исходя из конкретных данных уголовного производства и собственного усмотрения. Предел такого усмотрения также определяется рамками закона. Однако при этом нельзя отрицать определенной свободы выбора прокурором одного из возможных вариантов окон-

чания уголовного производства, которые устанавливаются УПК Украины (например, направить уголовное производство в суд с обвинительным актом и сделкой о признании виновности или без таковой и т. п.).

Важным принципом, определяющим рамки такой диспозитивной свободы деятельности прокурора в уголовном производстве, является публичность. Следует отметить, что ст. 25 УПК Украины предусматривает достаточно ограниченное понимание начала публичности, которое определяется как обязанность прокурора и следователя в пределах своей компетенции начать досудебное расследование в каждом случае непосредственного обнаружения признаков уголовного преступления (за исключением случаев, когда уголовное производство может быть начато только на основании заявления потерпевшего) или в случае поступления заявления (сообщения) о совершении уголовного преступления, а также принять все предусмотренные законом меры для установления события уголовного преступления и лица, его совершившего. Однако ученые предлагают более широкое толкование данного принципа, считая его основным началом в уголовном процессе, в соответствии с которым представители государственной власти должны действовать активно, независимо от воли других лиц [9, с. 169]. При этом они обязаны в полной мере учитывать интересы других участников уголовного производства. Так, к примеру, именно действием принципа публичности в юридической литературе объясняется возложение обязанности разъяснить возможность освобождения лица от уголовной ответственности на должностных лиц, осуществляющих производство [10, с. 486]. В полной мере это касается прокурора, который, руководствуясь принципом публичности, на этапе окончания досудебного расследования должен принимать решения прежде всего в общественных (публичных) интересах. Вместе с тем он обязан соблюдать процессуальные права участников уголовного производства, выполняя все предписанные законом требования по их обеспечению. В частности, прокурор не может принять решение об окончании досудебного расследования и направить в суд

ходатайство об освобождении лица от уголовной ответственности, если подозреваемый возражает против этого.

Рассматривая различные варианты действий прокурора на этапе окончания досудебного расследования, можно заметить, что их сложно интерпретировать применительно к какому-то одному началу уголовного производства, поскольку между требованиями последних иногда возникают коллизии. В таких ситуациях прокурор должен руководствоваться наиболее общими началами, которыми выступают верховенство права и законность. Так, в силу принципа законности во время уголовного производства, в том числе при окончании досудебного расследования, прокурор в числе других должностных лиц органов государственной власти обязан неуклонно соблюдать требования Конституции Украины, УПК Украины, международных договоров, согласие на обязательность которых предоставлено Верховной Радой Украины, требования других актов законодательства. Таким образом, любые решения на данном этапе прокурор может принимать исключительно в рамках закона, о чем уже было сказано выше.

Более практическую направленность имеет такой элемент принципа законности, как предусмотренная ч. 2 ст. 9 УПК Украины обязанность прокурора всесторонне, полно и беспристрастно исследовать обстоятельства уголовного производства, выявить как изобличающие, так и оправдывающие подозреваемого, обвиняемого обстоятельства, а также обстоятельства, смягчающие или отягчающие его наказание, предоставить им надлежащую правовую оценку и обеспечить принятие законных и беспристрастных процессуальных решений. Таким образом, всякое решение прокурора на этапе окончания досудебного расследования должно основываться на всестороннем, полном и беспристрастном исследовании обстоятельств уголовного производства. Если эти требования нарушаются, прокурор вообще не имеет права рассматривать вопрос об окончании досудебного расследования, поскольку только в рамках последнего возможно восполнение различных пробелов и недостатков следствия.

Подводя итог, можно сделать вывод о необходимости неукоснительно

го соблюдения прокурором принципов уголовного производства на этапе окончания досудебного расследования. В случае коллизии между принципами решение прокурору следует принимать на основе закона. В частности, следует предложить дополнить приведенное в ст. 22 УПК Украины определение роли прокурора в реализации основы состязательности указанием его полномочия принимать решения об окончании досудебного расследования в одной из предусмотренных УПК Украины форм при наличии соответствующих оснований.

Список использованной литературы:

1. Тертишник В. Концептуальна модель системи принципів кримінального процесу / В. Тертишник // Юридичний вісник України. – 2001. – № 5. – С. 10.
2. Маляренко В. Поняття, загальна характеристика та класифікація основних засад кримінального судочинства / В. Маляренко // Вісник Верховного Суду України. – 1999. – № 1. – С. 40–44.
3. Марчук Н. Принципи участі прокурора у досудовому кримінальному провадженні / Н. Марчук // Вісник Національної академії прокуратури України. – 2012. – № 4. – С. 43–47.
4. Кримінальний процесуальний кодекс України. Науково-практичний коментар : у 2 т. / [О. Бандурка, С. Блажівський, С. Бурдоль та ін.] ; за заг. ред. В. Тація, В. Пшонки, А. Портнова. – Х. : Право, 2012– . – Т. 1. – 2012. – 768 с.
5. Кобернюк В. Взаємодія суду, прокурора та інших учасників кримінального провадження при прийнятті рішення про закриття кримінального провадження зі звільненням обвинуваченого від кримінальної відповідальності / В. Кобернюк // Часопис Академії адвокатури України. – 2012. – № 4. – С. 44–52.
6. Лапкін А. Участь прокурора в кримінальному провадженні зі звільненням особи від кримінальної відповідальності / А. Лапкін // Вісник Луганського державного університету внутрішніх справ імені Е. О. Дідоренка. – 2015. – № 3(71). – С. 131–142.
7. Лапкін А. Кримінальне переслідування – перспективна функція прокуратури / А. Лапкін // Вісник

Національної академії прокуратури України. – 2011. – № 1. – С. 52–58.

8. Ноздріна М. Сутність диспозитивності за новим кримінально-процесуальним законодавством / М. Ноздріна // Вісник Львівського інституту внутрішніх справ. – 2004. – Вип. 2. – С. 82–93.

9. Ноздріна М. Сутність принципу публічності за новим кримінально-процесуальним законодавством / М. Ноздріна // Вісник Національного університету внутрішніх справ. – 2002. – № 18. – С. 166–171.

10. Кримінальний процес : [підручник] / [Ю. Грошевий, В. Тацій, А. Туманянц та ін.] ; за ред. В. Тація, Ю. Грошевого, О. Капліної, О. Шило. – Х. : Право, 2013. – 824 с.

О ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ДЕФИНИЦИИ «КОРПОРАТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ»

Андрей МЯГКИЙ,

адвокат

Научно-исследовательский институт частного права и
предпринимательства имени академика Ф.Г. Бурчака
Национальная академия правовых наук

Summary

The article have been analyzed the concept of “corporate governance” in the Laws of Ukraine “On Financial Services and State Regulation of Financial Markets” and “On State Regulation of Securities Market in Ukraine”. To improve this definition it has been identified different approaches to its definition, formed in scientific national and foreign literature. It have been proposed to improve the existing legal concept of “corporate governance” by assigning it all stages of implementation of management decisions and regulations that in the course of such control participants realize their corporate rights. In order to eliminate conflicts between different legal acts justified contained therein investigated concept in the same sense.

Key words: corporate governance, participant management decisions, control, corporate law, controls.

Аннотация

В статье анализируется понятие «корпоративное управление», закрепленное в Законе Украины «О финансовых услугах и государственном регулировании рынков финансовых услуг» и Законе Украины «О государственном регулировании рынка ценных бумаг в Украине». С целью усовершенствования этой дефиниции описываются разные подходы к ее определению, сформировавшиеся в научной отечественной и зарубежной литературах. Предлагается усовершенствовать существующее законодательное понятие «корпоративное управление» за счет закрепления в нем всех этапов реализации управленческих решений и положения о том, что в процессе такого управления участники реализуют их корпоративные права. С целью устранения противоречий между разными нормативно-правовыми актами обосновывается закрепление в них исследуемого понятия в одном и том же значении.

Ключевые слова: корпоративное управление, участник, управленческие решения, контроль, корпоративные права, органы управления.

Постановка проблемы. Понятие «корпоративное управление» встречается в Законе Украины «О финансовых услугах и государственном регулировании рынков финансовых услуг» [1] и Законе Украины «О государственном регулировании рынка ценных бумаг в Украине» [2], а также в нескольких подзаконных актах, в частности в Постановлении Правления Национального банка Украины «Об одобрении Методических рекомендаций по организации и функционированию систем риск-менеджмента в банках Украины» от 2 августа 2004 г. № 361 [3], в Распоряжении Государственной комиссии по регулированию рынков финансовых услуг Украины «Об утверждении Методических рекомендаций по системе управления и раскрытия информации финансовыми учреждениями» от 27 декабря 2005 г. № 5207 [4] и

др. При этом указанные нормативно-правовые акты по-разному толкуют изучаемое понятие: и как систему организации деятельности и контроля общества, и как отношения между компанией и ее участниками. Это приводит к различной трактовке правовых норм субъектами хозяйствования, инвесторами, контролирующими и судебными органами. Кроме этого, при составлении локальных актов предприятий применяются различные формулировки исследуемого понятия: в одних актах закреплена законодательная дефиниция; в других – определение из подзаконных нормативно-правовых актов; в третьих актах предлагается совершенно новый подход к его пониманию. Например, в Кодексе корпоративного управления ПАО АБ «Укргазбанк» закреплена более широкий подход, по сравнению с законодательным определением, к понятию «корпоративное

управление» [5]. Все это обуславливает возникновение конфликтных ситуаций между участниками, менеджерами и органами общества.

Состояние исследования. В научной литературе попытки раскрыть указанную дефиницию содержатся в работах О.М. Винник [6], А.В. Гарагонича [7], С.Д. Могилевского [8], А.Н. Переверзева [9] и многих других. Следует отметить, что авторы изложили свое видение такого сложного явления, как корпоративное управление, при этом законодательное понятие они не рассматривали, что указывает на актуальность исследования указанных вопросов.

Целью статьи является определение понятия «корпоративное управление» и формулирование предложений о внесении соответствующих изменений в действующее законодательство Украины в этой части.

Изложение основного материала. В Законе Украины «О финансовых услугах и государственном регулировании рынков финансовых услуг» (п. 27 ст. 1) и Законе Украины «О государственном регулировании рынка ценных бумаг в Украине» (ст. 1) определено, что корпоративное управление – это система отношений, которая устанавливает правила и процедуры принятия решений относительно деятельности хозяйственного общества и осуществления контроля, а также распределяет права и обязанности между органами общества и его участниками по управлению обществом. При внимательном изучении этого понятия можно констатировать, что оно несовершенно и не отвечает требованиям хозяйственной практики. Законодательная формулировка корпоративного управления является неполной, поскольку отражает не всю цепь реализации управленческих решений: принятие – исполнение – контроль. Им опосредуются только отношения по принятию и контролю, не включаются отношения, связанные с их выполнением. Фактически это означает, что, например, проведение внеочередного общего собрания или одобрение крупных сделок не являются корпоративным управлением, а это противоречит другим нормам законодательства, которые рассматривают общее собрание как высший орган управления обществом.

Исследуемая легальная дефиниция указывает, что корпоративное управление осуществляется в первую очередь

путем принятия решений, способных обеспечить осуществление нормальной хозяйственной деятельности предприятия. Следует уточнить, что оно охватывает не любые решения, а только решения управленческого характера: решение об одобрении и заключении сделок, о назначении председателя и членов исполнительного органа общества, о прекращении полномочий членов наблюдательного совета, о создании обособленного подразделения и т. д.

Определенные замечания, на наш взгляд, вызывает и вторая часть законодательного понятия «корпоративное управление». В ней говорится о том, что корпоративное управление – это система отношений, которая определяет распределение прав и обязанностей между органами общества и его участниками по управлению им. Критически можно воспринять позицию о том, что участники общества имеют какие-либо права и обязанности по управлению, ведь они вообще не осуществляют управленческую деятельность. Эту идею отстаивает также П.Е. Шустер: «Акционер не может непосредственно управлять обществом, а может только участвовать в управлении посредством участия в работе органов управления общества, участвуя таким образом в формировании воли юридического лица, а следовательно, и в принятии управленческого решения» [10, с. 14]. Действующее законодательство предоставляет участникам право получать информацию об обществе, требовать созыва общих сборов, включения определенных вопросов в повестку дня, отчетности исполнительного органа и тому подобное. Однако такие действия не являются управленческими, они свидетельствуют о реализации участниками их корпоративных прав (ст. 10 Закона Украины «О хозяйственных обществах»). Под осуществлением корпоративного права на управление обществом понимается процесс, в результате которого участники реализуют субъективные права на получение информации, создание и утверждение внутренних документов, принятие решений и контроль их выполнения, основываясь на своем имущественном интересе и руководствуясь правовыми принципами. Учитывая изложенное, при формулировке понятия «корпоративное управление» уместно указать не

на распределение прав и обязанностей между органами общества и его участниками по управлению обществом, а на порядок реализации участниками их корпоративных прав.

Проводя анализ понятия «корпоративное управление», определенного в Законе Украины «О финансовых услугах и государственном регулировании рынков финансовых услуг» и Законе Украины «О государственном регулировании рынка ценных бумаг в Украине», отметим, что оно не согласуется с другими нормами этих законов. Легальная дефиниция отражает только отношения внутри самого хозяйственного общества (между участниками и органами управления), в то время как для реализации вышеуказанных нормативно-правовых актов необходимо такое понимание корпоративного управления, которое бы охватило также и отношения хозяйственного общества и его органов с государственными структурами, кредиторами, инвесторами, вкладчиками и другими заинтересованными лицами. Это следует из содержания ст. 12-2 Закона Украины «О финансовых услугах и государственном регулировании рынков финансовых услуг», которая устанавливает требования к отчету о корпоративном управлении. Такой отчет должен содержать информацию о: 1) цели осуществления деятельности финансового учреждения; 2) соблюдении/несоблюдении принципов или кодекса корпоративного управления; 3) владельцах существенного участия (в том числе лицах, осуществляющих контроль за финансовым учреждением); 4) составе наблюдательного совета, в том числе созданных им комитетов; 5) составе исполнительного органа; 6) фактах нарушения членами наблюдательного совета и исполнительного органа внутренних правил, повлекшего причинение ущерба; 7) мерах воздействия, применяемых в течение года органами государственной власти; 8) размере вознаграждения за год членов наблюдательного совета и исполнительного органа; 9) значительных факторах риска, которые влияли на деятельность финансового учреждения в течение года; 10) наличии системы управления рисками и ее ключевых характеристиках; 11) результатах функционирования

в течение года системы внутреннего аудита (контроля); 12) фактах отчуждения в течение года активов в объеме, превышающем установленный в уставе размер; 13) результатах оценки активов в случае их купли-продажи в течение года в объеме, превышающем установленный в уставе размер; 14) операциях со связанными лицами, в том числе в пределах одной промышленно-финансовой группы или иного объединения, проведенных в течение года; 15) использованных рекомендациях органов, осуществляющих государственное регулирование рынков финансовых услуг, по аудиторскому заключению; 16) внешнем аудиторском наблюдательном совете финансового учреждения, назначенном в течение года; 17) деятельности внешнего аудитора; 18) защите финансовым учреждением прав потребителей финансовых услуг.

Как видим, корпоративное управление, в соответствии с вышеприведенной статьей, охватывает как управленческую деятельность органов общества, так и их взаимодействие со сторонними лицами, в частности аудиторами (п. 17), комиссиями по регулированию рынка финансовых услуг (п. 15), потребителями (п. 18), другими субъектами хозяйствования (п. п. 12, 14). Аналогичный подход к понятию «корпоративное управление» используется в ст. ст. 7, 8 Закона Украины «О государственном регулировании рынка ценных бумаг в Украине» при раскрытии полномочий и задач Национальной комиссии по ценным бумагам и фондовому рынку Украины. Это означает, что при формулировке законодательной дефиниции «корпоративное управление» важно охватывать не только отношения внутри хозяйственного общества, но и отношения общества, его участников и управленцев с заинтересованными лицами. Вышеупомянутый подход поддерживается и в зарубежном законодательстве, где под корпоративным управлением понимаются внутренние отношения между акционерами, советом директоров и менеджерами, которые возникают в процессе управления компанией. Достаточно кратко, но метко корпоративное управление раскрыто в Кодексе Кэдбери (Великобритания), где под ним понимается система, с помощью которой компании управляются и контролируются [11, с. 202].

Содержание законодательной дефиниции «корпоративное управление» можно раскрыть также путем анализа хозяйственного процессуального законодательства. Так, в соответствии со статьей Постановления Пленума Верховного Суда Украины «О практике рассмотрения судами корпоративных споров» от 24 октября 2008 г. корпоративным управлением охватываются отношения между органами общества и его собственниками (акционерами) по решению дел общества [12]. На это указывают п. п. 18, 38–41 настоящего постановления, где спорами с управлением обществом признаются споры о признании недействительными решений общего собрания, наблюдательного совета, споры, связанные с порядком созыва и работы этих органов, разграничением полномочий председателя и членов коллективного исполнительного органа и тому подобное. Согласно п. 6.1 Рекомендаций Президиума Высшего хозяйственного суда Украины «О практике применения законодательства в рассмотрении дел, возникающих в корпоративных отношениях» от 28 декабря 2007 г. отношения по корпоративному управлению признаются отношения между участниками (учредителями) общества по поводу его создания, формирования его органов, определение их компетенции [13]. В Справке Высшего хозяйственного суда Украины по результатам обобщения судебной практики разрешения споров о корпоративном управлении и реализации корпоративных прав от 1 февраля 2014 г. к спорам о корпоративном управлении отнесены споры о признании недействительным решения общего собрания участников (акционеров), об обязательстве совершить определенные действия (принять участие в общем собрании, включить в состав участников хозяйственного общества, созвать общее собрание и т. д.), о признании недействительным решения исполнительного органа хозяйственного общества, споры по иску акционера (участника) хозяйственного общества о защите прав или охраняемых законом интересов общества вне отношений представительства [14]. Итак, хозяйственное процессуальное законодательство толкует корпоративное управление как систему отношений между участниками общества и его органами

по поводу реализации участниками их корпоративных прав.

На основании вышеизложенного предлагается усовершенствовать легальную дефиницию «корпоративное управление» и закрепить ее в Законе Украины «О финансовых услугах и государственном регулировании рынков финансовых услуг» и Законе Украины «О государственном регулировании рынка ценных бумаг в Украине» в следующей редакции: «Корпоративное управление – это система установленных правил и процедур принятия, исполнения, контроля решений органов и участников хозяйственного общества».

Дефиниция «корпоративное управление» встречается и в нескольких подзаконных актах, причем в совершенно ином значении, чем в законах. Так, в Постановлении Правления Национального банка Украины «Об одобрении Методических рекомендаций по организации и функционированию систем риск-менеджмента в банках Украины» от 2 августа 2004 г. № 361 указывается, что корпоративное управление – это система организации деятельности и контроля банка, которая определяет распределение прав и обязанностей между различными участниками хозяйственного общества: наблюдательным советом банка (советом директоров), руководством (правлением) банка, акционерами и другими заинтересованными сторонами (для банков – прежде всего вкладчиками и другими кредиторами), а также правила и процедуры принятия решений по делам банка. Такое же определение корпоративного управления содержит и Распоряжение Государственной комиссии по регулированию рынков финансовых услуг Украины «Об утверждении Методических рекомендаций по системе управления и раскрытия информации финансовыми учреждениями» от 27 декабря 2005 г. № 5207. Сравнительный анализ этого определения с законодательной дефиницией корпоративного управления показывает, что на подзаконном уровне поддерживается слишком узкий подход, который рассматривает корпоративное управление как принятие решений или ведение дел предприятия его уполномоченными органами, с помощью чего обеспечивается определение и выполнение задач организации, а также мониторинг ее деятельности,

ведение честного и прозрачного бизнеса, привлечение к ответственности всех вовлеченных сторон. Ошибочным, на наш взгляд, является применение в вышеприведенном понятии словосочетания «другими заинтересованными сторонами (для банков – прежде всего вкладчиками и другими кредиторами)», согласно которому участниками хозяйственного общества признаются посторонние лица, что противоречит сущности этого юридического лица. Поскольку названные подзаконные нормативно-правовые акты реализуются на основе Закона Украины «О финансовых услугах и государственном регулировании рынков финансовых услуг» и Закона Украины «О государственном регулировании рынка ценных бумаг в Украине», то и понятие корпоративного управления в них должно применяться в одинаковом смысле.

Учитывая изложенное, аргументируется применение во всех подзаконных актах, в том числе в Постановлении Правления Национального банка Украины «Об одобрении Методических рекомендаций по организации и функционированию систем риск-менеджмента в банках Украины», Распоряжении Государственной комиссии по регулированию рынков финансовых услуг Украины «Об утверждении методических рекомендаций по системе управления и раскрытия информации финансовыми учреждениями», понятия «корпоративное управление», которое раскрыто в Законе Украины «О финансовых услугах и государственном регулировании рынков финансовых услуг» и Законе Украины «О государственном регулировании рынка ценных бумаг в Украине».

Вышеприведенный анализ позволяет сделать следующие **выводы**:

1. Предлагается усовершенствовать легальную дефиницию понятия «корпоративное управление» и закрепить ее в Законе Украины «О финансовых услугах и государственном регулировании рынков финансовых услуг» и Законе Украины «О государственном регулировании рынка ценных бумаг в Украине» в следующей редакции: «Корпоративное управление – это система установленных правил и процедур принятия, исполнения, контроля решений органов и участников хозяйственного общества».

2. С целью устранения противоречий между нормативно-правовыми актами различной юридической силы аргументируется применение во всех подзаконных актах понятия «корпоративное управление», определенного в Законе Украины «О финансовых услугах и государственном регулировании рынков финансовых услуг» и Законе Украины «О государственном регулировании рынка ценных бумаг в Украине».

Список использованной литературы:

1. Про фінансові послуги та державне регулювання ринків фінансових послуг: Закон України від 12 липня 2001 р. № 2664-III // Відомості Верховної Ради України. – 2002. – № 1. – Ст. 1.

2. Про державне регулювання ринку цінних паперів в Україні: Закон України від 30 жовтня 1996 р. № 448/96-ВР // Відомості Верховної Ради України. – 1996. – № 52. – Ст. 292.

3. Про схвалення Методичних рекомендацій щодо організації та функціонування систем ризик-менеджменту в банках України: Постанова Правління Національного банку України від 2 серпня 2004 р. № 361. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/v0361500-04>.

4. Про затвердження Методичних рекомендацій щодо системи управління та розкриття інформації фінансовими установами: Розпорядження Державної комісії з регулювання ринків фінансових послуг України від 27 грудня 2005 р. № 5207 // Українська інвестиційна газета. – 2006. – № 8. – С. 28.

5. Кодекс корпоративного управління ПАТ «Укргазбанк» [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.ukrgasbank.com/ukr/corporate_management.

6. Вінник О.М. Публічні та приватні інтереси в господарських товариствах: проблеми правового забезпечення: [монографія] / О.М. Вінник. – К.: Атіка, 2003. – 352 с.

7. Гарагонич О.В. Поняття і принципи корпоративного управління / О.В. Гарагонич // Порівняльно-аналітичне право. – 2013. – № 3-2. – С. 155–157.

8. Могилевский С.Д. Органы управления хозяйственными общества-

ми: правовой аспект: [монография] / С.Д. Могилевский. – М.: Дело, 2001. – 360 с.

9. Переверзев О.М. Господарське правове забезпечення корпоративного контролю в акціонерному товаристві: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О.М. Переверзев. – Донецьк, 2004. – 20 с.

10. Шустер П.Э. Правовые механизмы участия акционера в управлении акционерным обществом: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / П.Э. Шустер. – М., 2008. – 38 с.

11. Долинская В.В. Акционерное право: [монография] / В.В. Долинская. – М., 2006. – 736 с.

12. Про практику розгляду судам корпоративних спорів: Постанова Пленуму Верховного суду України від 24 жовтня 2008 р. № 13 // Вісник господарського судочинства. – 2009. – № 2. – С. 7.

13. Про практику застосування законодавства у розгляді справ, що виникають з корпоративних відносин: Рекомендації Президії Вищого господарського суду України від 28 грудня 2007 р. № 04-5/14 // Вісник господарського судочинства. – 2008. – № 1. – С. 22.

14. Довідка за результатами узагальнення судової практики вирішення спорів про корпоративне управління та реалізацію корпоративних прав: Довідка Вищого господарського суду України від 1 лютого 2014 р. // Вісник господарського судочинства. – 2014. – № 1. – С. 42.

ВОЗДЕЙСТВИЕ НА УЧАСТНИКОВ КАК СПОСОБ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НАРУШЕНИЕМ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

Александр ОСОВСКИЙ,

соискатель кафедры уголовного процесса и криминалистики факультета по подготовке следователей
Львовского государственного университета внутренних дел

Summary

In the scientific article the participants involved in the investigation of the criminal proceedings on violation of traffic rules and operation of transport and number of participants, in which the influence of the perpetrator or third parties for the purpose of combating investigation. The author studied the position of scientists on the concept of counteraction to investigation, defines impact on participants in criminal proceedings, as well as the concept and method of determining the number of its features, the basic techniques such impact, and requirements for criminal and related persons to law enforcement officers and other members of the investigation.

Key words: actors, impact resistance, investigations, traffic violations, operation and vehicles.

Аннотация

В статье рассмотрены участники, участвующие в ходе расследования уголовного производства о нарушении правил дорожного движения и эксплуатации транспорта, а также круг участников, на которых осуществляется воздействие со стороны преступника или третьих лиц с целью осуществления противодействия расследованию. Исследованы позиции ученых относительно понятия противодействия расследованию, дано определение воздействия на участников уголовного производства, а также понятие способа и определения ряда его особенностей. Рассмотрены основные приемы такого воздействия, а также требования, предъявляемые преступником и связанных с ним лиц к сотрудникам правоохранительных органов и других участников расследования.

Ключевые слова: участники, воздействие, противодействие, расследование, нарушение правил дорожного движения, эксплуатация, транспортные средства.

Постановка проблемы. Наряду с очевидными экономическими благами автомобилизация приносит многочисленные расходы и проблемы негативного характера. Наиболее серьезной из них является проблема дорожно-транспортных происшествий и эксплуатации транспорта. Преступные нарушения правил безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта характеризуются широкой распространенностью и имеют повышенную общественную опасность. В ходе расследования уголовных производств, начатых по признакам указанного вида преступлений, субъекты, осуществляющие досудебное расследование, встречаются с рядом способов противодействия процесса расследованию, одним из которых является воздействие на его участников.

Актуальность темы исследования обусловлена сущностью воздействия на участников расследования преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

Состояние исследования. Отдельные вопросы, касающиеся расследования преступлений о нарушении правил безо-

пасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, изложены в трудах ученых-юристов, занимавшихся указанной тематикой по соответствующим научным направлениям: И.А. Бобракова, М.В. Богатырева, В.И. Жулева, Б.Л. Зотова, М.П. Климчука, В.К. Лысыченко, А.Х. МаксUTOва, В.А. Панюшкина, М.С. Романова и других. Значительный вклад в исследование проблем противодействия преступности сделали такие ученые, как А.В. Александренко, Е.В. Варфоломеев, С.Ф. Журавлев, Г.Г. Зуйков, В.Н. Карагодин, А.В. Кучеров, А.Н. Петрова, Р.М. Шехавцов, Б.В. Щур и другие. Однако их исследования несут общий характер и не связаны с исследуемым нами видом уголовного преступления.

Целью статьи является исследование и преодоления воздействия на участников, участвующих в расследовании уголовного производства о нарушении правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, как способа противодействия расследованию этого вида преступления.

Изложение основного материала. Прежде чем начать изложение основного материала, следует проанализиро-

вать понятия противодействия расследованию, указанные в криминалистической литературе.

Так, Б.В. Щур противодействие расследованию определил как деятельность заинтересованных лиц, направленную на воспрепятствование раскрытию и расследованию преступлений посредством создания препятствий на пути установления истины по уголовному делу [1, с. 34]. Р.Н. Шехавцов противодействие расследованию рассматривает как своеобразный вид целенаправленной активности субъектов преступления, других заинтересованных лиц, которая выражается в виде единично совершенных умышленных действий или в виде структурно сложной умышленной деятельности, направленной, соответственно, на сокрытие, изменение, уничтожение информации, имеющей доказательственное значение, а также ее носителей с целью препятствования установлению обстоятельств совершенного преступления и виновности причастных лиц [2, с. 204]. А.В. Александренко определила противодействие расследованию как своеобразный вид социальной деятельности, представляющий собой систему умыш-

ленных, целенаправленных действий по препятствованию полному, всестороннему и объективному раскрытию и расследованию преступлений [3, с. 29].

Структура противодействия расследованию преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, по нашему мнению, должна включать следующие элементы: субъект противодействия, его намерение, мотив и цель; место, время и факторы осуществления противодействия; приемы, способы и средства противодействия; результат противодействия.

Рассматривая различные системы классификации способов противодействия [4; 5; 6; 7; 8; 9], можно отметить, что наиболее распространенным способом противодействия является воздействие на различных участников уголовного производства.

Воздействие на участников уголовного производства – это негативные действия, совершаемые преступниками или связанными с ними другими лицами с целью помешать или сделать невозможным досудебное расследование в уголовном производстве, установления лица, совершившего уголовное преступление, и привлечение его к уголовной ответственности.

Под способом воздействия необходимо понимать прием или комплекс приемов негативного влияния, осуществляемых с целью принуждения лица не участвовать в будущем (до начала досудебного расследования) или проводимом расследовании преступлений, которые связаны с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также в целях принуждения совершить другие действия в интересах виновной стороны, которые затрудняют работу правоохранительных органов в уголовном производстве.

Субъектом противодействия расследованию преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, во всех изученных нами уголовных делах и уголовных процессах был прежде всего водитель, по вине которого произошло дорожно-транспортное происшествие. В осуществлении противодействия он нередко играет ключевую роль, является не только основным исполнителем, но и

«организатором» противоправных и иных действий (бездействия) в системе противодействия. Вместе с виновным водителем противодействие расследованию преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, осуществляют следующие участники: свидетели (33% изученных уголовных дел и производств и 16% опрошенных), защитники (18% уголовных дел и производств и 80% опрошенных), родственники виновного (16% уголовных дел и производств и 54% опрошенных), пострадавшие (13% уголовных дел и производств и 25% опрошенных), другие лица (3% уголовных дел и производств и 2% опрошенных), понятие (1% уголовных дел и производств и 1% опрошенных), родственники потерпевшего (менее 1% уголовных дел и производств и 19% опрошенных). При изучении материалов уголовных дел и производств к другим лицам были отнесены знакомые, друзья, соседи, представители органов государственной власти, управления и другие личности, которые не являются участниками уголовного производства.

Исследование способов воздействия на участников уголовного производства в преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, позволило определить ряд особенностей этого способа противодействия:

- все способы воздействия на участников уголовного производства носят общий характер и могут быть осуществлены независимо от характера совершенного преступления;

- воздействие на участников уголовного производства может быть осуществлено только в активной форме;

- влияние может быть направлено не только на то, чтобы помешать процессу получения истинной информации об уголовном правонарушении, но и на достижение других конкретных целей, поставленных преступниками или связанными с ними другими лицами.

Характеристика указанного влияния будет неполной без определения участников уголовного производства, на которых может быть осуществлено негативное влияние. Проведенное эмпирическое исследование уголовных дел и производств о преступлениях,

связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также опрос следователей, специализирующихся на расследовании преступлений этой категории, позволяют выделить круг участников уголовного производства, на которых может быть осуществлено воздействие со стороны преступника или третьих лиц с целью осуществления противодействия расследованию:

1) потерпевший, влияние на которого встретилось в практике 71% следователей, занимающихся расследованием преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, и обнаружено при исследовании 62% изученных уголовных дел и производств этой категории, при расследовании которых имело место противодействие;

2) свидетель, влияние на которого встречалось в практике 63% следователей, занимающихся расследованием преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, и обнаружено при изучении 41% уголовных дел и производств этой категории, при производстве которых имело место противодействие. Полученные результаты эмпирического исследования можно объяснить тем, что показания указанных лиц вместе с выводами экспертов выступают основной доказательной базой при производстве расследования по уголовным производствам исследуемой категории;

3) подозреваемый (обвиняемый), влияние на которого встречалось в практике 29% следователей, которые расследовали преступления, связанные с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, и обнаружено при изучении 12% уголовных дел и производств этой категории. В указанном случае субъект противодействия является специфическим, поскольку им часто выступает потерпевший или связанные с ним лица. Мотивом их поведения является нежелание объективного и всестороннего расследования в уголовном производстве, а собственные интересы, среди которых преобладает корысть и желание мести;

4) следователь, влияние на которого встречалось в практике 91% опрошенных нами работников, которые за-

нимаются расследованием преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Стоит отметить, что субъектами, которые оказывают влияние на следователя, могут выступать и защитники по уголовным производствам, которые всеми возможными законными и незаконными способами стремятся достичь положительного для них и их подзащитного результата;

5) прокурор, факты воздействия на которого встречались в практике 5% опрошенных нами работников, которые расследовали уголовные преступления исследуемой категории; при изучении материалов уголовных дел и производств подобных фактов выявлено не было. Влияние на прокурора может быть осуществлено, например, с целью извлечения ним у следователя материалов уголовного производства и инициирования передачи его другому следователю;

6) следственный судья, попытки воздействия на которого встречались в практике 3% опрошенных нами следователей, специализирующихся на расследовании уголовных производств вышеуказанной категории; при исследовании материалов уголовных производств подобных фактов выявлено не было. Такие попытки могут применяться с целью предотвратить применение или иных мер обеспечения уголовного производства, разрешения на проведение отдельных следственных (розыскных) действий (обыска в жилище или ином владении лица и т. п.);

7) эксперт, влияние на которого встречался в практике 59% следователей, которые расследовали уголовные преступления исследуемой категории. Во время проведения опроса экспертов-автотехников и судебно-медицинских экспертов 80% опрошенных указали, что выступали лицами, на которых тем или иным способом было осуществлено влияние при проведении ими экспертиз по уголовным производствам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, с целью заставить дать ложное заключение. Такой высокий процент влияния на экспертов, пожалуй, стоит объяснить значительной ролью выводов эксперта при расследовании преступле-

ний, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Так, от выводов судебно-медицинской экспертизы полностью зависит установление элемента объективной стороны уголовного преступления, предусмотренного ст. 286 Уголовного кодекса Украины, а именно наличие или отсутствие соответствующей степени тяжести телесных повреждений, причинно-следственная связь наступления смерти или получения телесных повреждений в результате дорожно-транспортного происшествия. Выводы судебно-медицинской экспертизы играют ключевую роль при установлении механизма события при наезде на пешеходов; судебная медицинская экспертиза решает вопрос о наличии алкоголя или наркотических средств в крови, групповой принадлежности крови и др. От выводов автотехнической, транспортно-трасологической экспертиз часто практически полностью зависит установки второго элемента объективной стороны ст. 286 Уголовного кодекса Украины – нарушения лицом, управляющим транспортным средством, правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств;

8) специалист, влияние на которого встречалось в практике 22% следователей, которые расследовали преступления, связанные с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Такие попытки влияния чаще всего осуществляются при привлечении специалистов к проведению следственных (розыскных) действий (в подавляющем большинстве к осмотру места происшествия или осмотра транспортного средства) с целью искажения, сокрытия или уничтожения доказательств в «пользу» виновной стороны в части, касающейся использования специальных знаний и навыков специалиста, в частности ложное составление схем, планов, чертежей, отбор образцов для проведения экспертизы, неосуществление фотографирования или видеосъемки некоторых элементов или объектов осмотра, повреждение или потеря конкретных фото- или видеоматериалов, на которых зафиксированы результаты следственного (розыскного) действия, предоставление «нужных и выгодных» консультаций, неправильное, с погреш-

ностями, применение технических или иных средств и т. п.

Основными приемами воздействия на участников расследования преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, являются следующие:

1) уговоры (встречались в практике 89% опрошенных работников органов досудебного расследования, которые занимаются расследованием преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств). Например, водитель С., управляя автомобилем марки «Рено», при движении задним ходом совершил наезд на гражданку А., причинив ей травмы в виде перелома правой стопы. После совершения наезда виновный водитель С. во время доставки А. в медицинское учреждение неоднократно просил ее указать в приемном отделении больницы, что травму она получила при падении;

2) подкуп (встречался в практике 85% работников органов досудебного расследования, которые занимались расследованием преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств). При рассмотрении указанного приема важно не подменять понятия «подкуп» и «возмещение (компенсация) вреда, причиненного потерпевшему». При подкупе заинтересованное лицо, как правило, требует от потерпевшего или предоставить органам досудебного расследования ложные показания, или отказаться от их дачи. При возмещении (компенсации) вреда, причиненного потерпевшему, заинтересованное лицо не преследует цель изменения показаний или поведения потерпевшего в свою пользу, а только заглаживает причиненный уголовным правонарушением вред. Примером указанного приема может служить дорожно-транспортное происшествие, которое произошло на региональной автомобильной дороге «Ковель – Владимир-Волынский – Червоноград – Жолква» на территории Львовской области. Так, водитель Л., управляя автомобилем марки «МАЗ», двигаясь по территории населенного пункта, совершил выезд на асфальтированную обочину, где совершил наезд на пешехода А., который от полученных травм

скончался на месте. Очевидцем указанного дорожно-транспортного происшествия был водитель Т., который двигался позади автомобиля марки «МАЗ» в момент дорожно-транспортного происшествия и наблюдавший положение автомобиля марки «МАЗ» в отношении проезжей части во время совершения наезда. Водитель Л. непосредственно после совершения наезда предлагал водителю Т. денежное вознаграждение в обмен на предоставление им ложных показаний по поводу произошедшего уголовного правонарушения;

3) угрозы (встречались в практике 69% следователей, занимающихся расследованием преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств). Угрозы могут быть самого разного характера: применение физического насилия в отношении потерпевшего или его близких, угрозы увольнения с работы, угрозы повреждения имущества и т. п. В этом аспекте интересен пример из следственной практики. Водитель К. совершил наезд на пешехода, повлекший смерть последнего на месте дорожно-транспортного происшествия; под угрозой отчисления потерпевшего из учебного заведения с использованием своего служебного положения предлагал представителю потерпевшего заявить ходатайство о закрытии уголовного дела в связи с примирением;

4) физическое насилие (встречалось в практике 16% следователей, которые расследовали преступления, связанные с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств). Так, в ходе расследования уголовного производства о дорожно-транспортном приключении, которое имела место в городе Трускавец Львовской области, было установлено, что гражданин Н., управляя автомобилем марки «ВАЗ-2109», совершил наезд на мачту городского освещения, в результате которого пассажир автомобиля А. скончался на месте. Водитель Н. в процессе расследования выдвинул версию о том, что за рулем автомобиля в момент ДТП был А., а очевидцем происшествия был гражданин Л., который имел в распоряжении информацию о лице, которое управляло автомобилем в момент аварии. В то же время Н. применил в отношении Л. физическое на-

силие с целью фальсификации показаний последнего;

5) уничтожения имущества (встречалось в практике 10% следователей, которые расследовали преступления, связанные с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств). Этот прием воздействия осуществляется обычно в системе комплексного противодействия. Например, высказанные угрозы в адрес потерпевшего или свидетеля могут быть дополнены действиями по уничтожению имущества, принадлежащего ему, как демонстрация реального характера высказанных угроз.

Необходимо отметить, что «на волне» становления «криминалистики защиты» широкое распространение, в том числе и при расследовании преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, получает такой вид противодействия расследованию преступлений исследуемой категории, как воздействие на участников уголовного производства со стороны защитника.

Указанное противодействие со стороны защитника может осуществляться процессуальными и непроцессуальными методами.

Противодействие в рамках уголовного производства выражается в использовании защитником предоставленных ему уголовно-процессуальным законодательством и другими нормативными документами прав. Некоторые авторы даже предлагают типовые модели и схемы подобной «защиты». Лицами, на которых осуществляется подобное воздействие, выступают прежде всего работники правоохранительных органов, особенно следователи. Сталкиваясь с активным и в то же время высокопрофессиональным созданием процессуальных препятствий нормальному движению расследования, следователь, чаще всего менее опытный, чем защитник, может совершить процессуальные нарушения и тактические ошибки, которые будут использованы защитником в своих целях.

Противодействие непроцессуальными методами выражается в использовании защитником других приемов воздействия, в том числе уговоров, подкупа, угроз. В практике отдельных следователей, которых мы опросили,

как прием воздействия встречались случаи объявления защитником позорных сведений, компрометирующих участников расследования.

Изучение структуры и механизма совершенного воздействия на участников уголовного производства в практической деятельности позволит следователю адекватно оценить сложившуюся ситуацию в производстве, определить круг использованных приемов воздействия и последовательность их применения, установить отрицательный результат проведенного противодействия в целом и поставить задачу по его преодолению. Кроме того, знание отдельных приемов, составляющих способ воздействия, помогает следователю определить степень психологического воздействия на участников уголовного производства, спрогнозировать ситуацию противодействия расследованию и своевременно принять меры профилактического характера, а также определить степень восприимчивости того или иного участника расследования относительно различных способов воздействия.

Выводы. Таким образом, в современных условиях досудебного расследования, в том числе и при расследовании преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, воздействие на участников уголовного производства может начинаться до начала досудебного расследования, но не прекращаться после его окончания. С целью нейтрализации такого вида противодействия расследованию преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, нужно более широкое использование сил и средств работников правоохранительной сферы. Также очевидна необходимость принятия и обеспечения функционирования специальных нормативно-правовых актов, регулирующих эту деятельность.

Список использованной литературы:

1. Щур Б.В. Тактика усунення протидії розслідуванню злочинів, що вчиняються організованими злочинними групами : дис. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.09 / Б.В. Щур ; Нац. юрид.

акад. України ім. Я.Мудрого. – Х., 2005. – 195 с.

2. Шехавцов Р.М. Підготування до допиту, що проводиться в умовах протидії розслідуванню / Р.М. Шехавцов // Вісник ЛІВС МВС. – 2001. – № 2. – С. 233–236.

3. Александренко О.В. Криміналістичні проблеми подолання протидії розслідуванню : дис. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.09 / О.В. Александренко ; Нац. акад. внутр. справ України. – К., 2004. – 184 с.

4. Карагодин В.Н. Преодоление противодействия предварительному следствию / В.Н. Карагодин. – Свердловск : Изд-во Уральского ун-та, 1992 – 57 с.

5. Журавлев С.Ю. Противодействие деятельности по раскрытию и расследованию преступлений и тактика преодоления : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.09 / С.Ю. Журавлев ; Нижегородская высшая школа МВД РФ. – Нижний Новгород, 1992. – 18 с.

6. Кучеров А.В. Противодействие расследованию по делам о воинских преступлениях и методы его преодоления : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.09 / А.В. Кучеров ; ЮИ МВД РФ. – М., 1996 – 21 с.

7. Бобраков И.А. Воздействие преступников на свидетелей и потерпевших и криминалистические методы его преодоления : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.09 / И.А. Бобраков ; ЮИ МВД РФ. – М., 1997 – 22 с.

8. Петрова А.Н. Противодействие расследованию, криминалистические и иные меры его преодоления : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.09 / А.Н. Петрова ; Волгоградская академия МВД России. – В., 2000 – 26 с.

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ФУНКЦИЙ ПРОКУРОРА В УГОЛОВНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ВО ВРЕМЯ ДОСУДЕБНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Андрей ПАЛЮХ,

преподаватель кафедры уголовного права и процесса
Института права и психологии
Национального университета «Львовская политехника»

Summary

The article is based on an analysis of current legislation, literature, prosecutorial practices considered problematic moments of the functions of the prosecutor during the pre-trial investigation. The author determined the urgent need for a necessity of specification the normative content of concepts such as criminal prosecution, supervision over the legality of pre-trial investigation, procedural management, maintenance of public prosecution. It is proposed in the Code of Criminal Procedure to fix the meaning of “criminal proceedings”, as the powers of the prosecutor on supervision investigation of criminal proceedings arising from the indictment nature of its activities. In turn, the maintenance charges is the activity of the prosecutor, which is carried out in judicial stages of criminal proceedings.

Key words: prosecutor, public prosecutor’s supervision, procedural aspects of pre-trial investigation, criminal prosecution.

Аннотация

В статье на основании анализа действующего законодательства, специальной литературы, прокурорской практики рассмотрены проблемные моменты выполнения функций прокурора во время досудебного расследования. Определена острая необходимость уточнения нормативного содержания таких понятий, как «уголовное преследование», «надзор за законностью предварительного расследования», «процессуальное руководство», «поддержание государственного обвинения». Предлагается в Уголовном процессуальном кодексе Украины закрепить содержание понятия уголовного преследования как полномочий прокурора по надзору за расследованием уголовных производств, следующих из обвинительного характера его деятельности. В свою очередь поддержания обвинения – это деятельность прокурора, которая осуществляется в судебных стадиях уголовного производства.

Ключевые слова: прокурор, прокурорский надзор, процессуальное руководство досудебным расследованием, уголовное преследование.

Постановка проблемы. Определение роли прокурора в ходе досудебного расследования и укрепления законности при расследовании уголовных правонарушений можно справедливо считать одним из наиболее острых и важных вопросов проведенной правовой реформы, которая касается регламентации осуществления уголовного производства. Изучение проведенных научных исследований и ряда работ, опубликованных после принятия Уголовного процессуального кодекса Украины 12 апреля 2012 г. (далее – УПК Украины), говорит о том, что вопрос о процессуальном статусе прокурора остаётся одним из наиболее дискуссионных в теории национально-уголовного процесса. Анализ сферы уголовной процессуальной деятельности показывает существенные расхождения в предыдущем нормативном регулировании статуса прокурора, тем

более существуют дискуссионные научные позиции по этому вопросу. Очевидно, что внедрение нового уголовного процессуального законодательства требует научного обоснования решения проблем, принимая во внимание отечественный исторический опыт и опыт зарубежных государств.

Состояние исследования. Проблемам определения понятия содержания и сущности функций прокурора в уголовном производстве уделяли внимание в своих работах С.А. Альперт, В.Г. Даев, П.С. Элькин, В.С. Зеленецкий, О.М. Ларин, О.Р. Михайленко, О.Я. Мотовиловкер, В.Т. Нор, М.М. Полянский, И.В. Рогатюк, В.М. Савицкий, В.А. Стрёмовский, М.С. Строгович, Р.Р. Тарганюк, М.Б. Улищенко, Ф.Н. Фаткуллин, И.Я. Фойницкий, В.М. Юрчишин и другие. Однако отдельные положения, которые были сформулированы до проведения ре-

формы уголовного процессуального законодательства, требуют уточнения.

Актуальность темы. В работах, изданных за последние три года, вопрос исполненных прокурором функций в ходе досудебного расследования остаётся недостаточно раскрытым, хотя они являются одними из ключевых составных уголовного производства, а прокурор как процессуальный руководитель не может оставаться в стороне досудебного расследования.

Изложение основного материала. Для правильного определения функций прокурора в уголовном производстве считаем уместным использование функционального подхода. А.Б. Соловьев отмечает: «Функциональный подход находит свое отображение в разграничении уголовно-процессуальных функций, имеет для уголовного судопроизводства такое же большое значение, как и принцип деления власти для цивилизованного государства» [1, с. 121].

Исследованием проблемы уголовно-процессуальных функций активно занимались многие ученые (М.С. Строгович, П.С. Элькинд, О.М. Ларин, И.Н. Шпилев, О.Я. Мотовиловер и другие), но она, как и раньше, является актуальной и дискуссионной.

С.А. Альперт и О.С. Бондаренко характеризуют функции как основные (отдельные) направления процессуальной деятельности, которые осуществляют самостоятельно субъекты, реализующие свои права и полномочия для достижения определенных целей [2, с. 13; 3, с. 142].

В.Т. Маляренко, поддерживая позицию Ю.М. Грошевого, также указывает, что процессуальные функции – это «выраженные в законе основные направления процессуальной деятельности, которые осуществляются с целью реализации задач уголовного судопроизводства субъектами, уполномоченными для ведения процесса или наделёнными правами для активного участия в делах с целью защиты своих законных интересов» [4, с. 23].

Следует подчеркнуть, что в процессуальной литературе роль прокурора традиционно рассматривалась через призму его надзорной деятельности. М.А. Чельцов, В.Г. Даев, Н.С. Алексеев, опираясь на законодательное определение прокурорской деятельности

как «высшего надзора», обосновали концепцию, согласно которой на протяжении уголовного судопроизводства единственной функцией прокурора является надзор за соблюдением законов [5, с. 72; 6, с. 115; 7; 8, с. 51]. Руководство расследованием, поддержка обвинения рассматривались в качестве правовых средств, которые использовались прокурором при осуществлении надзора за законностью. Даже утверждение обвинительного заключения характеризовалось как надзорная деятельность [9, с. 79].

В научной литературе высказаны разные суждения по вопросам наличия, содержания функций обвинения как самостоятельной процессуальной функции, ее закрепления за конкретным участником процесса. Принципиальное значение для правильного ответа на эти вопросы приобретает сущность обвинения и соотношения этой функции с другими процессуальными функциями.

Обращаясь к сущности обвинения, нельзя не оставить без внимания работы дореволюционных процессуалистов, в которых этому вопросу уделяли большое внимание. Более того, определение такого ключевого понятия, которым является функция обвинения, на наш взгляд, должно опираться на традиции отечественной правовой теории. Само понятие «уголовное преследование» было введено в научное обращение в дореволюционный период правовой науки и использовалось как равноценное обвинению [11, с. 232–234].

В современной теории уголовного процесса понятие об уголовном преследовании считается недостаточно изученным, на что обращают внимание ученые. Сам термин на протяжении многих лет практически не использовался в научном обращении, кроме работ М.С. Строговича. Причиной этого стало отсутствие понятия обвинения в законодательстве, что давало возможность поставить под сомнение наличие правовой базы для признания существования функции обвинения. Если в ст. ст. 4, 9, 233 УПК РСФСР 1923 г. говорилось об уголовном преследовании, то в Уголовно-процессуальном кодексе УССР, который был введен в действие 1 января 1961 г., этот термин не использовался.

Заметный вклад в исследование этой проблемы внес М.С. Строгович, который рассматривал уголовное преследование как самостоятельную процессуальную функцию [12, с. 65].

Анализ научной литературы показывает, что большинство авторов используют понятия «обвинение» и «уголовное преследование» для обозначения одной процессуальной функции [13, с. 23]. Тем не менее есть авторы, которые различают эти понятия [14, с. 9].

Рассматривая соотношение уголовного преследования и обвинения, следует брать во внимание многогранность последнего понятия. В процессуальной литературе приходится встречаться с разными определениями понятия института обвинения. Можно выделить следующие подходы. Под обвинением в науке понимают и обвинительный тезис – утверждение о виновности личности; и деятельность обвинителя перед судом; и особенное уголовно-процессуальное отношение между уполномоченными государственными органами и личностями, которые привлекаются к ответственности; наконец, процессуальную деятельность уполномоченных законом органов и лиц по разоблачению обвиняемого в совершении инкриминированного ему правонарушения [15, с. 49]. Именно эта деятельность, «личная деятельность обвинения», по мнению М.С. Строговича, и «создает уголовно-процессуальную функцию и означает то же самое, что и уголовное преследование» [16, с. 100].

По мнению О.М. Ларина, понятие преследования шире понятия обвинения и включает в себя последнее. Автор выделяет уголовное преследование в форме обвинения (привлечение в качестве обвиняемого) и уголовное преследование в форме подозрения [17, с. 38–39]. Подобную позицию занимают также А.Г. Халулин, А.Б. Соловьев, А.П. Лобанов, М.П. Кан [18, с. 28–33].

Интересной является позиция Н.И. Щегель, которая также говорит об отдельной функции уголовного преследования и выделяет основные уголовно-процессуальные функции (уголовное преследование, защита, разрешение дела, расследование, предъявление гражданского иска, защита

от иска) и дополнительные функции (судебный контроль, процессуальное руководство расследованием, обеспечение прав и охраны законных интересов личности, которые берут участие в деле, предоставление юридической помощи, содействие осуществлению уголовного судопроизводства, обеспечение уголовно-процессуальной деятельности, предупреждение преступлений) [19, с. 10–11].

Следует отметить, что национальное уголовное процессуальное законодательство сделало определённые шаги в направлении введения в научную и практическую деятельность понятия «уголовное преследование». Так, Концепция реформирования уголовной юстиции Украины, утвержденная Указом Президента Украины от 8 апреля 2008 г. № 311, содержит весомые и перспективные положения в данном направлении. В соответствии с ней государственный обвинитель – это должностное лицо органов прокуратуры, которая осуществляет функцию уголовного преследования личности в ходе досудебного расследования и поддерживает государственное обвинение в уголовном судопроизводстве [20]. Как видим, здесь определяется субъект, который уполномочен осуществлять функцию уголовного преследования в уголовном производстве.

Также Концепция реформирования уголовной юстиции Украины содержит определение уголовного преследования: это исключительно процессуальная функция прокурора, которая состоит в выдвижении обвинения от имени государства, направлении уголовного дела в суд, поддержании государственного обвинения в суде, участии в пересмотре судебных решений в уголовных делах в апелляционной и кассационной инстанциях.

Самое главное – данная концепция определяет функциональное назначение прокурора в уголовном производстве. Так, в сфере уголовной юстиции прокуратура в Украине должна стать единым органом, на который возлагается исполнение таких функций: а) надзор за соблюдением законов органами, которые проводят оперативно-розыскную деятельность и досудебное расследование; б) уголовное преследование личности, в том числе предъявления обвинения, процессу-

альное руководство досудебным расследованием и составление обвинительного акта; в) надзор за соблюдением законов органами и учреждениями, которые исполняют судебные решения в уголовных делах, а также используют другие меры принудительного характера, связанные с ограничением свободы личности [20].

Кроме этого, термин «уголовное преследование» используется в международно-правовых документах, которые содержат термин «уголовное преследование», но его содержание не определяют (ст. 1 Европейской конвенции о взаимной помощи в уголовных делах 1959 г. [21, с. 596], ст. 1 Европейской конвенции про выдачу 1957 г. [21, с. 589], ст. 7 Европейской конвенции о прекращении терроризма 1977 г. [21, с. 604]).

Выделении функции уголовного преследования в отдельную подтверждает позиция М.И. Курочки и Л.В. Карабут, которые утверждают, что участникам уголовного процесса, к которым применяется функция уголовного преследования, не имеет особого смысла вникать в тонкости теоретических определений, спорить относительно понятия и содержания данной функции [22, с. 90].

В контексте предмета нашего исследования удачной является позиция И.С. Рогатюка, который под уголовным преследованием понимает деятельность по доказыванию события преступления, выявлению личности, которая совершила преступление, разоблачению этой личности в совершении преступления, реализации по отношению к ней уголовной ответственности [23, с. 81].

Обращаясь к анализу сущности функции обвинения, необходимо определить, что входит в ее содержание. М.С. Строгович с достаточным основанием считал, что уголовное преследование включает в себя разные процессуальные действия следователя и прокурора, которые состоят в сборе доказательств, которые разоблачают подозреваемого и которые определяют отягощающие его вину обстоятельства; в использовании к подозреваемому различных принудительных мер (предупредительных мер, обысков и признаний); а также действия прокурора, направленные на обобщение об-

винения перед судом, убеждение суда в виновности обвиняемого [24, с. 23].

Каким же образом должен решаться вопрос о функции прокурора сегодня? Бывшее законодательство не закрепляло функцию обвинения за конкретным участником процесса, и лично за прокурором, который, как это видно из ряда норм (ст. ст. 25, 116, 211 УПК Украины 1960 г.), был органом надзора за законностью. Проблема корректирования функций прокурора была поставлена в Концепции судебной реформы в Украине еще в 1992 г., а позже – в упомянутой Концепции 2008 г. Концепция провозгласила, что прокурор не осуществляет надзора за деятельностью судей, он является равноправным участником судебного процесса. В законодательстве четко определяются процессуальные функции прокурора как государственного обвинителя; суд освобождается от несвойственных ему функций обвинения, которые в данное время он обязан исполнять [25].

Конституция Украины, принятая 26 июня 1996 г., закрепила состязательность как принцип судопроизводства и не приняла положение про осуществление прокурором высшего и всеобъемлющего надзора. В Законе Украины «О прокуратуре» от 5 ноября 1991 г., в частности в ст. 26, говорилось не только об осуществлении надзора за соблюдением Конституции Украины и исполнением законов, но и об исполнении прокуратурой других функций, в частности о том, что Генеральный прокурор Украины в соответствии с межгосударственными соглашениями о предоставлении правовой помощи решает вопрос о возбуждении и расследовании уголовных дел, проведении дознания, выдачи преступников или лиц, которые подозреваются в совершении преступлений, отправке сообщений о последствиях уголовного преследования, а также другие предусмотренные такими соглашениями вопросы [26].

Таким образом, Конституция Украины и Закон Украины «О прокуратуре» создали правовые предпосылки для формирования нового мнения относительно места и роли прокуратуры, хотя нельзя сказать, что вопрос принял окончательное решение. В этих актах однозначно определи-

лось, что в соответствии с принципом состязательности прокурор в судебных стадиях берет участие в рассмотрении как сторона обвинения.

Тем не менее досудебные стадии имеют свою специфику, поэтому в науке сформировались разные позиции относительно прокурора, высказываются диаметрально противоположные точки зрения.

Одной из таких позиций (как указывалось выше) является привнесение принципа состязательности и в досудебную стадию процесса. В связи с этим некоторые авторы высказываются за перенос прокурора на досудебном расследовании к стороне обвинения [27].

Сторонники традиционного взгляда относительно прокурора настаивают на том, что по своему содержанию прокурорский надзор не входит в рамки обвинения; только надзор за точным и одинаковым исполнением законов органами дознания и следствия является сутью прокурорской деятельностью.

Стоит также признать, что в значительной мере действующее законодательство даёт основание для таких дискуссий. В ст. 2 Закона Украины «О прокуратуре» устанавливается, что на прокуратуру возлагаются такие функции: поддержание государственного обвинения в суде; представление интересов гражданина или государства в суде в случаях, определенных законом; надзор за соблюдением законов органами, которые проводят оперативно-розыскную деятельность, дознание, досудебное следствие; надзор за выполнением законов при исполнении судебных решений в уголовных делах, а также при использовании других мер принудительного характера, связанных с ограничением личной свободы граждан.

Что же касается процессуального статуса лица, которое может исполнять функции прокурора в уголовном производстве, то в национальном законодательстве сейчас сложилась полная патовая ситуация.

Так, в соответствии с п. 15 ст. 3 УПК Украины прокурор в уголовном производстве – личность, которая занимает должность согласно ст. 17 Закона Украины «О прокуратуре» и действует в рамках своих полномочий. В настоящее время в государстве

действует два равноименных нормативно-правовых акта, правда, один только в отдельных положениях (от 5 ноября 1991 г.). Статья 17 Закона Украины «О прокуратуре» от 5 ноября 1991 г. под названием «Следователи прокуратуры» утратила действие, а в ст. 17 одноименного закона в редакции от 16 июля 2015 г. вообще говорится о подчинении прокуроров и исполнения приказов и указаний. Хотя в том же законе от 16 июля 2015 г. присутствует ст. 15, которая определяет, кто выступает прокурором органа прокуратуры, а значит, может исполнять функции прокурора в уголовном производстве.

Следует также обратить внимание на еще один момент: прокурору как участнику процесса свойственный определенный правовой статус, и логика требует, чтобы он оставался единым на всех стадиях процесса. Очень сложно будет объяснить, каким образом функция надзора, свойственная прокурору на одной стадии, перерастает в функцию обвинения на другой стадии процесса. Настолько же нелогичным выглядит и положение п. 15 ч. 2 ст. 36 УПК Украины о том, что прокурор, осуществляя надзор за исполнением законов, во время проведения досудебного расследования в форме процессуального руководства досудебным расследованием, уполномочен поддерживать государственное обвинение в суде, отказываться от поддержки государственного обвинения, изменять его или выдвигать дополнительное обвинение в порядке, установленном УПК Украины.

Считаем, что необходимо признать прокурора тем, кем он является по своей сути – представителем осуществления функции уголовного преследования, в которое включается поддержка государственного обвинения, которая классически реализуется только в судебных стадиях уголовного производства и процессуального руководства в ходе досудебного расследования. Кроме того, исходя из положения нормативно-правовых актов, в частности Конституции Украины, прокурор в ходе досудебного расследования наделен функцией надзора.

Выводы. Все вышесказанное дает основание для вывода о том, что руководящей функцией прокурора на

досудебной стадии процесса следует признать уголовное преследование. В соответствии с этой функцией на прокурора возлагается обязанность внесения сведений в Единый реестр досудебных расследований; обеспечения своей деятельностью быстрого, полного и непредвзятого расследования уголовных правонарушений; разоблачения виновных, чтобы создать условия для успешного судебного расследования.

Следовательно, должно быть открыто содержание понятия «уголовное преследование» в УПК Украины. Полномочия прокурора по надзору за расследованием уголовных производств должны быть сформулированы как такие, которые следуют из обвинительного характера его деятельности.

Положение о том, что прокурор осуществляет функцию обвинения, получило четкое закрепление в Конституции Украины и Законе Украины «О прокуратуре», однако есть определенные пробелы в УПК Украины.

Кроме этого, признание прокурора органом, который осуществляет процессуальное руководство досудебным расследованием, и является исходящим положением для определения прокурора как активного субъекта, участника доказательной деятельности, осуществленной на досудебном расследовании, так как нацеливает прокурора не ограничиваться ролью пассивного наблюдателя за ходом следствия, а активно направлять его по пути быстрого, полного и непредвзятого расследования уголовного производства. В связи с этим мы признаем острой необходимость уточнения нормативного содержания таких понятий, как «уголовное преследование», «надзор за законностью досудебного расследования», «процессуальное руководство», «поддержка государственного обвинения».

Список использованной литературы:

1. Соловьев А.Б. О функциях прокуратуры в досудебных стадиях уголовного судопроизводства / А.Б. Соловьев // Проблемы совершенствования прокурорского надзора : материалы на-

- учно-практической конференции. – М., 1997. – С. 120–126.
2. Альперт С.А. Кримінально-процесуальні функції: поняття, системи, суб'єкти : [конспект лекції] / С.А. Альперт ; Національна юридична академія України. – Х. : Нац. юрид. акад. України ім. Я. Мудрого, 1995. – 28 с.
3. Бондаренко О.О. Функції слідчого в кримінальному судочинстві / О.О. Бондаренко // Вісн. Запоріз. юрид. ін-ту МВС України. – 1999. – № 3. – С. 141–147.
4. Маляренко В.Т. Перебудова кримінального процесу України в контексті європейських стандартів: теорія, історія і практика : дис. ... докт. юрид. наук : спец. 12.00.09 / В.Т. Маляренко. – Х., 2004. – 449 с.
5. Даев В.Г. Процессуальные функции и принцип состязательности в уголовном судопроизводстве / В.Г. Даев // Правоведение. – 1974. – № 1. – С. 64–73.
6. Алексеев Н.С. Очерк развития науки советского уголовного процесса / Н.С. Алексеев, В.Г. Даев, Л.Д. Кокорев. – Воронеж, 1980. – 251 с.
7. Долгова А.И. Прокурорский надзор в советском уголовном судопроизводстве : дисс. ... канд. юрид. наук / А.И. Долгова. – М., 1968. – 261 с.
8. Шпилев В.Н. Участники уголовного процесса / В.Н. Шпилев. – Минск, 1970. – 176 с.
9. Чеканов В.Я. Прокурорский надзор на отдельных этапах предварительного следствия / В.Я. Чеканов. – Саратов, 1974. – 95 с.
10. Савицкий В.М. Очерк теории прокурорского надзора / В.М. Савицкий. – М., 1975. – 383 с.
11. Викторский С.И. Русский уголовный процесс / С.И. Викторский. М., 1997. – 448 с.
12. Строгович М.С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе / М.С. Строгович. – М., 1951. – 189 с.
13. Фаткуллин Ф.Н. Обвинение и защита по уголовным делам : [учебное пособие] / Ф.Н. Фаткуллин, З.З. Зинатуллин, Я.С. Аврах. – Казань, 1976. – 166 с.
14. Элькин П.С. К вопросу о функции обвинения в советском уголовном процессе / П.С. Элькин // Вопросы теории и практики прокурорского надзора. – Саратов, 1974. – С. 3–13.
15. Рахунов Р.Д. Участники уголовного-процессуальной деятельности по советскому праву / Р.Д. Рахунов. – М., 1961. – 277 с.
16. Строгович М.С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе / М.С. Строгович. – М., 1951. – 189 с.
17. Ларин А.М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции / А.М. Ларин. – М., 1986. – 160 с.
18. Халиулин А.Г. Осуществление функции уголовного преследования прокуратурой России / А.Г. Халиулин. – Кемерово, 1997. – 224 с.
19. Щегель Н.І. Кримінальне переслідування: зміст та форма : дис. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.09 / Н.І. Щегель. – К., 2005. – 181 с.
20. Концепція реформування кримінальної юстиції України : затверджена Указом Президента України від 8 квітня 2008 р. № 311 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/311/2008>.
21. Международные акты о правах человека : сб. док. – М. : Издательская группа НОРМА – ИНФРА М, 2000. – 821 с.
22. Курочка М.Й. Зміст функції кримінального переслідування у новому КПК / М.Й. Курочка, Л.В. Карабут // Вісник Луганського державного університету внутрішніх справ імені Е.О. Дідоренка. – 2012. – Вип. 4. – С. 85–93. – [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://nbuv.gov.ua/j-pdf/Vlduvs_2012_4_12.pdf.
23. Рогатюк І.С. Функція обвинувачення – рушійна сила кримінального процесу / І.С. Рогатюк // Право України. – 2002. – № 2. – С. 79–82.
24. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса / М.С. Строгович. – М., 1958. – 704 с.
25. Про Концепцію судово-правової реформи в Україні : Постанова Верховної Ради України від 28 квітня 1992 р. // Відомості Верховної Ради України. – 1992. – № 30. – Ст. 426. – [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2296-12>.
26. Про прокуратуру : Закон України від 5 листопада 1991 р. // Відомості Верховної Ради України. – 1991. – № 53. – Ст. 793. – [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/1789-12/page>.
27. Точилковский В.Н. О концепции прокурорской власти (проблемы и перспективы) / В.Н. Точилковский // Советское государство и право. – 1990. – № 9. – С. 39–47.

ПРИМИРЕНИЕ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Елена ПОЛИЩУК,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права
Национального университета «Одесская юридическая академия»

Summary

In the article author analyzed the peculiarities of contemporary legal definition of reconciliation as the ground for criminal liability excuse. Reconciliation is considered as reflection of private basics (dispositivity) in criminal law in the aspect of legal fixation of the criminally important freedom of expression of the criminal conflict subjects. Further perspectives of this institute are mentioned and the new version of article 46 of the Ukrainian Criminal Code is suggested.

Key words: reconciliation, criminal liability excuse, dispositivity, private law institute, discretion, victim.

Аннотация

В статье анализируются особенности действующей нормативной регламентации примирения как основания для освобождения от уголовной ответственности. Примирение рассматривается как проявление частных начал (диспозитивности) в уголовном праве в аспекте законодательного закрепления уголовно-значимой свободы волеизъявления субъектов уголовно-правового конфликта. Определены перспективы развития этого института и предложена новая редакция статьи 46 Уголовного кодекса Украины.

Ключевые слова: примирение, освобождение от уголовной ответственности, диспозитивность, частноправовой институт, дискреция, потерпевший.

Постановка проблемы. Примирение в уголовном праве является комплексным уголовно-правовым и уголовно-процессуальным институтом. Аналогичной точки зрения придерживается С. Досаева [1]. Без надлежащего материально-правового закрепления института примирения в уголовном законодательстве его уточнение и раскрытие в уголовно-процессуальном законодательстве представляется неполным, а уголовно-правовая защита потерпевшего и субъекта преступления будет низкоэффективной.

Актуальность исследования. Проблематика повышения роли и значения волеизъявления потерпевшего в уголовном праве является одной из самых актуальных современных тем в сфере уголовной юстиции. Немаловажную роль в этом вопросе играет право потерпевшего на примирение и, соответственно, влияние на освобождение субъекта преступления от уголовной ответственности. Решение вопроса о надлежащем нормативном регулировании уголовно-правового примирения позволит повысить качество защиты прав потерпевших, улучшить позиции субъекта преступления, снизить загруженность правоохранительной системы и повысить эффективность уголовно-правового регулирования в целом.

Состояние исследования. Примирение виновного с потерпевшим в

настоящее время выступает одним из наиболее актуальных и исследуемых тематик в научной литературе. На постсоветском пространстве эта проблематика на уровне диссертационных уголовно-правовых исследований интересовала в России В.Л. Горичеву, А.В. Давыдову, С.С. Досаеву, Р.К. Плиско, А.А. Симонову, М. Якобашвили; в Беларуси – Р.А. Среду; в Украине – Ж.В. Мандриченко, А.В. Перепадю, А.М. Яценко и других. Вместе с тем некоторые аспекты этой проблематики остаются все еще недостаточно разработанными.

Цель статьи. Имея первичную материально-правовую природу, примирение вполне справедливо рассматривается учеными как частноправовой институт уголовного права. В связи с этим необходимо рассмотреть его основные характеристики и очертить существующие проблемы в его применении и возможные пути совершенствования.

Изложение основного материала. Прогрессивную и смелую мысль о частном характере примирения в уголовном праве еще в 2000 г. выразила Т.А. Лесниевски-Костарева: «Регламентация в законе нового вида освобождения – в связи с примирением с потерпевшим – позволяет говорить о том, что «частное начало» получило официальный статус в рамках публичной отрасли права» [2, с. 377].

А.В. Давыдова рассматривает примирение с потерпевшим как проявление развития частных (диспозитивных) начал в уголовном праве. Автор указывает на диспозитивный характер уголовного правоотношения при примирении лица с потерпевшим по делам частного обвинения и «смешанный» (диспозитивно-императивный) характер уголовного правоотношения при примирении лица с потерпевшим по делам публичного или частно-публичного обвинения [3].

Точку зрения о примирении как воплощении частных начал в уголовном праве разделяет А.А. Симонова. По ее мнению, институт уголовной ответственности имеет публичную природу, а институт примирения – частное начало в уголовном праве; его введением государство ограничивает свое вмешательство в определенную сферу отношений, ранее обеспечиваемых институтом уголовной ответственности [4]. Примирение действительно является ярким примером пронизывания публичной уголовно-правовой материи частноправовыми (диспозитивными) элементами.

В чем же проявляется смысл этого диспозитивного института уголовного права? Каковы возможные перспективы его усовершенствования? Определим нашу позицию по этому поводу.

О примирении виновного с потерпевшим говорится в Уголовном кодексе Украины (далее – УК Украины), в част-

ности в связи с основанием освобождения от уголовной ответственности (ст. 46 УК Украины). Эта норма уголовного законодательства, имея выраженный диспозитивный характер, обусловленная концептуальным подходом к максимальной защите прав человека в сфере уголовной юстиции, наделяет потерпевшего и субъекта преступления правом на примирение в определенных нормах пределах, основаниях и условиях. В результате примирение как юридический факт становится основанием для освобождения субъекта преступления от уголовной ответственности с согласия потерпевшего.

Очевидно, что реализация примирения невозможна вне уголовных правоотношений. По нашему мнению, примирение реализуется именно в рамках охранительных диспозитивных уголовно-правовых отношений примирения.

Эту точку зрения не разделяет А.А. Симонова, подчеркивая, что примирение субъекта преступления с потерпевшим не может рассматриваться как юридический факт, а сам институт примирения в уголовном праве – как соглашение (договоренность), поскольку не создает уголовных правоотношений. Рассматривать примирение виновного с потерпевшим как исполнение, служащее прекращению правоотношения, также не следует, поскольку до вынесения обвинительного приговора суда уголовных правоотношений нет [4].

С такой позицией трудно согласиться по следующим причинам. Во-первых, примирение как взаимные действия потерпевшего и субъекта преступления могут происходить только в рамках уголовно-правовых отношений, а отрицание этого факта может свидетельствовать о слишком узком понимании содержания и видов криминальных отношений: последние не ограничиваются лишь этапом реализации уголовной ответственности. Во-вторых, примирение как уголовно-правовой институт реализуется в рамках уголовно-процессуальных отношений именно в форме соглашения (в Уголовном процессуальном кодексе Украины оно рассматривается именно в форме соглашения с указанием на процессуальные требования к такому соглашению). В-третьих, примирение может и должно рассматриваться как юридический факт, прекращающий уголовно-правовые отношения на ста-

дии до момента реализации негативной уголовной ответственности. Такую точку зрения также разделяют Э.Л. Сидоренко и М.А. Карабут, констатируя, что актом примирения с потерпевшим прекращается охранительное уголовно-правовое отношение, лицо освобождается от уголовной ответственности [5, с. 175].

Примирение по своему содержанию является формой решения уголовно-правового конфликта, возникшего в результате совершения преступления, и реализуется в рамках уголовно-правовых охранительных диспозитивных отношений. Поскольку структура любого правоотношения включает в себя субъектов, предмет и социальную связь, а уголовное правоотношение в этом смысле исключением не является, целесообразно будет рассмотреть примирение именно сквозь призму диспозитивного уголовно-правового отношения, в частности в аспекте его субъектного состава.

Субъектами примирения являются потерпевший и субъект преступления. Это общепринятое определение, впрочем, имеет вариации. А.В. Давыдова считает, что субъектный состав примирения образуют, с одной стороны, лицо, совершившее преступление (субъект преступления), а с другой – пострадавший от такого деяния или представитель юридического лица [3].

Упомянутая точка зрения имеет определенный недостаток. Потерпевшими от преступления или иного общественно опасного деяния с точки зрения уголовного законодательства являются четыре субъекта: физическое лицо, юридическое лицо, общество и государство (ч. 2 ст. 11 УК Украины). Учитывая то, что примирение должно происходить с персонифицированным потерпевшим, целесообразно определять как таковых физические лица и юридические лица. По нашему мнению, представитель юридического лица не является субъектом примирения, а является его представителем при осуществлении права потерпевшего – юридического лица на примирение. В связи с этим также считаем несколько лишним ссылок в уголовно-правовом аспекте на представителя юридического лица как на субъекта примирения в предложенном Ж.В. Мандриченко примере совершенствования ст. 46 УК Украины [6, с. 197].

Безусловно, юридическое лицо осуществляет свои правомочия через представителя, но эта сфера лежит в уголовно-процессуальной плоскости.

В уголовно-процессуальной сфере также лежат аспекты представительства в примирении несовершеннолетних, малолетних, а также недееспособных пострадавших. Не исключена возможность представительства интересов потерпевшего в процессе примирения непосредственно по желанию самого потерпевшего при отсутствии законодательного предписания о его обязательном наличии. Субъект преступления в процессуальных отношениях примирения также потенциально может иметь представителя. Считаем, что это также необязательно должно быть связано с законодательным требованием (например, в отношении несовершеннолетнего) и может иметь место по желанию субъекта преступления. Если примирение происходит с помощью посредника (например, медиатора), то в этом случае медиатор не выступает субъектом примирения, он является фасилитатором процессуальной связи между потерпевшим и субъектом преступления (или их представителями) с целью разрешения уголовно-правового конфликта.

Государство в лице правомочных органов также не является субъектом диспозитивных уголовно-правовых отношений примирения. Примирение как отношение между его субъектами является основанием (юридическим фактом) для закрытия уголовного производства в процессуальном аспекте и освобождения субъекта преступления от уголовной ответственности. Причем согласно упомянутой ст. 46 УК Украины факт примирения создает основание для безусловного и обязательного вида освобождения от уголовной ответственности, то есть является проявлением уже привычных для уголовного права отношений императивного характера.

Дискреционный или обязательный характер освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением виновного с потерпевшим зависит от законодательной конструкции содержания такого вида освобождения. Законодательство Молдовы, Румынии и Украины предусматривает, что при наличии соответствующих условий и оснований суд обязан применить норму об освобождении от уголовной от-

ветственности. Уголовный кодекс Казахстана устанавливает обязательность освобождения только при условии, что преступление относится к категории небольшой тяжести.

Ряд российских юристов, которые исследовали проблематику освобождения от уголовной ответственности на основании примирения сторон, учитывая текстуальное оформление очерченной нормы (ст. 76 Уголовный кодекс Российской Федерации), указывали на ее дискреционный характер [5, с. 169]. Законодательство некоторых других государств, имеющих соответствующие нормы, предоставляет возможность суду не применять соответствующую норму, даже если договоренность о примирении была достигнута [7, с. 389–390]. В.Н. Додонов подчеркивает, что в законодательстве Литвы предусмотрена возможность отмены решения об освобождении, если лицо в течение года после освобождения от ответственности совершит новое преступление или без уважительной причины не выполнит условий договоренности о возмещении потерпевшему вреда. Л.В. Головкин указывает на безусловный характер освобождения в связи с примирением в английском уголовном законодательстве. Если лицо, освобожденное от уголовного преследования, не выполняет своих обязанностей, нарушая тем самым договоренность, то пострадавшему в таком случае может быть оказана помощь для предъявления исковых требований в порядке гражданского судопроизводства. Возобновление уголовного преследования по этому основанию не допускается [8].

Следует сосредоточиться на основных проблемных аспектах условий и оснований освобождения от уголовной ответственности на основании ст. 46 УК Украины и означить наши предложения по поводу расширения сферы применения института примирения в сфере уголовной юстиции, то есть расширения частноправовых аспектов уголовного права.

Совершение преступления «впервые» как условие освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением виновного с потерпевшим воспринимается в литературе неоднозначно, несмотря на подход к определению лица таким, которое не совершало преступление в двух случаях:

во-первых, если вообще не совершало преступления; во-вторых, если преступление совершило, но судимость в установленном законом порядке была погашена или снята. Так, например, суд освободил лицо, имеющее погашенную судимость, от уголовной ответственности на основании ст. 46 УК как совершившее преступление «впервые» [9].

Различные авторы воспринимают по-разному возможность применения освобождения от уголовной ответственности. В свое время М.А. Иоффе [10, с. 67–68] утверждал, что освобождение от уголовной ответственности не может иметь неограниченного характера. Похожую точку зрения выразил Е.В. Жидков [11, с. 5–6]. Упомянутая позиция не соответствует требованиям уголовного закона и содержания самого института освобождения от уголовной ответственности, создает искусственные и не предусмотренные законом препятствия для освобождения лиц от уголовной ответственности, в частности при наличии другого условия и оснований. Впрочем, как свидетельствуют результаты проведенного нами анкетирования, большинство респондентов (62,5%) высказались за установление определенных ограничений по применению освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением сторон к лицу, уже ранее освобождавшемуся по этому основанию. Иными словами, общественное мнение указывает на пониженное предупредительное воздействие освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением сторон, если совершение преступления имеет место повторно. И только треть респондентов (32%) высказались о нецелесообразности установления таких ограничений.

Другим аспектом этой проблематики является вообще сама возможность применения освобождения от уголовной ответственности к лицам, имеющим неснятую или непогашенную судимость. В этом смысле целесообразно учесть опыт некоторых стран бывшего СССР в сфере освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением сторон, о котором говорилось ранее. Учитывая результаты этого короткого компаративистского исследования, можно сделать выводы, что наиболее распространенным подходом является отказ от указания условия «впервые»

при законодательном определении условий и оснований освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением. Заслуживают внимания также и вариации формулировки «преступления небольшой тяжести или впервые совершенные преступления средней тяжести», а также запрет на применение освобождения в случае, если у лица имеется непогашенная или неснятая судимость за тяжкое или особо тяжкое преступление.

Ж.В. Мандриченко предлагала применять в ст. 46 УК Украины условие «впервые» только в отношении преступлений средней тяжести против другого лица [6, с. 197]. В целом упомянутый подход имеет свои преимущества. Возможно распространение в Украине освобождения на основании ст. 46 УК Украины на повторные преступления небольшой тяжести имеет смысл. Заключается он в том, что исключается ограничение лиц по возможности быть освобожденными от уголовной ответственности в связи с их положительным посткриминальным поведением, иначе говоря, не нарушается принцип равноправия, находит свое воплощение принцип целесообразности привлечения к уголовной ответственности.

По нашему мнению, следует позитивно относиться к возможности распространения такого вида освобождения на повторные преступления небольшой тяжести. Считаем целесообразным рассматривать возможность распространения такого освобождения на повторные преступления средней тяжести после определенного времени апробации первого подхода.

Дополнительно следует учитывать вопросы о форме вины совершаемых преступлений, по которым возможно освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением. К примеру, Уголовные кодексы РФ, Молдовы, Казахстана и Таджикистана распространяют сферу действия примирения на преступления как небольшой, так и средней тяжести без указания на форму вины при их совершении.

А.В. Перепада вообще предлагает отказаться от законодательного ограничения применения ст. 46 УК Украины преступлениями небольшой и неосторожными преступлениями средней тяжести. Исходя из того, что одной из целей введения нормы о примирении

является защита материальных и моральных интересов потерпевшего, считается правильным обеспечивать ею всех пострадавших от преступлений, то есть и в случае совершения против них тяжких преступлений [12, с. 167]. Н.И. Хавронюк предлагает расширить сферу применения ст. 46 УК Украины и на случаи совершения ряда умышленных преступлений средней тяжести [13, с. 538].

По нашему мнению, условия для применения ст. 46 УК Украины, в частности в случае совершения преступлений небольшой или средней тяжести (без ограничений по форме вины), следует закрепить на законодательном уровне.

Среди преступлений, совершаемых освобожденными лицами, по пересмотренным нами уголовным делам (до 2012 г.) преобладают неосторожные преступления средней тяжести: ч. 1 ст. 286 УК Украины – 11 дел; ст. 128 УК Украины – 1 дело. Преступлений небольшой тяжести меньше, впрочем прослеживается большая вариативность составов: ч. 1 ст. 296 УК Украины – 5 дел; ч. 1 ст. 190 УК Украины – 2 дела; ст. 129 УК Украины – 1 дело; ч. 2 ст. 125 УК Украины – 1 дело; ч. 1 ст. 272 УК Украины – 1 дело.

Таким образом, в основном удельный вес преступлений, по которым чаще всего происходит примирение и, как следствие, освобождение от уголовной ответственности на основании ст. 46 УК Украины, составляют преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта, против общественного порядка и нравственности, против здоровья человека.

Впрочем, об освобождении от уголовной ответственности в связи с примирением в упомянутых категориях преступлений возникает ряд замечаний. Кроме преступлений против жизни и здоровья, в которых нарушен действительно частный интерес, в проанализированных нами постановлениях все остальные преступления затрагивают также интерес публичный (другие правоохраняемые интересы). По нашему мнению, освобождение от уголовной ответственности в преступлениях, затрагивающих дополнительно и публичный интерес, должно быть ограничено. Причиной этого, по нашему мнению, является непонимание правопримени-

телем сущности института примирения сторон, которое должно происходить только в тех случаях, когда преступлением затрагивается исключительно частный интерес [14, с. 4]. Таким образом, считаем, что примирение должно применяться лишь в тех случаях, когда вред причинен частному лицу (физическому или юридическому) при отсутствии причинения вреда дополнительному правоохраняемому объекту (например, общественному порядку и нравственности, безопасности движения и эксплуатации транспорта и т. д.).

Выводы. На основании вышеизложенного можно предложить новую редакцию ст. 46 УК Украины следующего содержания:

«Статья 46. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением виновного с потерпевшим»

Лицо, совершившее уголовный проступок, преступление небольшой тяжести или впервые преступление средней тяжести против другого физического или юридического лица частного права, освобождается от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим и возместило причиненный ущерб или устранило причиненный им вред».

Список использованной литературы:

1. Досаева Г.С. Уголовно-правовое регулирование примирения с потерпевшим как основание освобождения от уголовной ответственности : дисс. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.08 / Г.С. Досаева. – Ростов-на-Дону, 2004. – 209 с.
2. Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика / Т.А. Лесниевски-Костарева. – М. : Издательство НОРМА, 2000. – 400 с.
3. Давыдова Е.В. Примирение с потерпевшим в уголовном праве : дисс. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.08 / Е.В. Давыдова. – Ставрополь, 2001. – 150 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/96973.html>.
4. Симонова Е.А. Примирение с потерпевшим в уголовном праве России : дисс. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.08 / Е.А. Симонова. – Саратов,

2002. – 217 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/101590.html>.

5. Сидоренко Э.Л. Частные начала в уголовном праве / Э.Л. Сидоренко, М.А. Карабут. – СПб. : Изд-во Р. Асланова «Юридический Центр Пресс», 2007. – 212 с.

6. Мандриченко Ж.В. Звільнення від кримінальної відповідальності у зв'язку з примиренням винного з потерпілим : [монографія] / Ж.В. Мандриченко. – О. : Фенікс, 2009. – 228 с.

7. Доржиев Ж.Б. Теория государства и права : [учеб.-метод. пособие] / Ж.Б. Доржиев. – Улан-Удэ : Изд-во ВСГТУ, 2005. – 345 с.

8. Головки Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в английском праве / Л.В. Головки [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.mosmediator.narod.ru/publikatsii/alternativi_ugolovnomu_presledovaniyu_v_angliiskom_prave.

9. Постановка Кельменецкого районного суда Чернівецької області у справі від 2 липня 2012 р. № 1-97/12 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://reyestr.court.gov.ua>.

10. Йоффе М.А. Кримінально-правові та процесуальні аспекти звільнення від кримінальної відповідальності за ухилення від сплати податків / М.А. Йоффе // Право України. – 2002. – № 10. – С. 67–72.

11. Жидков Э.В. Примирение сторон как средство разрешения социального конфликта в обществе / Э.В. Жидков // Российский судья. – 2003. – № 9. – С. 3–8.

12. Перепада О.В. Кримінально-правові аспекти примирення між особою, яка вчинила злочин, та потерпілим (порівняльний аналіз законодавства України та ФРН) : дис. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.08 / О.В. Перепада ; Інститут держави і права ім. В.М. Корецького НАН України. – К., 2003. – 219 с.

13. Хавронюк М.І. Кримінальне законодавство України та інших держав континентальної Європи: порівняльний аналіз, проблеми гармонізації : [монографія] / М.І. Хавронюк. – К. : Юрисконсульта, 2006. – 1048 с.

14. Попаденко Е.В. О реализации частного интереса в уголовном праве / Е.В. Попаденко. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.popadenkoev.narod.ru/pdf/stati/9.pdf>.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СЛУЖБЫ В ВЕТЕРИНАРНОЙ И ФИТОСАНИТАРНОЙ СФЕРАХ УКРАИНЫ: ГЕНЕЗИС ФУНКЦИЙ, ЗАДАЧ, АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ ПОЛНОМОЧИЙ

Андрей РАФАЛЬСКИЙ,

аспирант кафедры административного и финансового права
Национального университета биоресурсов и природопользования Украины

Summary

The development of the system of state managing agencies within the veterinary and phytosanitary spheres is analyzed; the stages of their evolution development are distinguished; the genesis of their functions, tasks, administrative and legal authorities is considered. The formation of public and service activities in these spheres, the formation of relevant central executive bodies as services and their role in building a public and service state is studied.

Key words: state managing agencies, state services, tasks, functions, administrative and legal authorities, administrative services, veterinary and phytosanitary spheres in Ukraine, public and service state.

Аннотация

Анализируется развитие системы органов государственного управления в ветеринарной и фитосанитарной сферах, выделяются этапы их эволюционного развития, рассматривается генезис их функций, задач и административно-правовых полномочий. Исследуется становление публично-сервисной деятельности в указанных сферах, формирование соответствующих центральных органов исполнительной власти как служб, а также их роль в построении публично-сервисного государства.

Ключевые слова: органы государственного управления, государственные службы, задачи, функции, административно-правовые полномочия, административные услуги, ветеринарная и фитосанитарная сферы Украины, публично-сервисное государство.

Постановка проблемы. Осуществление государственного управления в ветеринарной и фитосанитарной сферах Украины связано, в частности, с обеспечением продовольственной безопасности государства, защитой от инфекционных болезней животных, растений и населения и является важной внутренней функцией государства. Учитывая важность данных сфер общественной жизни и то, что деятельность в них осуществляется в значительной степени субъектами частного сектора, считается, что указанные сферы нуждаются в обеспечении баланса государственного, общественного и частного интересов. Вместе с тем обеспечение данного баланса вызывает необходимость осуществления в них как функции государственного управления, так и функции предоставления административных услуг. В связи с этим считаем целесообразным подчеркнуть, что основным органом, который сегодня должен реализовать указанные функции, является Государственная служба Украины по вопросам безопасности пищевых продуктов и защиты потребителей Украины (далее – Госпродпотслужба Украины). Учитывая развитие публично-сервисного государства в Украине, считаем, что тема статьи является весьма актуальной.

Следует подчеркнуть, что данный вопрос является малоисследованным, а

отдельные публикации по становлению государственных служб как элемента системы центральных органов исполнительной власти, на которые возлагалась функция предоставления административных услуг, проводили такие ученые, как А. Ноздрачев, Ю. Тихомиров, Т. Хабриева. Доктринальные подходы к пониманию сущности государственной службы в целом были рассмотрены нами в научной работе «Государственная служба: понятие, сущность и место в административном праве Украины» [1]. Комплексные же исследования генезиса задач, функций и административных полномочий государственных служб Украины в ветеринарной и фитосанитарной сферах ранее не проводились, что и обусловило научную новизну работы.

Целью статьи является определение развития системы органов государственного управления в ветеринарной и фитосанитарных сферах, генезиса их функций, задач и административно-правовых полномочий; выяснение роли государственных служб в указанных сферах Украины в развитии публично-сервисного государства в Украине.

Изложение основного материала. Прежде всего отметим, что действующая в настоящее время Госпродпотслужба Украины является центральным органом исполнительной власти, кото-

рый осуществляет, среди прочего, государственное управление одновременно в двух сферах: ветеринарной и фитосанитарной, хотя до ее создания в процессе оптимизации центральных органов исполнительной власти государственное управление в указанных сферах в определенное время (1992–2011 гг.) осуществлялось двумя различными органами государственной власти. Так, государственное управление в ветеринарной сфере (за период независимости Украины) осуществлялось такими органами: 1) Главным управлением ветеринарной медицины с государственной ветеринарной инспекцией Министерства сельского хозяйства и продовольствия Украины (далее – Главное управление ветеринарной медицины); 2) Государственным департаментом ветеринарной медицины Украины; 3) Государственным комитетом ветеринарной медицины Украины. В то же время государственное управление в фитосанитарной сфере – Государственной службой по карантину растений Украины.

Проведенный анализ нормативно-правовых актов свидетельствует о существовании до настоящего времени четырех эволюционных этапов развития системы органов государственного управления в ветеринарной сфере:

– первый этап (1992–1997 гг.) – как структурного подразделения централь-

ного аппарата Министерства сельского хозяйства и продовольствия Украины (Главное управление ветеринарной медицины [2]);

– второй этап (1997–2007 гг.) – как органа исполнительной власти, а впоследствии правительственного органа государственного управления (Государственный департамент ветеринарной медицины Украины [3]);

– третий этап (2007–2011 гг.) – как центрального органа исполнительной власти (Государственный комитет ветеринарной медицины Украины [4]);

– четвертый этап (2011–2014 гг.) – как центрального органа исполнительной власти (Государственная ветеринарная и фитосанитарная служба Украины) [5].

Установлено, что в соответствии с каждым эволюционным этапом задачи, функции и полномочия также претерпевали соответствующие изменения.

Так, к задачам Главного управления ветеринарной медицины как структурного подразделения центрального аппарата Министерства сельского хозяйства и продовольствия Украины относились следующие: 1) охрана населения от болезней, общих для животных и людей; 2) охрана территории Украины от занесения инфекционных болезней животных с территории других государств; 3) контроль за производством и выпуском для обеспечения реализации доброкачественных в ветеринарном и санитарном отношении сырья и продуктов животного происхождения [2].

Задачи Государственного департамента ветеринарной медицины как органа исполнительной власти и Государственного комитета ветеринарной медицины как центрального органа исполнительной власти были аналогичными задачи Главного управления ветеринарной медицины. Однако указанные органы, в отличие от Главного управления ветеринарной медицины, реализовывали указанные задачи не как отдельные меры ветеринарного контроля, а как отдельное направление государственной политики [3; 4]. Считаем целесообразным после исследования органов государственного управления в фитосанитарной сфере провести анализ задач, функций и полномочий Государственной ветеринарной и фитосанитарной службы Украины (далее – Госветфитослужба Украины) как органа госу-

дарственного управления в двух сферах (ветеринарной и фитосанитарной).

Относительно функций, которыми были наделены органы государственного управления в ветеринарной сфере, в работе сделан вывод о выполнении ими всей группы функций органов государственной власти (целеустанавливающие, ресурсообеспечивающие, организационно-регулирующие, трансформационные), большинство которых составляли организационно-регулирующие функции (функции контроля и надзора). Однако в зависимости от этапов эволюционного развития органов государственного управления в ветеринарной сфере все группы функций постепенно расширялись, удостоверяя стремление государства к более специализированному и оперативному управлению сферой ветеринарной медицины.

Напомним, что неотъемлемым элементом органов государственной исполнительной власти в сфере ветеринарной медицины, который требует анализа в рамках этого исследования, являются их полномочия. Так, согласно эволюционным этапам развития системы органов государственного управления в ветеринарной сфере количество полномочий по предоставлению административных услуг составляло:

– в период 1992–1997 гг. (период деятельности Главного управления ветеринарной медицины) два полномочия, а именно: 1) выдача выводов органам страхования на животных, вынужденно убитых или погибших; 2) проведение экспертизы проектов строительства животноводческих ферм, зданий, предприятий по убою и переработке животных и сырья животного происхождения, а также проектов отвода земельных участков для всех видов указанного строительства и забора воды для животноводческих ферм [2];

– в период 1997–2007 гг. (период деятельности Государственного департамента ветеринарной медицины) пять полномочий. В них вошли два полномочия, ранее предоставленные Главному управлению ветеринарной медицины, а также полномочия по: 1) осуществлению на рынках ветеринарно-санитарной экспертизы продуктов и сырья животного и растительного происхождения; 2) выдачи лицензии субъектам предпринимательской деятельности на ветеринарную практику, изготовление

ветеринарных медикаментов и препаратов; 3) регистрацию средств защиты животных и кормовых добавок, выдачи заключений по применению средств ветеринарной медицины [3].

– в период 2007–2011 гг. (период деятельности Государственного комитета ветеринарной медицины) шесть полномочий, а именно: 1) выдавать разрешения для ввоза на территорию Украины и транзит товаров, а также разрешения в случае необходимости для ввоза незарегистрированных ветеринарных препаратов, кормовых добавок, премиксов и кормов; 2) проводить лицензирование хозяйственной деятельности в соответствии с актами законодательства; 3) проводить сертификацию объектов государственного ветеринарно-санитарного контроля и надзора на соответствие требованиям надлежащей производственной практики, практики дистрибуции и лабораторной практики; проверку эффективности, безопасности и качества ветеринарных препаратов и субстанций в процессе их регистрации, производства, обращения и/или использования (применения); 4) осуществлять государственную регистрацию ветеринарных препаратов, кормовых добавок, премиксов и готовых кормов, вести их государственный реестр; 5) проводить экспертизу и согласование проектов планировки и строительства животноводческих ферм, мощностей (объектов), на которых осуществляется убой животных, перерабатывающих предприятий, предприятий, на которых производятся ветеринарные препараты, рынков; 6) выдавать органам страхования выводы о причинах заболевания вынужденно забитых, погибших или уничтоженных животных [4].

Следует подчеркнуть, что осуществление государственного управления в фитосанитарной сфере также претерпело значительные изменения. На основании проведенного нормативно-правового анализа сделан вывод о том, что следует выделять четыре этапа развития Государственной службы по карантину растений Украины: первый этап (1993–2003 гг.) – как органа исполнительной власти, который был подчинен Министерству сельского хозяйства и продовольствия лишь в вопросах организационной структуры и кадрового обеспечения [6]; второй этап (2003–2007 гг.) – как правительственного органа государственного

управления в сфере карантина растений [7]; третий этап (2007–2011 гг.) – как органа исполнительной власти, который находился в сфере управления Министерством аграрной политики Украины и был ему подчинен [8]; четвертый этап (2011–2014 гг.) – как центрального органа исполнительной власти Украины – Государственной ветеринарной и фитосанитарной службы Украины [5].

Выяснено, что задачи, функции и полномочия Государственной службы по карантину растений Украины претерпевали изменения в соответствии с этапами развития этого органа. На основании правового анализа эволюции задач и функций данной службы, а также сравнивая ее с эволюцией задач и функций органов государственного управления в ветеринарной сфере, которая, по нашему мнению, имела прогрессивный характер, стремясь к их обоснованному расширению, отметим следующее. С момента получения Госслужбой по карантину растений правового статуса правительственного органа государственного управления в сфере карантина растений отдельные ее организационно-регулирующие функции и, соответственно, полномочия были сужены, ведь они осуществлялись совместно с Министерством сельского хозяйства и продовольствия Украины. То есть подчинение Госслужбы по карантину растений Министерству сельского хозяйства и продовольствия Украины усилилось, что, по нашему мнению, определенным образом повлияло на оперативность и специализацию осуществления государственного управления в сфере карантина растений.

Следует отметить, что соответственно новому Положению о Государственной службе по карантину растений Украины, которое было утверждено Приказом Министерства аграрной политики Украины от 8 мая 2007 г. № 310 [8], правовой статус Госслужбы по карантину растений не претерпел существенных изменений, ведь в соответствии с указанным Положением Главная государственная инспекция по карантину растений Украины (как составляющая структуры Государственной службы по карантину растений) находилась в сфере управления Министерства аграрной политики Украины и была ему подчинена. В то же время

был расширен круг функций и, соответственно, круг полномочий Государственной службы по карантину растений Украины, в частности по осуществлению регистрации лиц, осуществляющих хозяйственную деятельность, связанную с производством и оборотом объектов регулирования. Другие же функции, среди которых большинство составляли функции контроля и надзора, остались без изменений.

Отметим, что Госслужба по карантину растений Украины, как и органы государственного управления в ветеринарной сфере, реализовывали полномочия, которые по своему характеру можно было отнести к полномочиям по предоставлению административных услуг. Количество данных полномочий, как показывает анализ нормативно-правовых актов, также постоянно изменялось.

Считаем целесообразным перейти к рассмотрению четвертого этапа становления органов государственного управления как в ветеринарной, так и фитосанитарной сферах.

Проведенные исследования позволили убедиться, что достаточно длительное время государственное управление в ветеринарной и фитосанитарной сфере осуществлялось различными структурами органов исполнительной власти, деятельность которых с 2010 г. была скоординирована и упорядочена в пределах одного органа государственного управления – Государственной ветеринарной и фитосанитарной службы Украины, которая была образована Указом Президента Украины «Об оптимизации системы центральных органов исполнительной власти» от 9 декабря 2010 г. № 1085 [9]. Считаем, что создание данного органа было обусловлено необходимостью качественно нового упорядочения сфер ветеринарной медицины и фитосанитарной защиты как взаимосвязанных сфер путем формирования единого центра руководства, что становится возможным за счет конструктивного внедрения системного подхода в государственном управлении. Кроме того, Госветфитослужба Украины как центральный орган исполнительной власти была создана как служба, то есть как центральный орган исполнительной власти, который должен законно реализовывать функцию предоставления услуг как самостоятельную функцию

и большинство полномочий которого должны заключаться в предоставлении административных услуг.

Проведенный нормативно-правовой анализ показал, что Госветфитослужба Украины, образованная как единый центральный орган исполнительной власти в фитосанитарной и ветеринарной сферах, объединила соответствующий круг задач, которые ранее были возложены на Государственный комитет ветеринарной медицины Украины и на Государственную службу по карантину растений. Стоит отметить, что наибольшей группой функций Госветфитослужбы оставалась группа организационно-регулирующих функций (контроль, регулирование, координация и др.), содержание которых, по сравнению с функциями ранее действовавших Государственного ветеринарного комитета и Государственной службы по карантину растений, существенных изменений не претерпела.

Особое внимание в рамках данного исследования привлекает развитие функции предоставления административных услуг Госветфитослужбы Украины. Мы уже отмечали, что функция предоставления административных услуг постепенно выделилась из функции государственного управления и приобрела самостоятельное значение. Этому способствовал ряд объективных факторов: развитие соответствующих сфер общественных отношений, в том числе ветеринарной и фитосанитарной сферы, под влиянием необходимости обеспечения баланса государственных, общественных и частных интересов; осуществление деятельности в данных сферах преимущественно субъектами частного сектора; необходимость обеспечения государством соответствия данной деятельности нормам действующего законодательства.

Также выделение функции предоставления административных услуг из функции государственного управления свидетельствует о формировании составляющего публично-сервисного законодательства: Концепции развития системы предоставления административных услуг органами исполнительной власти, одобренной Распоряжением Кабинета Министров Украины (далее – КМУ) от 15 февраля 2006 г. № 90 [10]; Постановлением КМУ «О мерах по упорядочению

административных услуг» от 17 июля 2009 г. № 737 [11]; Законом Украины «Об административных услугах» от 6 сентября 2012 г. [12]; Постановлением КМУ «Об утверждении Порядка ведения реестра административных услуг» от 30 января 2013 г. № 57 [13] и рядом других нормативно-правовых актов. В конце концов, о развитии функции предоставления административных услуг свидетельствует также и образование государственных служб как центральных органов исполнительной власти, главной функцией которых должно быть предоставление административных услуг [14].

Исходя из анализа полномочий органов государственного управления в сферах ветеринарной медицины и карантин растений, которые по характеру, среди прочего, можно отнести к полномочиям по предоставлению административных услуг, следует сделать вывод о том, что на каждом из четырех этапов развития этих органов количество данных полномочий возрастало. Однако на уровне специальных нормативно-правовых актов, регулирующих деятельность данных органов, функция предоставления административных услуг в отдельности не выделялась.

Известно, что с целью оптимизации системы центральных органов исполнительной власти Украины соответствующим Постановлением КМУ от 10 сентября 2014 г. № 442 [15] была создана Государственная служба Украины по вопросам безопасности пищевых продуктов и защиты потребителей, реорганизованная путем преобразования Госветфитослужбы Украины и присоединения к Службе, которая создается Государственной инспекцией по вопросам защиты прав потребителей и Государственной санитарно-эпидемиологической службой Украины. Анализ Положения о новой Службе [16] позволил убедиться, что этот орган реализует в том числе функцию государственного управления в ветеринарной и фитосанитарной сфере и функцию предоставления административных услуг в указанных сферах (например, осуществляет сертификацию семян и посадочного материала, выдает патенты на сорта растений и свидетельства об авторстве на сорта растений, проводит лицензирование хозяйственной деятельности, выдает документы разрешительного ха-

рактера и прочее). В то же время, как и в случае с Госветфитослужбой Украины, в данном Положении [16] в явном виде не закреплена функция предоставления административных услуг. Что касается полномочий новой Службы, то их большинство (как и ранее) является внешним выражением функции контроля и надзора, в том числе в ветеринарной и фитосанитарной сфере.

Таким образом, считаем недостаточно корректным отнесение данного органа (Госпродпотслужбы Украины) к Службе как виду центральных органов исполнительной власти, большинство полномочий которых должно заключаться в предоставлении административных услуг. Учитывая преобладание среди полномочий Госпродпотслужбы Украины контрольно-надзорных полномочий, считаем, что данный центральный орган исполнительной власти следует создать именно в форме инспекции. В то же время существует также возможность формирования контрольного и сервисного органов в указанных сферах.

Выводы. Подводя итог, отметим, что в статье проанализировано развитие системы органов государственного управления в ветеринарной и фитосанитарной сфере, выделены этапы их эволюционного развития, проанализирован генезис задач, функций и полномочий. В работе исследовано становление публично-сервисной деятельности в ветеринарной и фитосанитарной сферах. На основе анализа полномочий Госпродпотслужбы Украины сделан вывод о том, что отнесение этой службы к центральным органам исполнительной власти, большинство полномочий которых должно заключаться в предоставлении административных услуг, является недостаточно корректным, а правовой статус указанного центрального органа исполнительной власти требует соответствующих изменений. Перспективным направлением дальнейших научных исследований является правовое регулирование предоставления административных услуг (разрешительных, регистрационных) физическим и юридическим лицам (работающим в ветеринарных и фитосанитарных сферах) для обеспечения общественно значимых интересов, а также для развития в Украине публично-сервисного государства.

Список использованной литературы:

1. Гулак О.В. Державна служба: поняття, сутність та місце в адміністративному праві України / О.В. Гулак, А.Р. Рафальський // Науковий вісник Національного університету біоресурсів і природокористування України. Серія «Право». – 2014. – № 197. – Ч. 3. – С. 175–182. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://elibrary.ru/item.asp?id=22869835>.
2. Положення про Головне управління ветеринарної медицини з державною ветеринарною інспекцією Міністерства сільського господарства і продовольства України : Постанова Кабінету Міністрів України від 20 листопада 1992 р. № 629 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/629-92>.
3. Положення про Державний департамент ветеринарної медицини : Постанова Кабінету Міністрів України від 17 листопада 1997 р. № 1277 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/1277-97>.
4. Про реорганізацію Державного департаменту ветеринарної медицини в урядовий орган державного управління : Постанова Кабінету Міністрів України від 3 листопада 2000 р. № 1648 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : zakon4.rada.gov.ua/laws/show/1648-2000.
5. Про затвердження Положення про Державну ветеринарну та фітосанітарну службу України : Указ Президента України від 13 квітня 2011 р. № 464/2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/464/2011>.
6. Про Статут Державної служби з карантину рослин України : Постанова Кабінету Міністрів України від 28 жовтня 1993 р. № 892 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/892-93>.
7. Про затвердження Положення про Державну службу з карантину рослин України : Наказ Міністерства аграрної політики від 11 грудня 2003 р. № 439 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/z1244-03>.
8. Про затвердження Положення про Державну службу з карантину

LEGAL REGULATION OF TOURISM AS A NEW SUPPORTING COMPETENCE OF THE EUROPEAN UNION

Oksana RUDENKO,

Associate Professor, Department of European and Comparative Law,
Candidate of Juridical Sciences, PhD (Law Science)
Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University

Summary

This article covers the scope of the EU's competences and their effect on the member states, their usage, impact on national interest, and future challenges. The main attention is paid on the current EU's supporting competences, particularly tourism which is relatively new, dating back to the Lisbon Treaty which entered into force in 2009. The EU is yet to legislate under that competence, although various policy initiatives have been announced.

Key words: competence, exclusive competence, shared competence, supporting competence, tourism, legal regulation.

Аннотация

Рассматривается сфера компетенций Европейского Союза и их влияние на государства, входящие в его состав, их использование, влияние на национальные интересы и будущие вызовы. Основное внимание уделяется текущим поддерживающим компетенциям Европейского Союза, в особенности туризму. Компетенция в сфере туризма является относительно новой и начинается с Лиссабонского договора, который вступил в силу в 2009 г. Европейский Союз еще законодательствует в сфере туризма, несмотря на то, что в этой отрасли были объявлены различные политические инициативы.

Ключевые слова: компетенция, исключительная компетенция, совместная компетенция, поддерживающая компетенция, туризм, правовое регулирование.

Statement of the problem.

The Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community (initially known as the Reform Treaty) which entered into force in 2009 stated tourism as a new EU competence. Therefore the studies of tourism as a new supporting competence of the EU, as well as prospects for its development, are very important and timely to date. According to the Treaty on the Functioning of the European Union (TFEU) (Title I, Article 6) "The Union shall have competence to carry out actions to support, coordinate or supplement the actions of the Member States. The areas of such action shall, at European level, be <...> tourism". Herewith, Title XXII, Article 195 of the TFEU specifies that "the Union shall complement the action of the Member States in the tourism sector, in particular by promoting the competitiveness of Union undertakings in that sector. To that end, Union action shall be aimed at: encouraging the creation of a favorable environment for the development of undertakings in this sector; promoting cooperation between the Member

States, particularly by the exchange of good practice". That means that the EU Member States and their regions have full competence in the tourism field and the EU competence in this area is to complement, support and coordinate the action of the Member States in the tourism sector. It provides no harmonization of the laws and regulations of the Member States [16, p. 5–6].

State of research. The issues of competences of the EU in the area of tourism have been partially studied by national researchers such as A.Y. Alexandrova, E.N. Artemova, S.S. Galasyuk, N.V. Kolesnik, V.A. Kozlova, V.A. Kvar-talnov, A.O. Tolochko, I.V. Zorin. A considerable work in this area has been also carried out by the foreign scientists such as C.M. Hall, T.E. Coles, P. Lynch, C. Lashley, A. Morrison, R. Conrady, M. Buck, E. Smeral, H. Song, S. Lin, R.M. Woodworth and others.

However, these studies are more related to general issues, aspects and peculiarities of tourism as a supporting competence of the EU.

The main attention was paid to a regulatory framework in this area, which

рослин України : Наказ Міністерства аграрної політики від 8 травня 2007 р. № 310 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/z0532-07>.

9. Про оптимізацію системи центральних органів виконавчої влади: указ Президента України від 9 грудня 2010 р. № 1085/2010 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/1085/2010>.

10. Про схвалення Концепції розвитку системи надання адміністративних послуг органами виконавчої влади : Розпорядження Кабінету Міністрів України від 15 лютого 2006 р. № 90-р [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/90-2006-p>.

11. Про заходи щодо упорядкування адміністративних послуг : Постанова Кабінету Міністрів України від 17 липня 2009 р. № 737 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/737-2009-%D0%BF>.

12. Про адміністративні послуги : Закон України від 6 вересня 2012 р. [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/5203-17>.

13. Про затвердження Порядку ведення Реєстру адміністративних послуг : Постанова Кабінету Міністрів України від 30 січня 2013 р. № 57 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/57-2013-%D0%BF>.

14. Про центральні органи виконавчої влади : Закон України від 17 березня 2011 р. [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/3166-17>.

15. Про оптимізацію системи центральних органів виконавчої влади : Постанова Кабінету Міністрів України від 10 вересня 2014 р. № 442 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://search.ligazakon.ua/1_doc2.nsf/link1/KP140442.html.

16. Положення про Державну службу України з питань безпечності харчових продуктів та захисту споживачів : Постанова Кабінету Міністрів України від 2 вересня 2015 р. № 667 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://goo.gl/aJx6cG>.

is firstly based on the provisions of the existing constituent documents of the European Union such as consolidated versions of the Treaty on European Union and the Treaty on the Functioning of the European Union; the Charter of Fundamental Rights of the European Union; regulations, directives and other regulations issued by the institutions of the European Union; EU jurisprudence as well as international agreements concluded by the European Union.

Research methods that have been used in the article are the method of analysis, synthesis and comparative legal method and others that are necessary to obtain scientific results.

The purpose and objectives of the research. The aim of the article is a comprehensive research of the competences of the European Union at the present stage, as well as trends and prospects of their development. The main attention is paid to a new supporting competence of the EU such as tourism.

Achievement of this goal involves the following major tasks: definition of competence of the EU; identification of patterns of competence of the EU at the present stage; analysis of the powers of the EU in the implementation of the competence of the EU; examination of tourism as a new supporting competency of the EU; new perspectives of tourism development.

Basic material. Competence is one of the fundamental categories of the European Union (EU) law. Theoretical understanding of the processes of its development is currently one of the most complex and urgent problems.

The modern science of European law has no clear comprehension of the basic patterns of the development of the competence of the EU, which is needed in order to predict the prospects of its development. Those concepts which are available in law and literature reflect only a few aspects of the discussion of the issue, indicating the lack of theoretical elaboration of the topic. Evolution of the competencies of the EU is a complex dialectical process that takes place in accordance with the particular laws that are specific to the EU. Therefore, it is needed to define the concept of the competence of the EU with the current changes, clarify the evolution of its competence and reveal the essence of this phenomenon.

The article investigates the development of the competence of the EU at the present stage of development and particularly pays attention to such specific supporting competence of the European Union as tourism.

Competence in the context of this article is about everything deriving from EU law that affects what happens in the EU member states. That means examining all the areas where the Treaties give the EU competence to act, including the provisions in the Treaties giving the EU institutions the power to legislate, to adopt non-legislative acts, or to take any other sort of action. But it also means examining areas where the Treaties apply directly to the member states without needing any further action by the EU institutions.

The EU's competences are set out in the EU Treaties, which provide the basis for any actions the EU institutions take. The EU can only act within the limits of the competences conferred on it by the Treaties, and where the Treaties do not confer competences on the EU they remain with the member states [9, p. 25].

A new separation of competences between the European Union and Member States is explicated by the Treaty of Lisbon. From now on an exact classification of the competences for the first time in the founding Treaties, distinguishing between three main types of competence: exclusive competences, shared competences and supporting competences [8, p. 13].

This alteration is essential and important for the proper functioning of the EU, since in the past between the EU and Member States several conflicts of competence have arisen. From now on, the borders between the competences of each are clearly determined. In addition, this transparency makes easier the application of the fundamental principles relating to the control and exercise of these competences.

The EU's competences are set out in the EU Treaties, which provide the basis for any actions the EU institutions take (Articles 2–6 of the Treaty on the Functioning of the European Union – TFEU) [6]. The EU can only act within the limits of the competences conferred on it by the Treaties, and where the Treaties do not confer competences on the EU they remain with the Member States.

As it was mentioned before, there are 3 main types of competence of the

EU. The first competence which is called “*exclusive competence*” means that only the EU can act in areas where it has such a competence, in this specific area, only the Union may legislate and adopt legally binding acts, the Member States are able to do so themselves only if so empowered by the Union or for the implementation of Union acts (Article 2) [5, p. 50–51]. It includes: customs union; the establishing of the competition rules necessary for the functioning of the internal market; monetary policy for the member states whose currency is the euro; conservation of marine biological resources under the common fisheries policy; common commercial policy; concluding international agreements: when their conclusion is required by a legislative act of the EU; when their conclusion is necessary to enable the EU to exercise its internal competence; in so far as their conclusion may affect common rules or alter their scope.

The second competence is a “*shared competence*” (Article 4) [5, p. 51–52]. It implies that the Union shall divide competence with the Member States where the Treaties endows with it. In these areas either the EU or the Member States may act, but the Member States may be prevented from acting once the EU has done so. This competence embraces: internal market; social policy, limited to the aspects defined in the TFEU; economic, social and territorial cohesion; agriculture and fisheries, excluding the conservation of marine biological resources; environment; consumer protection; transport; trans-European networks; energy; area of freedom, security and justice; common safety concerns in public health matters, limited to the aspects defined in the TFEU; research, technological development and space; development cooperation and humanitarian aid.

The third competence is named “*supporting competence*” and is regulated by Article 6 of TFEU. It defines that the EU has competence to support, coordinate or supplement the actions of the Member States in certain areas, the EU may not adopt legally binding acts that require the Member States to harmonize their laws and regulations, that denotes that both the EU and the Member States may act, but action by the EU does not prevent the Member States from taking action of their own.

The competence involves: protection and improvement of human health; industry; culture; tourism; education, vocational training, youth and sport; civil protection; administrative cooperation.

In all three cases the EU must act in accordance with fundamental rights as set out in the Charter of Fundamental Rights [2, p. 391–407] (such as freedom of expression and non-discrimination) and with the principles of subsidiarity and proportionality. Under the principle of subsidiarity, where the EU does not have exclusive competence, it can only act if it is better placed than the Member States to do so because of the scale or effects of the proposed action. Under the principle of proportionality, the content and form of EU action must not exceed what is necessary to achieve the objectives of the EU treaties.

EU competence in relation to culture, administrative cooperation, civil protection, sport, and tourism is supporting. Among these competences we can distinguish four new areas of competence in which the EU may interfere according to the Treaty of Lisbon, which are: administrative cooperation, civil protection, sport and tourism.

In these areas all these four new EU's competences are supporting competences. Without being able to harmonize national law, the EU does not obtain any additional legislative powers thus as it can act only to support the actions of its Member States. Furthermore, the EU already intervened in these areas by means of cross-cutting policies. From now on, the Treaty of Lisbon clarifies the EU's objectives and action by creating specific legal bases for these areas [17, p. 1].

A special attention in this article we would like to pay to such a new supporting competence of the EU as tourism. There is no specific EU definition of the tourism sector. The EU Commission's Communication on the future of EU Tourism of 13 November 2001 noted that it is "a service sector with a particularly complex product dependent on an extremely fragmented supply". Each link in the chain (travel agencies, tour operators, carriers, hoteliers, restaurateurs etc.) offers one element in the overall product [3, p. 1]. That product is extremely diverse. Natural and cultural resources, tourist facilities, the communications infrastructure, accommodation and

restaurants are the basic resources of the tourist destination. The combination of local tourism resources and the services offered determines the type of tourism to which a destination belongs: such as coastal or mountain tourism, sport or religious tourism, thermal or gastronomic tourism, and of course business tourism.

Since the European Council of 21 June 1999 on the topic of 'tourism and employment', the EU has become increasingly aware of tourism's contribution to employment in Europe. In its communication on "Working together for the future of European tourism", the Commission proposed an operational framework and measures to boost the EU tourism industry. The Council resolution of 21 May 2002 on the future of tourism ratified the Commission's approach and, having set the goal of making Europe a top tourist destination, quickly led to closer cooperation between public and private stakeholders in the EU tourism industry. On that basis the Commission then implemented a wide range of measures [18, p. 1].

The Commission published seven communications between 2001 and February 2014 setting out its policy guidelines for the development of the tourism sector. These included:

- Agenda for a sustainable and competitive European tourism of 19 October 2007 [4] which sets out how sustainable development could ensure the long-term competitiveness of tourism and announced a three-yearly set of preparatory activities;

- Europe, the world's No 1 tourist destination – a new political framework for tourism in Europe of 30 June 2010 [10], which analyses the factors which make the European tourism industry competitive and the obstacles to its sustainable development;

- Implementation and development of the common visa policy to spur growth in the EU of 7 November 2012 [13], which seeks to bring about an increase in the number of tourists from third countries visiting the EU by establishing a common visa policy;

- A European Strategy for More Growth and Jobs in Coastal and Maritime Tourism of 20 February 2014 [1], which seeks to promote sustainable growth and competitiveness in coastal and maritime tourism.

During the recent economic decline tourism was Europe's most flexible sector and will remain as a main driver further on the road to recovery. In several European policies, particularly in regional policy and employment policy tourism was already present. The Treaty, from now on, creates a specific legal basis in order to enable the EU to intervene in this area (Article 195 of TFEU).

The action of the EU can therefore have two objectives: a) creating a favorable environment for the development of undertakings in the tourism sector; b) promoting cooperation between the member states, particularly through the exchange of good practice.

As it was stated above, the EU's competences in relation to tourism are supporting only. This means that both the EU and the member state may act, but action by the EU does not prevent the member state from taking action of their own. Nevertheless, in this area the EU has acted under other competences (some of which are shared or exclusive), in ways that impact on this sector.

Before the Treaty of Lisbon only a few documents in tourism sector were adopted, among them should be mentioned such documents as Resolution of 8 September 2005 on new prospects and new challenges for sustainable European tourism [12]; Regulation (EC) № 1931/2006 of the European Parliament and of the Council of 20 December 2006 laying down rules on local border traffic at the external land borders of the Member States [7]; European Parliament Resolution of 29 November 2007 on a renewed EU Tourism Policy: Towards a stronger partnership for European Tourism [11] and some others.

In 2010 the Commissioner for Industry and Entrepreneurship of the EU A. Tajani offered a Communication on a new political framework to stimulate the competitiveness of the European tourism sector. This document drafted a number of perspective and promising actions and helped to simplify procedures for short-stay visas, create numerous initiatives to tap into new markets and diversify Europe's overall tourism offer.

The EU's Communication on Tourism identified four priorities for action:

- stimulating competitiveness;
- promoting sustainable, responsible and high-quality tourism;

– consolidating Europe's image as a collection of sustainable, high-quality destinations;

– maximizing the potential of EU financial policies for developing tourism.

In 2012 the EU has published an implementation plan for these priorities, and to capitalize on Europe's common heritage. Plans include an ICT and tourism platform to support the tourism sector in using new information technology, and the development of a 'Consumer Markets Scoreboard' to measure consumer satisfaction with services such as transport, accommodation, travel and package tours. Besides that, in May 2012 the "Senior Tourism Initiative" [15, p. 1–2] was launched (further proposals published in 2013) and it described how basic adjustments to facilities and information services will enable senior citizens and travelers with special access needs to fully enjoy Europe's tourism experiences.

A set of voluntary European Tourism Quality Principles was proposed by the European Commission on 20 February 2014 [14, p. 1–10]. Tourism providers, especially SMEs, are encouraged to adopt the principles as a way to promote the quality of their services and enhance consumer confidence.

The Commission will help raise global awareness of these principles, which cover areas such as staff training, cleanliness, maintenance and access to reliable information. This way, consumers know they can expect quality services from participating organizations regardless of which member state they visit.

This document is intended to:

– help tourism service providers, for example hotels, restaurants, tourist attractions and other organizations that decide to follow these principles. The main aim of it is to help them promote the quality of their service, even beyond their usual markets. This will be done by raising global awareness about the EU Principles both within and particularly, outside Europe;

– highlight the quality of tourism services to consumers, particularly to those travelling outside their own country or visiting from outside Europe. Consumers will be reassured that, if a tourism service provider abides by the EU Principles, it will provide quality services, regardless of which EU country is concerned.

The principles focus on 4 main areas of tourism service quality: a) employee training; b) consumer satisfaction policy; c) cleaning and maintenance; d) information provided to tourists.

There is no doubt that all the abovementioned documents brought positive outcomes, nevertheless the need for continued support, especially with threats such as emerging international destinations and fast-changing consumer behavior is still urgent.

In order for Europe to keep its top position in tourism sector, it should be based on its capacity to innovate, to diversify its offers, to open new markets and to attract new clients.

In the international field the EU cooperates with international organizations, including the European Travel Commission, the World Tourism Organization and the OECD, and with non-EU countries to promote European Tourism under implied exclusive competence powers. The EU is currently working on a draft joint statement with the Chinese National Tourism Administration.

Conclusions. Due to the fact that one of the most crucial economic activities of the EU nowadays is tourism, its legal regulation in the EU is nowadays mostly important. Undoubtedly, tourism has a considerable effect on employment, economic growth and social development. Yet, this sector collides a series of challenges that the European Commission constantly resolves.

Tourism is comparatively new current EU's supporting competence, dating back to the Lisbon Treaty of 2009. This means that both the EU and the member state may act, but action by the EU does not prevent the member state from taking action of their own. Despite the fact, that the EU is yet to legislate under that competence, though various policy initiatives have been announced. As disclosed in the article, EU policy aims to maintain Europe's standing as a leading tourist destination while maximizing the industry's contribution to growth and employment. It also promotes cooperation between EU countries, particularly through the exchange of good practice. To maintain Europe's position as a leading tourist destination, the quality of its services needs to be continuously improved and legally adjusted.

References:

1. A European Strategy for more Growth and Jobs in Coastal and Maritime Tourism (COM(2014) 86 final) [Electronic resource]. – Access mode : http://ec.europa.eu/maritimeaffairs/policy/coastal_tourism/documents/com_2014_86_en.pdf.
2. Charter of Fundamental Rights of the European Union // Official Journal. – 2012. – C. 326. – P. 391–407.
3. Commission Communication to the Council, the European Parliament, the Economic and Social Committee and the Committee of the Regions, Working together for the Future of European Tourism (COM (2001) 665 final, November 2001) [Electronic resource]. – Access mode : http://aei.pitt.edu/view/eudocno/COM_282001=29_665_final.html.
4. Communication from the Commission – Agenda for a sustainable and competitive European tourism (COM/2007/0621 final) [Electronic resource]. – Access mode : http://ec.europa.eu/enterprise/sectors/tourism/documents/communications/commission-communication-2007/index_en.htm.
5. Consolidated Reader-Friendly Edition of the Treaty on European Union (TEU) and the Treaty on the Functioning of the European Union (TFEU) as amended by the Treaty of Lisbon (2007) [Electronic resource]. – Access mode : http://www.eudemocrats.org/fileadmin/user_upload/Documents/D-Reader_friendly_latest%20version.pdf.
6. Consolidated versions of the Treaty on European Union and the Treaty on the Functioning of the European Union [Electronic resource]. – Access mode : <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:12012E/TXT>.
7. Corrigendum to Regulation (EC) № 1931/2006 of the European Parliament and of the Council of 20 December 2006 laying down rules on local border traffic at the external land borders of the Member States and amending the provisions of the Schengen Convention // OJ. – 2006. – L.405.–[Electronic resource].–Accessmode: [http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32006R1931R\(01\)](http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32006R1931R(01)).
8. Division of competences within the European Union [Electronic resource]. – Accessmode: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=URISERV:ai0020>.
9. EU enlargement: review of the balance of competences [Electronic resource]. – Access mode : <https://www.gov.uk/government/consultations/eu->

enlargement-review-of-the-balance-of-competences.

10. Europe, the world's No 1 tourist destination – a new political framework for tourism in Europe (COM(2010) 352 final) [Electronic resource]. – Access mode : <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2010:0352:FIN:en:PDF>.

11. European Parliament resolution of 29 November 2007 on a renewed EU Tourism Policy : Towards a stronger partnership for European Tourism (2006/2129(INI)) [Electronic resource]. – Access mode : <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P6-TA-2007-0575+0+DOC+XML+V0/EN>.

12. European Parliament resolution on new prospects and new challenges for sustainable European tourism (2004/2229(INI)) [Electronic resource]. – Access mode : <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P6-TA-2005-0335+0+DOC+XML+V0/EN&language=MT>.

13. Implementation and development of the common visa policy to spur growth in the EU [COM(2012) 649 final] [Electronic resource]. – Access mode : http://ec.europa.eu/dgs/home-affairs/what-is-new/news/pdf/communication_on_visa_policy_to_spur_growth_com_2012_649_en.pdf.

14. Proposal for a Council Recommendation on European Tourism Quality Principles (COM(2014) 85 final) [Electronic resource]. – Access mode : <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2014:0085:FIN:EN:PDF>.

15. Senior Tourism Initiative: Europe, the best destination for seniors [Electronic resource]. – Access mode : <https://webgate.ec.europa.eu/eipaha/news/index/show/id/462>.

16. Sustainable Tourism within the EU Tourism Policy [Electronic recourse]. – Access mode : <http://cor.europa.eu/en/activities/arlem/activities/meetings/Documents/cristina-calabro-stineoutourism-policy.pdf>.

17. The new supporting competences of the EU [Electronic resource]. – Access mode : http://europa.eu/legislation_summaries/institutional_affairs/treaties/lisbon_treaty/ai0030_en.htm.

18. Tourism [Electronic resource]. – Access mode : http://www.europarl.europa.eu/atyourservice/en/displayFtu.html?ftuld=FTU_5.6.13.html.

ВЛИЯНИЕ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ НА ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ И УСТРАНЕНИЕ СУДЕБНЫХ ОШИБОК В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ УКРАИНЫ

Неля САВЧИН,

соискатель

Научно-исследовательского института частного права
и предпринимательства имени академика Ф.Г. Бурчака
Национальной академии правовых наук Украины

Summary

The article describes the different views of scientists on definition of jurisprudence. Given its own definition these concepts. It carried out an analysis of the legal literature study of the legal nature of judgments of superior courts, namely, Supreme Specialized Court of Ukraine for Civil and criminal cases and the Supreme Court of Ukraine. It is proved that the higher courts have a special legal status, which is determined by the fact that they not only administer justice, and are designed to perform the function of providing uniform application of the law by all courts. Proceeding the results of the study indicated the benefits of providing unity of jurisprudence.

Key words: similar cases, higher courts, unity jurisprudence, legal certainty, legal position, judiciary error, litigation, judicial system, judgment.

Аннотация

В статье раскрываются различные точки зрения ученых относительно определения понятия «судебная практика». Приводится собственное определение указанного понятия. Осуществляется анализ юридической литературы по исследованию правовой природы судебных решений высших судов, а именно Высшего специализированного суда Украины по рассмотрению гражданских и уголовных дел и Верховного Суда Украины. Обосновывается, что высшие суды имеют особый правовой статус, который определяется тем, что они не только осуществляют правосудие, но и призваны выполнять функцию обеспечения единообразного применения законодательства всеми судами. Исходя из результатов исследования, указывается на преимущества обеспечения единства судебной практики.

Ключевые слова: аналогичные дела, высшие судебные органы, единство судебной практики, правовая определенность, правовая позиция, судебная ошибка, судебная практика, судебная система, судебное решение.

Постановка проблемы. Качество судопроизводства, а также авторитет всей судебной системы Украины определяется правильным и единообразным применением судами законодательства. Обеспечение единства судебной практики, безусловно, нужно прежде всего потому, что оно является реализацией принципа правовой определенности, который обеспечивает прогнозируемость судебных решений и стабильность правового регулирования. Благодаря обеспечению единства судебной практики также реализуется конституционный принцип равенства всех граждан перед законом и судом, и это не является новеллой. Кроме этого, обеспечение единства судебной практики дает также другие положительные результаты. В частности, это сказывается на уровне загруженности судей, ведь если в государстве скла-

дывается устойчивая судебная практика, обеспечивается ее единство, то лица, намереваясь обратиться с соответствующим заявлением в суд, могут прогнозировать, каким будет судебное решение, поэтому определенное количество обращений в суд, а также случаев обжалования судебных решений, безусловно, уменьшится.

Актуальность темы исследования подтверждается тем, что в настоящее время на уровне гражданской процессуальной науки Украины нет фундаментальных работ, в которых исследуется влияние судебной практики на предотвращение и устранение судебных ошибок.

Состояние исследования. Исследованию вопросов определения понятия «судебная практика», обеспечения единства судебной практики уделяли внимание такие ученые, как В. Беля-

невыч, А. Дашковская, Р. Куйбида, Р. Майданык, С. Погребняк, Я. Романюк, Н. Сирый, С. Шевчук, И. Шыцкий и другие, научные разработки которых являются фундаментальной базой для дальнейшего исследования рассматриваемых вопросов.

Целью статьи является исследование понятия судебной практики, анализ путей обеспечения единства судебной практики с целью определения влияния судебной практики на предотвращение и устранение судебных ошибок в гражданском судопроизводстве Украины.

Изложение основного материала. Профессор Оксфордского университета Р. Кросс отмечает, что основной принцип, которого следует придерживаться при осуществлении правосудия, заключается в том, что такие дела должны решаться одинаково [1, с. 25]. Это связано прежде всего с тем, что единообразное применение судами законодательства является неотъемлемой составляющей принципа правовой определенности. Цель указанного принципа – обеспечить участников правоотношений возможностью точно спрогнозировать результаты своих действий, быть уверенными в неизменности своего правового статуса, приобретенных прав и обязанностей. Он предусматривает обеспечение судебной защиты, а также прогнозируемость судебных решений, которые не будут меняться в зависимости от юрисдикции, региона или других факторов. Итак, принцип правовой определенности предполагает стабильность правового регулирования и существующих правоотношений [2, с. 38].

Единство судебной практики является залогом доверия граждан к судебной власти, если суды в однотипных делах по различным лицам будут одинаково применять один и тот же закон [3, с. 5].

Единство судебной практики является фундаментальной основой не только для стабилизации эффективного судопроизводства, но и весомым основанием для стабилизации развития всего украинского государства.

Как отмечал бывший председатель Европейского суда по правам человека профессор Л. Вильдхабер, решения аналогичных дел по-разному может привести к нарушению законных ожиданий лиц, обращающихся за судебной

защитой. По его мнению, именно единство судебной практики наилучшим образом соответствует требованиям предсказуемости, принципу верховенства права и эффективной защите прав человека [4, с. 9].

Важно, чтобы законы применялись одинаково по аналогичным делам и при схожих фактических обстоятельствах, что гарантирует стабильность правоотношений и уверенность в правомерности будущего поведения. Эта уверенность в правовом будущем образует состояние правовой безопасности, поскольку в этих условиях субъекты права убеждены, что судебная система защищает людей от произвола государства, квалифицированно и справедливо разрешает конфликты в частной сфере. Постоянное принятие противоположных решений по аналогичным вопросам превращает обращение в суд в своеобразную «лотерею», подрывает доверие к судьям и веру в справедливость, что угрожает основам государственности. Кроме того, требования принципа правовой определенности заключаются не только в том, чтобы положения нормативно-правовых актов были четкими и понятными для субъекта правоприменения и всех участников юридического процесса, но и применялись одинаково в аналогичных ситуациях.

Благодаря унификации судебной практики достигается уменьшение нагрузки на суды, поскольку субъекты права и адвокаты уже знают, как решаются подобные дела, ориентиром рассмотрения которых служат решения кассационных судов. Если практика единственная и понятная из определенного правового вопроса, тогда нет никакого смысла перегружать судебную систему исковыми заявлениями. Суды низшего уровня также в основном принимают свои решения, основываясь на решениях судов кассационной инстанции, что снижает вероятность их обжалования [5, с. 307].

Считаем, что судебная практика высших судов (Верховного Суда Украины (далее – ВСУ), Высшего специализированного суда Украины по рассмотрению гражданских и уголовных дел (далее – ВССУ)) является одним из действенных средств устранения судебных ошибок. Ведь суды низшего уровня, ориентируясь на решения выс-

ших судов, учитывая их при принятии собственных решений, не будут допускать судебных ошибок, которые уже исправлены судебной практикой высших судов.

На сегодня в Украине термин «судебная практика» рассматривается как в широком смысле (вся деятельность органов судебной власти, которая воплощается в принятии юридических актов), так и в узком (как создание определенных правоположений нормативного характера). Примером первого подхода является определение профессора С. Погребняка, который под судебной практикой понимает такой вид юридической практики, которая заключается в правоприменительной, интерпретационной и правотворческой деятельности судов, которая воплощается в определенных видах юридических актов [6, с. 93]. М. Савенко определяет термин «судебная практика» с позиций второго подхода: как «материализованные результаты рассмотрения судебного дела, оформленные как правовые положения, на основании которых решен спорный вопрос, которые убедительно свидетельствуют о единственно правильном избранном судом подходе и являются ориентиром для решения аналогичных спорных ситуаций» [7, с. 51].

Профессор Е. Харитонов отмечает, что термин «судебная практика» имеет несколько значений. Во-первых, под ней понимаются руководящие разъяснения высших судебных органов, а во-вторых, это многократное унифицированное решение судами одной категории дел [8, с. 42].

По нашему мнению, судебная практика в широком смысле – это деятельность всех звеньев судебной системы по выполнению возложенных задач. В узком смысле судебная практика представляет собой систему правовых положений, которые создают судебные органы и конкретизируют нормы права. Можно выделить три вида таких правовых положений: 1) те, что возникают в результате заполнения пробелов в праве; 2) те, что конкретизируют и детализируют содержание предписаний общего характера; 3) те, что возникают в результате конкретизации и детализации общих положений, понятий и терминов законодательства (толкование норм права).

Итак, судебная практика – это разновидность юридической практики,

которая заключается в правоприменительной, интерпретационной и правотворческой деятельности судов, которая воплощается в соответствующих видах юридических актов.

Главное назначение высшего судебного органа государства заключается не только в осуществлении правосудия, но и в обеспечении единообразного толкования и применения закона всеми судами. Его задача – не только исправления судебных ошибок, допущенных по конкретным делам, но и прежде всего обеспечение единства судебной практики [2, с. 39].

Органом, который должен обеспечить единство судебной практики в Украине, должен быть и есть ВСУ.

Общепризнанно, что судебная практика ВСУ имеет очень важное значение для всей правовой системы Украины и играет значительную роль в системе источников права Украины. Специалисты определяют, что принципиальные решения ВСУ по конкретным делам являются прецедентами толкования, устранения пробелов в праве и даже судебными прецедентами. Следование таким решениям ВСУ другими судами должно обеспечить соблюдение принципа верховенства права и конституционное предписание одинакового понимания и применения закона. По мнению судей, главной задачей суда является справедливое решение общественных конфликтов, обеспечение взвешенного баланса между частными и государственными интересами, при этом приоритетом должно оставаться права человека. То есть правосудие можно рассматривать как деятельность по утверждению общечеловеческой справедливости. Ключевую роль в этом процессе должны играть высшие судебные органы – верховные суды, которые в большинстве стран мира возглавляют национальные судебные системы. Верховные суды имеют особый правовой статус, который определяется тем, что они не только осуществляют правосудие, но и призваны выполнять функцию обеспечения единообразного применения законодательства всеми судами. Верховным судам принадлежит исключительная прерогатива в принятии окончательных судебных решений на национальном уровне, выработке правовых позиций в общественно важных судебных спорах, направлении судебной практики [9].

Основным инструментом, который имеет ВСУ для выполнения возложенной на него задачи обеспечения единства судебной практики, является прежде всего пересмотр судебных решений судов кассационной инстанции в связи с неодинаковым применением одной и той же нормы материального права. Для этого законодатель предоставил суду чрезвычайно весомый рычаг: правовой вывод, сделанный ВСУ в решении, принятом по результатам рассмотрения дела в связи с неодинаковым применением одной и той же нормы материального права, является обязательным, причем не только для сторон конкретного спора, как и каждое судебное решение, но и для всех органов государственной власти, для всех судов, которые применяют в своей практике истолкованную ВСУ норму материального права. На это указывает статья 3607 Гражданского процессуального кодекса Украины (далее – ГПК Украины), в которой закрепляется, что вывод ВСУ относительно применения нормы права, изложенный в его постановлении, принятом по результатам рассмотрения дела на основаниях, предусмотренных пунктами 1 и 2 части 1 статьи 355 ГПК Украины, является обязательным для всех субъектов властных полномочий, которые применяют в своей деятельности нормативно-правовой акт, содержащий соответствующую норму права. Вывод по применению норм права, изложенный в постановлении ВСУ, должны учитывать другие суды общей юрисдикции при применении таких норм права. Суд вправе отступить от правовой позиции, изложенной в выводах ВСУ, с одновременным наведением соответствующих мотивов. За невыполнение судебных решений предусмотрена ответственность, установленная законом [10]. Так определил законодатель.

К сожалению, как показывает практика, встречаются неединичные случаи, когда суды низшего уровня не обращали внимания на правовые выводы ВСУ, которые являются для них обязательными. Однако сегодня эта обязательность обеспечена действенным механизмом: Законом Украины «Об обеспечении права на справедливый суд» от 12 февраля 2015 г. № 192-VIII внесены изменения в ст. 355 ГПК Украины «Основания для подачи заявления о пересмотре судебных решений Верховным Судом Украины», а именно дополнено ее часть 1 пунктом 4 следую-

щего содержания: «...несоответствия судебного решения суда кассационной инстанции изложенному в постановлении ВСУ выводу о применении в подобных правоотношениях норм материального права» [11]. По нашему мнению, это положительные изменения, внесенные в гражданское процессуальное законодательство, ведь без этого правоположения норма об обязательности судебных решений ВСУ была на практике в значительной степени декларативной.

Как правильно отмечает В. Беляневич, судебное решение, которое противоречит правовой позиции ВСУ по вопросам применения нормы материального права, – это судебная ошибка, поэтому такое решение подлежит отмене по мотивам противоречия именно правовой позиции ВСУ [12, с. 15].

Следовательно, деятельность ВСУ должна быть направлена на выработку обязательных для судов правовых позиций и контроля за их соблюдением не только процессуальными, но и организационными средствами. Предупредить судебную ошибку, создать правовые условия для законного решения дела, направить судебную деятельность – это задача высшего судебного органа. Уже в первой инстанции человек должен основываться на силе и авторитете ВСУ через предварительное решение о праве, а деятельность судей через этот механизм должна обеспечивать правовую стабильность [13, с. 4].

Вторым субъектом, который должен обеспечивать единство судебной практики, а затем и устранения судебных ошибок, является ВССУ. В соответствии с положениями статьи 32 Закона Украины «О судостроительстве и статусе судей» от 7 июля 2010 г. Высший специализированный суд Украины анализирует судебную статистику, изучает и обобщает судебную практику; оказывает методическую помощь судам низшего уровня с целью одинакового применения норм Конституции Украины и законов Украины в судебной практике на основе ее обобщения и анализа судебной статистики; дает специализированным судам низшего уровня рекомендательные разъяснения по вопросам применения законодательства по решению дел соответствующей судебной юрисдикции [14].

Правильно организованный и проведенный анализ судебной практики позволяет проверить соблюдение норм

материального и процессуального закона при рассмотрении дел и исполнении судебных решений; выяснить спорные, проблемные вопросы, возникающие при рассмотрении различных категорий гражданских дел. Полученные в результате анализа судебной статистики и обобщения судебной практики данные должны стать основой для исправления ошибок, допущенных при рассмотрении дел, образцом правильного и одинакового применения судами действующего законодательства Украины, а также (при необходимости) основанием для внесения в него изменений [15].

Можно ли утверждать, что предоставление судам разъяснений по вопросам применения законодательства является наиболее действенным средством недопущения судебных ошибок? Бесспорно, да. Конкретное судебное решение ВССУ устанавливает законность и справедливость в единичном деле, а разъяснения, предоставленные Пленумом, предназначены для применения при рассмотрении многочисленных дел в сложных и спорных случаях правоприменения.

Постановления Пленума ВССУ в условиях фрагментарности законодательства и наличия в нем множества коллизий является часто единственным ориентиром не только для судов, но и для тех, кто применяет закон, в частности органов власти, практикующих юристов, в конце концов, всех участников правоотношений. Кроме того, разъяснения ВССУ законодательства имеет еще одно назначение: обеспечить стабильность правовой системы в целом, поскольку при отсутствии определенности норма права не упорядочивает общественные отношения, а становится орудием для злоупотреблений.

Судьи ВССУ, осуществляя правосудие, непосредственно обнаруживают, в каких категориях дел суды допускают больше ошибок, в каких случаях есть настоятельная необходимость дать разъяснения законодательства.

Как правильно отмечает Н. Сирый, судебное толкование является обязательной составляющей деятельности судов всех уровней, но если местные суды решают вопрос факта или права, то высшие суды (кассационные) решают вопрос правильности понимания и применения правовых норм. Толкование кассационной инстанции, что происходит в поряд-

ке кассационного пересмотра судебных решений, предполагает всегда две цели: определить правовую основу для решения конкретного дела и одновременно определить путь для судебной практики в широком, неограниченном кругу похожих правовым вопросам [16, с. 8].

ВССУ должен обращать внимание на те категории дел, в которых самые высокие показатели отмененных и измененных судебных решений в апелляционном порядке, так как это свидетельствует о том, что суды при их решении допускают ошибки. Должны учитываться и обращения местных и апелляционных судов о необходимости предоставления разъяснений законодательства, а также обращения органов государственной власти и граждан, в которых указываются проблемы, имеющие место в судах при рассмотрении дел конкретной категории.

Итак, ВССУ должен значительно облегчать работу местных судов, осуществляя обобщения практики рассмотрения гражданских дел судами первой инстанции и предоставляя им правовые ориентиры.

К сожалению, вынуждены констатировать, что в соответствии с пунктом 4 части 1 статьи 32 Закона Украины «О судостроительстве и статусе судей Украины» разъяснения ВССУ по вопросам применения законодательства носят рекомендательный характер [14]. Однако ВССУ обязан обеспечить единообразное применение законодательства, не имея фактически для этого действенных рычагов. На сегодня обеспечение ВССУ одинакового применения законодательства может быть достигнуто только авторитетностью правового статуса этого суда. По нашему мнению, этого недостаточно для того, чтобы ВССУ имел возможность влиять на предотвращение судебных ошибок. Считаем, что разъяснения ВССУ по вопросам применения законодательства должны быть обязательными для нижестоящих судов. Поэтому предлагаем внести изменения в пункт 4 части 1 статьи 32 Закона Украины «О судостроительстве и статусе судей Украины» от 7 июля 2010 г., а именно заменить словосочетание «рекомендательные разъяснения» на «обязательные разъяснения».

Выводы. Таким образом, приоритетной задачей в сфере судопроизводства является необходимость обеспечения единства судебной практики. Единообразное применение закона дает возмож-

ность лицу, которое обращается в суд, спрогнозировать, какого решения следует ожидать по результатам рассмотрения. Это позволит избежать необоснованных обращений в суд и уменьшить чрезмерную нагрузку на судебную систему, что приведет к уменьшению количества допущенных судебных ошибок. Весомым преимуществом обеспечения единства судебной практики является также минимизация рисков коррупционной составляющей. Такая составляющая присутствует в судебной системе Украины, как и в других ветвях власти. В то же время единство судебной практики как раз и является одним из тех инструментов, который минимизирует риски коррупционной составляющей судебной системы, а следовательно, и количество допущенных судебных ошибок. Если судебная практика является устойчивой, понятной, одинаковой, у недобросовестного судьи нет возможности для маневра в принятии какого-то другого решения, чем то, которое не противоречит сложившейся судебной практике в государстве. Одинаковая судебная практика положительно сказывается на уровне общественного доверия к суду. А общественное доверие как раз и является гарантией эффективности судебной системы в любом государстве, в том числе и в Украине.

Список использованной литературы:

1. Кросс Р. Прецедент в английском праве / Р. Кросс ; под ред. Ф. Решетникова. – М. : Юридическая литература, 1985. – 239 с.
2. Романюк Я. Единство судебной практики: теоретические основы и совершенствование законодательного обеспечения / Я. Романюк, И. Бейцун // Вестник Верховного Суда Украины. – 2012. – № 5(141). – С. 37–42.
3. Романюк Я. Обеспечение единства судебной практики Верховным Судом Украины: реформа требует продолжения / Я. Романюк // Газета украинских юристов «Юридическая практика». – 2013. – 15 февраля. – С. 5–9.
4. Вильдхабер Л. Прецедент в Европейском суде по правам человека / Л. Вильдхабер // Государство и право. – 2001. – № 12. – С. 5–17.
5. Шевчук С. Обеспечение единства судебной практики в условиях суще-

ствования специализированной юрисдикции / С. Шевчук // Право Украины. – 2013. – № 9. – С. 306–324.

6. Погребняк С. Влияние судебной практики на юридические акты в романо-германской правовой семье / С. Погребняк // Вестник Академии правовых наук Украины. – 2003. – № 4(35). – С. 92–99.

7. Савенко М. Роль практики Европейского суда по правам человека в конституционном судопроизводстве Украины / М. Савенко // Вестник Конституционного Суда Украины. – 2005. – № 6. – С. 51–55.

8. Харитонов Е. Гражданское право Украины / Е. Харитонов, Н. Саниахметова. – М. : Правда, 2003. – 761 с.

9. Роль судебной практики в правовой системе Украины [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://vaas.gov.ua/?action=news&id_news=1880.

10. Гражданский процессуальный кодекс Украины : Закон Украины от 18 февраля 2004 г. № 1618-IV [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/1618-15/page2>.

11. Об обеспечении права на справедливый суд : Закон Украины от 12 февраля 2015 № 192-VIII [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/192-19/paran175#n175>.

12. Беляневич В. Прецедентность судебной практики: десять лет спустя / В. Беляневич // Юридическая газета. – 2014. – № 13–14(407–408). – С. 15.

13. Шыцкий И. К вопросу о судебной реформе / И. Шыцкий // Вестник центра судебных студий. – 2006. – № 6. – С. 4.

14. О судостроительстве и статусе судей : Закон Украины от 7 липня 2010 р. № 2453-VI [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2453-17>.

15. Положение об организации и методики обобщения судебной практики Высшего специализированного суда по рассмотрению гражданских и уголовных дел 24 июня 2011 г. № 8 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/vt008740-11>.

16. Сирый Н. Обеспечение единства судебной практики – важное направление развития правовой системы Украины / Н. Сирый // Вестник Центра судебных студий. – 2006. – № 6. – С. 6–8.

АТТЕСТАЦИЯ КАК ВАЖНЕЙШЕЕ ЗВЕНО В СИСТЕМЕ ПРОХОЖДЕНИЯ СЛУЖБЫ В ОРГАНАХ ПРОКУРАТУРЫ УКРАИНЫ

Екатерина СИРЕНКО,
аспирант

Харьковского национального университета внутренних дел

Summary

In the article essence of attestation is found out as a major link in the system of passing of service in the organs of office of public prosecutor. The detailed analysis of terms of lead through and categories of persons is conducted falling under attestation among by the employee of organs of office of public prosecutor of Ukraine. On the basis of the conducted analysis author vision of determination of attestation of employees of office of public prosecutor is pulled out in Ukraine.

Key words: attestation, office of public prosecutor, personnel, grade, providing of law and order.

Аннотация

В статье выяснена суть аттестации как важнейшего звена в системе прохождения службы в органах прокуратуры. Проведен детальный анализ условий проведения и категорий лиц, попадающих под аттестацию, среди сотрудников органов прокуратуры Украины. На основании проведенного анализа предложено авторское видение определения аттестации сотрудников прокуратуры в Украине.

Ключевые слова: аттестация, прокуратура, персонал, ранг, обеспечение правопорядка.

Постановка проблемы. Обеспечение устойчивого демократического развития Украины требует формирования эффективной, современной системы органов надзора за соблюдением законности, которыми в Украине в первую очередь являются органы прокуратуры. Именно на прокуратуру ст. 121 Конституции Украины положила значимые для гарантирования необратимости демократических преобразований полномочия. Выполнение конституционно определенных полномочий требует качественно нового кадрового потенциала, совершенствования правовой регуляции отношений, связанных с прохождением службы в органах прокуратуры.

Актуальность темы исследования. Анализ современного состояния национального законодательства, нормы которого регламентируют деятельность органов прокуратуры, осмысление теоретических выводов, накопленных в этой сфере, изменений в законодательстве за период реформирования всей правоохранительной системы и практики его применения свидетельствуют, что на настоящее время процессы становления прокуратуры и утверждения статуса прокуроров в Украине перешли на качественно но-

вый этап, на котором важное значение приобретает положение о прохождении службы в органах прокуратуры Украины, построение эффективных механизмов взаимодействия со всеми ветвями власти и разными общественными институтами.

В этом контексте принципиальное значение имеет в первую очередь анализ теоретических положений современной доктрины административного права и процесса, которые касаются сущности процессуальной формы, которая должна быть положена в основу определения правовой природы отношений в сфере прохождения службы в органах прокуратуры Украины. Формирование теоретической модели должно предшествовать исследованию конкретных правовых проблем генезиса прокуратуры и, соответственно, отношений в сфере прохождения службы, систематизации процедур прохождения службы, установлению пробелов и коллизий в действующем законодательстве и определению направлений их преодоления.

Одной из важнейших проблем современности, непосредственно влияющей на обеспечение правопорядка в Украине, является соблюдение четкой процедуры прохождения службы в ор-

ганах прокуратуры, изучение места и роли аттестации как важнейшего звена в системе прохождения службы в органах прокуратуры Украины, что представляется весьма актуальным для нормального развития общества.

Состояние исследования. Отдельные вопросы, связанные с проблемой обеспечения деятельности прокуратуры, проанализированы в работах В.Б. Аверьянова, А.М. Бандурки, Ю.П. Битяка, П.М. Каркача, И.С. Ковальчука, Т.В. Корнякова, В.М. Кравчука, И.Е. Марочкина, О.С. Мамыкина, Н.И. Мычка, В.Т. Нора, Н.Ю. Паныча, И.Б. Протаса, А.В. Пшонки, Е.П. Рябенко, Н.В. Сибилева, В.В. Сухоноса, В.П. Тихого, В.И. Чечерского, И.И. Шевчука и других. Данные работы служат фундаментальной базой для дальнейшего исследования рассматриваемых вопросов. Однако проведенный анализ источников дает основания говорить об отсутствии специальных исследований, которые посвящены изучению особенностей аттестации как важнейшего звена в системе прохождения службы в органах прокуратуры Украины. Таким образом, изложенное выше определяет актуальность статьи.

Целью статьи является исследование сущности аттестации как важнейшего звена в системе прохождения службы в органах прокуратуры Украины.

Изложение основного материала. Совершенствование деятельности государственных органов в современный период невозможно без обоснованных оценок труда государственных служащих. Выдвинутая доктрина правового государства в своей практической реализации немыслима без грамотного подбора управленческого персонала, установления соответствия занимаемой должности работников государственных структур. Определение качеств, которыми обладает человек, во все времена оставалось незыблемым атрибутом технологии власти и управления. Еще в древности, когда управление приобрело форму искусства подбора людей на государственные должности, появилась потребность в наиболее точном выявлении их способностей, определении их профессиональных качеств, обязательных для исполнения тех или иных трудовых функций.

Аттестация (от лат. attestatio – свидетельство) – это проверка, определе-

ние соответствия деловой значимости, уровня знаний и навыков сотрудника, иных общественно значимых качеств занимаемой должности. Она направлена на улучшение качественного состава кадров прокуратуры и эффективную их организацию, рост служебной и трудовой активности, повышение ответственности работников всех уровней за порученное дело. Аттестация является основным организационно-правовым средством решения задачи улучшения деятельности органов прокуратуры. Она занимает особое место, обеспечивает приоритетные направления развития кадровой системы [1, с. 48].

Словарь по трудовому праву определяет аттестацию как проверку деловой квалификации работника в целях определения уровня его профессиональной подготовки и соответствия занимаемой должности или выполняемой работе [2, с. 8].

По мнению А.Д. Гавриленко, аттестация представляет собой установленный законом порядок периодической проверки теоретических знаний, практических навыков, способностей и реальных возможностей работника с целью определения соответствия его занимаемой должности, перспективы к дальнейшему перемещению (включению в резерв на выдвижение, понижению или повышению в должности) [3, с. 188].

Ю.Н. Старилов под аттестацией государственных служащих понимает деятельность, в процессе которой аттестационная комиссия в рамках установленной научно обоснованной процедуры в целях выявления степени соответствия служащего занимаемой должности производит оценку деловых, личных и нравственных качеств служащего, процесса и итогов его служебной деятельности, результатами которой становятся оценка и рекомендации аттестационной комиссии по улучшению труда как аттестуемого лица, так и аппарата всего государственного органа.

Итак, аттестация – это прежде всего деятельность, которая раскрывается в полном объеме только при эффективном функционировании ее механизма. Эта деятельность осуществляется на протяжении всех этапов аттестации: подготовки аттестации; проведении

оценки и осуществлении контроля за работой служащих; принятии решения соответствующим руководящим органом или руководителем по результатам аттестации; реализации рекомендаций аттестационных комиссий по совершенствованию работы служащих и всей администрации в целом; разрешении возникающих споров, связанных с проведением аттестации и ее результатами; подведении итогов аттестации; распространении передового аттестационного опыта [4, с. 134].

Аттестация государственных служащих, к числу которых относятся и работники органов прокуратуры Украины, установлена современным законодательством в качестве обязательной нормы для определения уровня профессиональной подготовки и соответствия государственного служащего занимаемой должности государственной службы, а также для решения вопроса о присвоении ему квалификационного ранга. Порядок проведения аттестации государственных служащих определяется Постановлением Кабинета Министров Украины «Об утверждении Положения о проведении аттестации государственных служащих» [5].

Аттестация прокурорских работников является важнейшим элементом кадровой работы. Согласно ст. 46 Закона Украины «О прокуратуре» прокурорские работники подлежат аттестации в порядке, определяемом Генеральным прокурором Украины. Этот порядок установлен Положением о порядке проведения аттестации прокурорско-следственных работников органов прокуратуры Украины, утвержденным приказом Генерального прокурора Украины от 12 сентября 2005 г. № 2958ц [6]. В соответствие с данным документом аттестация – это управленческая кадровая процедура, направленная на оценку квалификации стажеров, прокуроров и следователей, а также работников Национальной академии прокуратуры Украины, которым присвоены классные чины, с целью определения соответствия работников прокуратуры и учебных заведений занимаемым должностям, состояния их профессиональной подготовки, оценки состояния профессиональной подготовки и пригодности

стажеров за деловыми и моральными качествами к самостоятельной работе на должности прокурора прокуратуры или следователя; формирования резерва кадров на выдвижение; усовершенствования профессионального мастерства; определения направлений повышения квалификации, профессиональной подготовки и переподготовки; внесения и обоснования предложений относительно назначения и перемещения кадров (п. 1 Положения). Все эти положения можно отнести к целям аттестации прокурорских работников.

Считаем, что только при чрезвычайно расширительном толковании сущности подбора кадров с большой долей условности можно признать, что целью аттестации является улучшение подбора кадров для органов прокуратуры. Подбор кадров характеризуется прежде всего тем, что кадры отыскиваются, изучаются и оцениваются из состава претендентов на работу в органы прокуратуры. Аттестации же подлежат лица из действующего кадрового состава органов прокуратуры. Преследуемой целью этого мероприятия является определение путем оценки соответствия конкретного лица занимаемой должности в прокуратуре. При этом выводы могут быть сформированы следующим образом: работник соответствует занимаемой должности; работник не в полной мере соответствует должности; работник не соответствует занимаемой должности.

Как отмечает А.Ф. Смирнов, основаниями признания работника соответствующим должности являются обстоятельства, свидетельствующие о том, что работник не только справляется с порученным делом, но и заслуживает продвижения по службе на более высокие должности или на должности с большим объемом работы. Таким образом, улучшается состав работников и одновременно имеется возможность наиболее эффективно произвести их расстановку в организационной структуре должностей. Поэтому более правильной и более точной целью аттестации кадров органов прокуратуры следует считать формирование высококачественного кадрового состава и улучшение расстановки кадров [7, с. 205].

В научной литературе о кадровом управлении в органах прокуратуры

имеется и иное утверждение о цели аттестации прокурорских кадров. Предполагается, что аттестация в органах прокуратуры проводится в целях определения служебного соответствия прокурорского работника предъявляемым ему профессией требованиям [8, с. 50].

Определение служебного соответствия прокурорского работника занимаемой должности является не целью аттестационной комиссии, а ее задачей, решение которой позволяет в конечном итоге улучшить качественный состав и расстановку кадров.

Аттестацию можно также рассматривать в качестве средства адаптации прокурорского работника к изменяющимся политическим, социально-экономическим, правовым и организационно-структурным условиям его деятельности [9, с. 31].

Аттестация в строгом ее предназначении, скорее всего, не может преследовать цели воспитания. В лучшем случае предстоящая аттестация заставляет работника подстраиваться под предъявляемые требования, но не формирует его поведение и, следовательно, непосредственно не воспитывает. По нашему мнению, важно отказаться от идеи воспитания кадров с помощью их аттестации и уточнить объект оценки. Как правило, в настоящее время при аттестации превалирует описание служебной деятельности прокурорских работников, а именно количество актов прокурорского реагирования, выявленные нарушения, участие в судебных заседаниях, выступления в средствах массовой информации и т. д. Вместе с тем личности конкретного работника уделяется недостаточно внимания, при этом в аттестационных документах в основном конкретизируются общие требования, предъявляемые к работникам органов прокуратуры. Получение представления о личностных деловых качествах возможно лишь при проведении систематического анализа и текущей оценки работы сотрудников.

Проанализировав Положением о порядке проведения аттестации прокурорско-следственных работников органов прокуратуры Украины, аттестацию можно классифицировать по:

1) целям или возможным принимаемым решениям:

- о соответствии занимаемой должности;
- о присвоении классного чина;
- о поощрении;
- о зачислении в резерв на повышение;
- о назначении на вышестоящую должность;
- о направлении на учебу (стажировку);
- о распространении положительного опыта работы;
- 2) периодичности:
 - периодическая (раз в пять лет);
 - досрочная (при выдвижении на вышестоящую должность, при наличии существенных упущений в работе или совершении порочащего его проступка, по просьбе самого работника);
- 3) обязательности для служащего прокуратуры:
 - обязательная;
 - по инициативе работника.

С.Н. Новиков высказывается о том, что профессиональные психологические познания помогают определить перспективы карьерного роста аттестуемого государственного служащего, возможность скорейшей адаптации к новым условиям труда, коллективу; выявить и решить некоторые проблемы, возникающие в процессе выполнения работником своих должностных обязанностей [10, с. 64]. На наш взгляд, участие специалиста-психолога при проведении аттестации прокурорских работников позволит комплексно и всесторонне оценить личность конкретного человека.

Аттестация в органах прокуратуры в современный период имеет ряд недостатков. Членами комиссий не учитываются потенциальные возможности сотрудников трансформировать и развивать свою профессиональную деятельность, в лучшем случае оцениваются адаптационные возможности и способности аттестуемых использовать положительный опыт других. Предпосылки к этому заложены в Положением о порядке проведения аттестации прокурорско-следственных работников органов прокуратуры Украины, п. 2 раздела IV которого допускает рассмотрение аттестации в отсутствие аттестуемого работника [6]. На наш взгляд, целесообразно внести изменения в указанное Положение и законодательно предусмотреть обязательное

присутствие сотрудника на заседании аттестационной комиссии; в случае его неявки по каким-либо причинам аттестация должна быть перенесена. Не может быть объективным решение, принятое в отсутствие аттестуемого лица.

Фиктивность аттестации в органах прокуратуры выражается в том, что она дает оценку личности с позиций внешнего наблюдателя; сам оцениваемый при этом не заинтересован в получении объективной оценки своих качеств и заботится в первую очередь о том, чтобы выглядеть положительно в глазах аттестационной комиссии.

Сохраняются надежды построить модель высококвалифицированного специалиста, на основе которой можно будет вести диагностику деловых и личностных качеств и осуществлять привязку людей к рабочему месту, должности, виду деятельности. На наш взгляд, способствовать решению данных проблем может обязательное участие в аттестационных процедурах экспертов и психологов. Однако нормативно это не закреплено. На практике имеются единичные случаи приглашения штатных психологов на заседания аттестационных комиссий. Поэтому представляется целесообразным внести изменения в Положение о порядке проведения аттестации прокурорско-следственных работников органов прокуратуры Украины и ввести указанных лиц в состав комиссий.

Выводы. Подводя итог, заметим, что в современный период назрела необходимость изменения аттестации в органах прокуратуры Украины. В законодательстве не содержится определения аттестации в органах прокуратуры. Исходя из проведенного исследования и анализа правовых норм, можно предложить следующее определение.

Аттестация в органах и учреждениях прокуратуры Украины – это процедура, складывающаяся при прохождении государственной правоохранительной службы в органах прокуратуры Украины в процессе осуществления деятельности по оценке деловых, личных, нравственных качеств, результатов труда в целях определения уровня профессиональной подготовки и соответствия следственно-прокурорских работников занимаемой

должности, решения вопроса о присвоении классного чина, поощрения, повышения эффективности управления.

Список использованной литературы:

1. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. – 4-е изд. – М. : Советская энциклопедия, 1987. – 1660 с.

2. Словарь по трудовому праву / отв. ред. Ю.П. Орловский. – М. : Бек, 1998. – 578 с.

3. Гавриленко Д.Л. Государственная дисциплина. Сущность. Функции. Значение / Д.Л. Гавриленко ; под ред. А.П. Шергина. – Минск : Наука и техника, 1988. – 328 с.

4. Стариков Ю.Н. Курс общего административного права : в 2 т. / Ю.Н. Стариков. – М. : Норма, 2002. – Т. 1 : Государственная служба. Управление. Правовые акты управления. Административная юстиция. – 600 с.

5. Про затвердження Положення про проведення атестації державних службовців : Постанова Кабінету Міністрів України від 28 грудня 2000 р. № 1922 // Офіційний вісник України. – 2001. – № 1. – Т. 1. – С. 123.

6. Положення про порядок проведення атестації прокурорсько-слідчих працівників органів прокуратури України : затверджене Наказом Генерального прокурора України від 12 вересня 2005 р. № 2958ц [Електронний ресурс]. – Режим доступа : http://www.gp.gov.ua/ua/file_downloader.html?_m=fslib&_t=fsfile&_c=download&file_id=170003.

7. Смирнов А.Ф. Прокуратура и проблемы управления / А.Ф. Смирнов. – М. : Криминол. асоц., 1997. – 263 с.

8. Чернышова Г.В. Аттестация кадров прокуратуры как отражение оценки их деловой квалификации / Г.В. Чернышова // Проблемы кадровой работы в органах прокуратуры : сб. науч. трудов. – М., 1994. – С. 50–51.

9. Концепция подбора, расстановки, закрепления и воспитания кадров органов прокуратуры / Е.Е. Дементьева, В.И. Куприянова, А.Н. Пашков, В.П. Рябцев // Проблемы кадровой работы и управления в органах прокуратуры : сборник научных трудов. – М. :

Изд-во НИИ пробл. укрепления законности и правопорядка, 1996. – С. 31.

10. Новиков Д.А. Методология управления / Д.А. Новиков. – М. : Либроком, 2011. – 128 с.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОТКРЫТОСТИ И ГЛАСНОСТИ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Татьяна СТЕШЕНКО,

кандидат юридических наук,

доцент кафедры государственного строительства

Национальный юридический университет имени Ярослава Мудрого

Summary

The problem of implementation of the principle of transparency in the electoral process has been investigated in this scientific article. The author states that the openness of elections is an important and fundamental principle of their conduct. The concept of publicity and transparency of elections, the standards of the electoral process, the participation of citizens in ensuring of the transparency of the elections have been discussed.

Key words: publicity and openness of the electoral process, elections, standards of the electoral process.

Аннотация

В статье исследуется проблема реализации принципа открытости в избирательном процессе. Обосновывается мысль о том, что открытость выборов является важным и основополагающим принципом их проведения. Исследуется понятие гласности и открытости выборов, стандартов избирательного процесса, участия граждан в обеспечении открытости выборов.

Ключевые слова: гласность и открытость избирательного процесса, выборы, стандарты избирательного процесса.

Постановка проблемы. В мире существует огромное количество различных понятий и терминов, не всегда понятных человеку. И чаще всего они касаются либо политической, либо общественной сферы жизни. В данной статье мы поговорим о том, что такое гласность и открытость, а также как она раскрывается в избирательном процессе. Гласность – это синоним слова «свобода». Гласность является одним из основных принципов перестройки, демократизации, когда одна из главных целей страны – максимально информировать общественность. Стоит сказать о том, что без принципа гласности невозможны процессы демократизма. Нереальным становится политическое творчество масс, участие их в управленческих и избирательных процессах на различных уровнях. Надо сказать и о том, что сегодня особенно важным является принцип гласности. Ведь без достаточного количества необходимой информации современный человек просто откажется работать, развиваться, двигаться вперед. Можно сказать, что сегодня соблюдение данного принципа – это неотъемлемая часть современного общества, некий способ выражения доверия и уважения к людям.

Выборы выступают одним из важнейших институтов демократии, являются формой непосредственного осуществления власти

самим народом при формировании представительных органов власти и средством отбора уполномоченных представителей народа для участия в осуществлении публичной власти. Выборы позволяют гражданам непосредственно включаться в управление публичными делами, реализовывать собственные конституционные права и свободы, а также помогают укреплять гражданское общество [1, с. 20].

Актуальность темы исследования заключается в том, что в Украине произошли существенные изменения законодательства, связанные с проведением избирательного процесса, однако на сегодняшний день остается не достаточно исследованным вопрос об открытости и гласности избирательного процесса.

Состояние исследования. Анализ научной литературы свидетельствует о том, что большое количество научных работников, специалистов в области избирательного права заинтересованы изучением и дальнейшим развитием вопросов избирательного процесса, а также реализацией гражданами своих избирательных прав. Эти вопросы рассматривали Р.К. Давыдов, В.В. Копейчиков, В.М. Кампо, О.В. Лавринович, В.Ф. Погорилко, М.И. Ставнийчук, И.А. Старостина, М.П. Орзих и другие.

Целью статьи является изучение проблемы реализации принципа гласности избирательного процесса,

стандартов прозрачности и открытости выборов.

Изложение основного материала. Вопросы открытости и честности избирательного процесса в демократических государствах с каждым годом становятся все острее. «Стандарты честных выборов» – это новое понятие, которое является наиболее актуальным для украинского избирательного законодательства. В украинском избирательном законодательстве нет четкого определения и достаточной характеристики данного понятия. Хочется отметить, что избирательные стандарты являются образцом, мерилем демократичности и соблюдения прав человека в области избирательного права. Все государства должны следовать этому образцу, в частности и Украина. Избирательные стандарты базируются на обобщенных результатах правовой науки и демократической политической практики и нацелены на достижение максимальной пользы для общества.

Обеспечение прозрачности избирательного процесса во время выборов является экзаменом Украины на демократичность и преданность принципам верховенства права. Нам необходимо сделать максимально прозрачный процесс, а также приложить максимальные усилия для того, чтобы провести действительно свободные, демократические выборы. Только они должны отобразить

и зафиксировать волеизъявление граждан. Выборы органов государственной власти и местного самоуправления должны осуществляться гласно и открыто. Это неотъемлемый признак развитого демократического государства. Цель такой открытости состоит в необходимости обеспечения возможности общественного контроля за подготовкой и проведением выборов. Данный контроль предусматривает определенные способы его осуществления.

Гласность и открытость являются универсальными принципами организации и проведения выборов. Указанные принципы означают открытость и гласность избирательного процесса для всех его участников: кандидатов, избирательных объединений, избирателей. В мировой практике разработаны и реализуются различные институты, при помощи которых обеспечивается гласность и открытость выборов. К числу таких относится, например, институт наблюдателей, которые следят за легитимностью проведения выборов. Законодательством предусмотрено положение о систематической публикации в средствах массовой информации сведений о поступлении и расходовании средств избирательных фондов, предусмотрена обязательная официальная публикация полных данных о результатах выборов в объеме данных протоколов избирательных комиссий всех уровней [2].

Открытость выборов означает доступность для избирателей информации из официальных источников о подготовке выборов и обо всех этапах избирательного процесса, а также возможность принять в них участие в предусмотренном законом порядке. Государственные органы, ответственные за проведение выборов, не могут уклониться от обязанности предоставить гражданам соответствующую информацию. В этом плане открытость выборов выступает как частный случай общего требования к деятельности органов государства и вообще публичных учреждений – требования прозрачности (транспарентности) их деятельности. Решение государственных и муниципальных органов

по вопросам выборов должны быть доступны для граждан.

Открытость выборов предполагает также возможность осуществления контроля за ходом выборов со стороны представителей общественности, политических партий, уполномоченных лиц от кандидатов и наблюдателей. Присутствие на выборах национальных наблюдателей обеспечивает контроль со стороны общественности данного государства. Открытый для национальных наблюдателей доступ к избирательным документам, возможность присутствия в помещениях для голосования, при подсчете голосов и подведении итогов голосования призваны гарантировать отсутствие «закулисных» махинаций на выборах. Международные наблюдатели обеспечивают оценку выборов в соответствии с международными стандартами, и их присутствие на выборах является показателем открытости для такого рода оценки.

Гласность выборов означает доведение информации о них официальными органами в установленном законом порядке.

Одним из фундаментальных принципов поведения выборов является открытость и гласность работы избирательных комиссий – коллегиальных органов, ключевых исполнителей по организации и проведению избирательных кампаний. Демократичный характер выборов требует прозрачности на всех стадиях избирательного процесса. Все избирательные комиссии, независимо от их уровня в системе избирательных комиссий, организуют свою деятельность в строгом соответствии с рядом принципов, предусмотренных международным и национальным законодательством. Одним из важнейших принципов деятельности избирательных комиссий является принцип гласности, направленный на обеспечение открытости избирательного процесса и позволяющий заинтересованным лицам и организациям осуществлять контроль за деятельностью избирательных комиссий.

В соответствии с избирательным законодательством гласность в деятельности избирательных комиссий

обеспечивается прежде всего тем, что на заседаниях избирательных комиссий любого уровня могут присутствовать члены вышестоящих комиссий, кандидаты, которые принимают участие в выборах, доверенные лица кандидатов в депутаты, официальные наблюдатели, представители СМИ. Избирательная комиссия должна обеспечить свободный доступ указанных лиц на свои заседания. Например, национальное украинское законодательство четко закрепляет положение о том, что решения всех избирательных комиссий, которые связаны с подготовкой и проведением выборов, публикуются в государственных или муниципальных периодических печатных изданиях либо доводятся до сведения избирателей иным путем.

Требования гласности предполагают коллегиальный и открытый порядок принятия решений избирательными комиссиями. [3].

Актуальным вопросом является на сегодняшний день информационное обеспечение выборов, которое подразделяется на информирование избирателей и предвыборную агитацию. Волеизъявление может быть свободным и осознанным только при реальном доступе к информации и обеспеченной возможности распространять ее.

Информационное обеспечение выборов можно назвать как конституционно-правовой режим распространения информации в ходе избирательной кампании, поскольку распространение информации осуществляется в избирательном процессе с особенностями, установленными избирательным законодательством.

Принцип альтернативности выборов также имеет огромное значение в организации и проведении выборов.

Состязательность демократических выборов возможна только при свободном доступе к информации, а следовательно, важно правовое урегулирование информационного обеспечения выборов. Украинское законодательство учитывает современные международные избирательные стандарты и базируется на нормах международного права. В ст. 19 Международного пакта о

гражданских и политических правах закреплено: «Каждый человек имеет право беспрепятственно придерживаться своих мнений; каждый человек имеет право на свободное выражение своего мнения; это право включает свободу искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи, независимо от государственных границ, устно, письменно или посредством печати или художественных форм выражения или иными способами по своему выбору» [4].

Статья 10 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. также устанавливает, что каждый имеет право свободно выражать свое мнение, которое включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ [5].

Большая роль в обеспечении гласности избирательного процесса отводится СМИ. Однако для того, чтобы СМИ могли выполнять эту функцию по отношению к выборам, требуется соблюдение ряда условий:

- отсутствие закрытой информации о выборах, каких-либо ограничений на обсуждение хода выборов и их итогов в СМИ;

- СМИ должны иметь возможность присутствовать на заседаниях избирательных органов, обеспечивая гласность и открытость их деятельности;

- СМИ должны иметь возможность знакомиться с документами и материалами соответствующих избирательных органов об итогах голосования или результатах выборов, изготавливать копии указанных документов и материалов или получать их от соответствующего избирательного органа, передавать для опубликования;

- СМИ должна быть предоставлена возможность присутствовать на публичных агитационных мероприятиях, освещать ход их проведения, а также присутствовать при проведении голосования, подсчете голосов избирателей, установлении итогов голосования и результатов выборов.

Принцип гласности предполагает, что на государственные и муниципальные органы независимо от наличия обращений к ним граждан ложится обязанность доведения до граждан информации о выборах через СМИ и в иных формах.

Все правовые акты, а также любые акты государственных и муниципальных органов, затрагивающие избирательные права граждан, должны быть своевременно обнародованы в установленном порядке для всеобщего сведения.

Все решения государственных и муниципальных органов, избирательных органов, связанные с назначением, подготовкой и проведением выборов, а также касающиеся избирательных прав и свобод гражданина, в обязательном порядке подлежат официальному опубликованию и доводятся до всеобщего сведения в порядке и сроки, предусмотренные законодательными актами.

Сведения об итогах голосования и данные об избранных лицах своевременно и в установленном законом порядке должны быть доведены до сведения избирателей. Гласность обеспечивается также присутствием наблюдателей, которые по результатам своего участия в выборах готовят отчет. Отчет доводится до сведения как органов данного государства, так и международной общественности. [6, с. 189–191].

В условиях, когда гражданское общество проявляет высокий интерес к электоральной демократии, а развитие технологий позволяет сделать избирательный процесс максимально открытым и прозрачным, особое значение приобретает предоставление общественности информации о финансовой составляющей деятельности политических партий, являющихся основными участниками борьбы за голоса избирателей.

Прозрачность выборов обеспечивается не только на избирательном участке. Для осознанного выбора прежде всего необходима достоверная информация о реальной деятельности политических партий, тем более сейчас, когда упрощение регистрации послужило значительному увеличению их количества.

Прозрачность сведений о поступлении и расходовании финансовых средств политических партий – неотъемлемая составляющая постоянного открытого выборов, причем не только в ходе избирательных кампаний, но и в периоды между выборами.

Политические партии и их региональные отделения осуществляют свою деятельность в полном объеме, в том числе как юридические лица, с момента государственной регистрации. Из этого следует, что и партии, и их структурные подразделения, являющиеся юридическими лицами, обязаны осуществлять налоговый учет и бухгалтерскую отчетность в порядке и в сроки, установленные законодательством, а также осуществлять учет поступления и расходований средств.

В рамках своих полномочий Центральной избирательной комиссией разработаны и утверждены нормативные документы, которыми устанавливаются формы отчетности политических партий, их региональных отделений, а также рекомендации по их заполнению. В подготовке этих нормативных актов активную роль играли сами политические партии.

Осуществлять контроль за финансовой деятельностью политических партий помогают современные информационные технологии. Новейшая техника и программное обеспечение позволяют оперативно и эффективно работать с большим объемом информации.

Политические партии ежеквартально представляют сведения о поступлении и расходовании своих средств в Центральную избирательную комиссию.

Финансовая отчетность политических партий, представленная в ЦИК, доступна каждому пользователю сети Интернет и широкой аудитории средств массовой информации.

Сведения о поступлении и расходовании средств политических партий и их зарегистрированных структурных подразделений являются публичными и размещаются на официальном сайте ЦИК. Публичны и общедоступны сводные финансовые

отчеты политических партий, которые содержат полную информацию обо всех источниках формирования партийных средств и произведенных расходах. С этими документами также можно ознакомиться на сайте Центризбиркома.

Данные из квартальной и сводной отчетности политических партий позволяют широкой общественности фактически из первых рук узнать о поступлении пожертвований на счета партий и их региональных отделений, хозяйственной деятельности и финансировании.

Публичность такой информации является неотъемлемой составляющей открытости и прозрачности избирательного процесса [7].

Ряд исследователей, научных работников обращают внимание, что избирательное законодательство предусматривает только государственный контроль финансирования избирательного процесса и указывают именно на введение общественного контроля наряду с государственным. Международный опыт использования общественного контроля на выборах дает возможность проанализировать реальное отечественное состояние его применения. Независимо организованная и наделенная необходимыми полномочиями общественная структура контроля может позитивно влиять на качество государственного управления, принятии решений и их исполнение при условии владения детализированными полномочиями, особенно при доступе к информации, которые касаются источников финансирования, финансов избирательных фондов партий и кандидатов.

К функциям общественного контроля финансирования избирательного процесса необходимо отнести следующие:

- обеспечение своевременного, полного и достоверного информирования общества про источники формирования избирательных фондов партий, кандидатов;
- использование денежных средств по данным избирательным фондам, их опубликование;
- принятие участия в обучении распорядителей избирательных фондов;

– внесение в органы государственной власти предложений, касающихся открытости финансирования избирательного процесса.

Необходимо отметить, что общественный контроль является серьезной силой для того, чтобы общество начало активно действовать и преодолевать такое явление, как политическое безразличие. Повышение эффективности и объективности общественного контроля постепенно сможет вернуть авторитет народа, а власть в свою очередь будет решать социальные проблемы, а не проблемы политических элит.

Выводы. Подводя итоги, можно констатировать значительный прогрессивный динамизм изменений в национальном избирательном законодательстве. Для становления избирательной системы Украины важным является закрепление и практическое осуществление принципа гласности и открытости.

Список использованной литературы:

1. Избирательное право Российской Федерации : [учебник для магистров] / под ред. И.В. Захарова, А.Н. Кокотова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2012. – 411 с.
2. Гласность и открытость выборов, альтернативность выборов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://studopedia.ru/10_156061_glasnost-i-otkritost-viborov-alternativnost-viborov.html.
3. Про вибори народних депутатів України : Закон України від 17 листопада 2011 р. № 4061-VI // Відомості Верховної Ради України. – 2012. – № 10–11. – Ст. 73. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/4061-17>.
4. Международный пакт о гражданских и политических правах выборов [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml.
5. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.psychepravo.ru/law/int/konvenciya-o-zashhite-pravcheloveka-i-osnovnyh-svobod.htm>.

6. Избирательное право в России и в зарубежных странах : [учебное пособие] / [Г.Н. Андреева, И.А. Старостина] ; под ред. А.А. Клишаса. – М. : Норма, 2010. – 592.

7. Открытость и прозрачность избирательного процесса: финансовая составляющая [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://kurgan.bezformata.ru/listnews/izbiratelno-go-protcessa-finansovaya/6665380/>.

LIAISON OF ASYMMETRIC NATURE OF TERRORISM WITH MODERN GLOBALIZATION PROCESS

Roksolana FEDYNETS,

PhD student

National Aviation University
Institute of International relations

Summary

The international legal factors of asymmetries in the international economic law as a cause of the spread of the phenomenon of terrorism are analyzed in the article. International Economic Law really does not meet the challenges of international economic relations the subject of its direct control. The main objects of rule-making and enforcement efforts in international law have been and remain performers and members of armed conflict. While the causes of such conflicts and aggravation (asymmetry of international economic relations caused by disregard of international economic law, activities of TNCs, failure of fundamental principles of international law, which are intended to establish a fair international economic order) remain to be outside the legal field.

Key words: international economic law, international economic relations, globalization, armed conflict, terrorism.

Аннотация

В статье анализируется явление асимметрии в международном экономическом праве как фактор распространения феномена глобального терроризма. Современное международное экономическое право не способно отвечать на вызовы международных экономических отношений, которые является непосредственным предметом его (права) регулирования. Основными объектами нормотворчества и правоприменения в области международного экономического права были и остаются исполнители террористических актов. В то же время причины возникновения очагов терроризма и обострения социально-экономического фона для возникновения таких очагов (асимметрия в системе международных экономических отношений, вызванная несоблюдением норм международного экономического права, деятельность ТНК, игнорирование основополагающих принципов международного права, которые предназначены для установления справедливого международного экономического порядка) остаются за пределами правового поля.

Ключевые слова: международное экономическое право, международные экономические отношения, глобализация, вооруженный конфликт, терроризм.

Problem formulation. Our world today has entered into the era of globalization. We often hear about “the era of globalization” thus we should ask questions about what “the era of globalization” does really mean and what are the consequences of the globalization processes. Why globalization is a factor of unequal economic exchange, creating asymmetry in international economic relations? How to respond to this asymmetry in international economic law? And the most important question is where the impact of globalization will bring us?

Relevance of the topic is caused by the increasing problem of global terrorism and necessity of searching ways to stop it.

The aim of article research is to study international legal factors of asymmetries in the international economic law as a cause of the spread of the phenomenon of terrorism.

The presentation of the main research material. Globalization means also politicization of the modern world [5, p. 60]. It enables the processes that probably always been present in capitalism, however, while it (capitalism) restrained the social democratic state, they were invisible. The trends observed

in the global economic space are conflictogenic by its nature. In particular, large companies, especially those scale of which can be described as “global”, international, play an advanced role in organizing the economy and society as a whole, as they can (and successfully do it) deprive society of its material resources (capital, jobs).

Some scientists understand the processes of globalization as the institutionalization of modern market [7, p. 97]. There is a process of market restructuring, and aggravated distribution of power and inequality between people. At the same time increasing asymmetry and contradictions in the world system produce global conflict. Currently time we are witnessing a new economic space – the space of the global market.

Other scientists, speaking about globalization, tell about the fact that humanity has survived a century of international politics when states dominated on the international arena [3, p. 17]. Now the era of post international policy has come when public authorities should share the global arena with the power of international organizations, transnational corporations, political movements [2, p. 98].

Polarization is observed in the global system and, therefore, we observe increasing and worsening of conflicts, as the world system generates incredible wealth, but also an incredible poverty at the same time. These processes are such that polarize the world and produce protest moods and asymmetry in the world system. Such asymmetry in the world economy stands as a determinant of aggravation of the socio-political situation in the most vulnerable regions. Social tensions in most vulnerable regions, therefore, finds its extreme expression in the protests, including armed conflicts and acts of terrorism.

It is important that these transitions occur within the norms of international economic law, which is not able to respond to the changes in the international economic relations.

International law (UN Charter) determines the state to be the main subjects of international law and ignores the fact that in modern international economic relations will and legal powers of states are limited by large multinationals who being de facto subjects of international economic relations, are not legally embodied as the subjects of international economic law.

Today the main result of globalization is that states more than ever are tied together. Globalization has arisen under certain conditions in international politics, it is a consequence of such relations between states, that allow creating, developing and maintaining relationships outside national public authorities [1, p. 346].

International law promotes convergence of states and puts this process on the purpose. The Charter of Economic Rights and Duties of States, a document which was intended to form international framework for regulating economic relations of modern states, tells, inter alia, that the United Nations General Assembly takes note of "the need to create conditions that would achieve further expansion of trade and intensify economic cooperation between states" [11].

Today, this cooperation is the key not only to good relations between states, but in fact – to the existence of states. It is believed that the world economy is one of the most important phenomena of our time, which affects the development of our civilization [6, p. 111].

One of the negative consequences of globalization is growing differences in development between rich and poor countries. "Asymmetry that exists in relation to the degree of regulation of services in different countries, the special needs of developing countries for the implementation of <...> law, namely <...> a system of principles and rules for trade in services with a view to expanding such trade to the conditions of transparency and progressive liberalization and as a means of economic growth of all trading partners and the development of developing countries" – is recognized by the World Trade Organization in the Preamble of the General Agreement on Trade in Services [8]. The mechanism to overcome this asymmetry is contained in WTO documents, but it is apparently ineffective, because in practice it (asymmetry) exists and progresses.

International law declares the principles of equality between states, but they exist only de jure, while de facto principles are not working. United Nations General Assembly at its 39 session in resolution "Strengthening of trust in international relations" announced its belief that "sustainable global development is impossible

without improving the economic situation in developing countries, which also depends on the restructuring of international financial and trading system and the consolidation of trust among all countries and their economic relations" [10]. However, the world economy, the financial system today are equipped so that improvement of economic situation in developing countries is not happening. The deterioration of social and economic development levels and the constant and growing deterioration of living standards creates conditions for the emergence and escalation of armed conflict in which terrorist segment is growing.

The asymmetry in international economic relations emerged through large-scale development of transnational production (transnational corporations) is a new era of production, which is not effectively regulated by international law.

Because of globalization process increases economic factor of unequal exchange, criminal activities of TNCs which creates asymmetry in international economic relations, that finds its utmost expression in protest movements and terrorist crimes.

The asymmetry in international economic relations is manifested in the fact that on the one hand there is economic growth, technological development and social progress, but on the other hand such transnationalization of production limits the sovereignty of the state in which there are major divisions of multinationals which have their headquarters in United States, Japan and other major industrialized countries.

Corporations act according to their interests, ignoring the needs and policies of receiving states and repatriating earnings, refusing to reinvest them. This leads to the impoverishment of economies, depletion of potential of local labor sources and natural resources. Often, within existing norms of international economic law, multinationals close its subsidiaries and production is transferred to more favorable economic environment. Such actions usually lead to sharp changes in the economic situation in the area, to poverty and outflows or terminates the funding. Hence unemployment, social insecurity of the population that is the cause of protests, strikes, general dissatisfaction of the population, which in turn provides a fertile ground for the emergence of social

tension, resulting in armed conflicts, including terrorism.

International law is actually not responding to such asymmetry and is not objectively able to do so in the absence of the required standards.

In theory, international law has no clear opinion on whether multinationals are considered as subjects of international law. Post-Soviet school of international law is inclined to think that the state is the only and full subject of international law. However, it is today the main actors of international life (the states) are the subject to harassment made by transnational corporations. It most often occurs in the plane of relations: a poor country is a subsidiary of the transnational giant.

In modern conditions of strengthening international order, transnational's status must be resolved from a legal point of view. The problem here is the specificity of the TNC, the essence of which is to ensure that TNCs do not fall under the jurisdiction of individual countries respectively, the activities of TNCs can't be regulated by national law, as subsidiaries of the latter may be scattered around the world. Departments multinationals, which are typically separate legal entities are subject to the domestic law of those states where they are. However, the activities of transnational corporations because of their organizational structure is not subject to legal regulation of individual states and therefore is not governed by international private law. The point of view of scientists that "the national government has the necessary funds to influence all the activities of modern TNCs, since their operations beyond its competence and, in addition, TNCs often have a much greater economic power than the individual states" is correct [9, p. 60].

Among international legal acts regulating the activities of TNCs as special subjects of international law, integrated regulation of various aspects of such corporations is provided by the Policies for multinational companies – the addition to the Declaration on International Investment and Multinational Enterprises 1976 (as amended 2000) which was adopted in the OECD. However, the said document is not universal. A Code of Conduct for TNCs developed within the UN, including the remaining project, was not adopted. That is, the existing

regulations of international law are only declaratory in nature is lack of the mechanism for implementing legal norms.

In 2003, the Commission on Human Rights approved the draft of Convention "Norms of responsibility of transnational corporations", which relied on TNCs the same obligations as on the state. Under the Convention, corporations should refrain from environmental pollution and human rights violations and follow the rules of fair business. But as of today the project has not received a legally binding convention as international legal document.

Therefore, the activities of transnational corporations partly flows outside regulation of international private and public international law.

The problem that has arisen today in international law is that – International Law doesn't see the economic component of armed conflicts and acts of terrorism. Terrorist result of social conflicts between developed countries and the countries of the so-called third world caused by globalization of economic processes and their consequences (activities of transnational corporations outside the legal field) is an expression of the asymmetric system of modern international economic relations [4, p. 290].

Conclusion. International Economic Law really does not meet the challenges of international economic relations is the subject of its direct control. The main objects of rule-making and enforcement efforts in international law have been and remain performers and members of armed conflict. While the causes of such conflicts and aggravation (asymmetry of international economic relations caused by disregard of international economic law, activities of TNCs, failure of fundamental principles of international law, which are intended to establish a fair international economic order) remain to be outside the legal field.

The solution to these problems by legal instruments, namely through international economic law, is seen, above all, with the completion and adoption of the Code of Conduct for TNCs with the resolution of General Assembly. However, this is only half of the way. The part of the complex problem of low efficiency (of regulation modern economic relations by international economic law) is declarative nature of

the provisions of the international law main sources. That is, even the adoption of the UN Resolution Code will not ensure observance of its provisions. Effective would be the working out and adoption of the Declaration on the Rights and Duties of States in their relations with transnational corporations, as well as the development and adoption of the declaration based on a specific additional agreements that would be legally binding and would be intended to protect those countries, suffering from unregulated activities of TNCs. It appears that only the transformation of existing sources of international economic law in international agreements and compulsory introduction of sanctions for their violation can be a real step towards solving the problem of asymmetric conflict in contemporary international (including economic) relations. Resolving such conflicts by liquidating legal basis for the emergence of social tension, which today is the root cause of outbreaks of protest movements and terrorist crimes is the only possible way.

References:

1. Gilpin R. Global political economy understanding the international economic order / R. Gilpin. – Himayatnagar : Orient Longman, 2003. – 423 с.
2. Rosenau J. Distant Proximities: Dynamics Beyond Globalization / J. Rosenau. – Princeton : Princeton University Press, 2003. – 456 с.
3. Rosenau J. Turbulence in World Politics / J. Rosenau. – NY : Brighton, 1990. – 297 p.
4. Антипенко В.Ф. Конфликтология в международном антитеррористическом правотворчестве : [монография] / В.Ф. Антипенко, А.В. Антипенко. – О. : Феникс, 2014. – 395 с.
5. Бек У. Что такое глобализация / У. Бек. – М. : Прогресс-Традиция, 2001. – 304 с.
6. Богомолов О.Т. Мировая экономика в век глобализации : [учебник] / О.Т. Богомолов. – М. : Экономика, 2007. – 359 с.
7. Валерстайн И. Конец знакомого мира / И. Валерстайн. – М. : Логос, 2004. – 368 с.
8. Додаток 1В до Генеральної угоди з торгівлі послугами [Electronic resource]. – Access mode : <http://www.wto.kz/documents/Files/rus/pril1%D0%92.pdf>.

www.wto.kz/documents/Files/rus/pril1%D0%92.pdf.

9. Погорецька Н.В. Щодо правового регулювання транснаціональних корпорацій / Н.В. Погорецька. // Юрист України. – 2013. – № 4.

10. Резолюція № 39/226 : документ ООН від 1984 р. [Electronic resource]. – Access mode : <http://www.un.org/ru/ga/39/docs/39res.shtml>.

11. Хартія економічних прав та обов'язків держав ООН : документ ООН від 1974 р. [Electronic resource]. – Access mode : http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/995_077.

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕКРАЩЕНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА ОСНОВАНИИ НАЦИОНАЛИЗАЦИИ

Олеся ХАРЧЕНКО,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры интеллектуальной собственности
Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

Summary

In a scientific article analyzes some problems of enshrined in legislation of Ukraine of such grounds for termination of property rights, as nationalization. Reviewed considered the situation of the current legislation relating to the termination of property rights in connection with the public necessity, the needs of the state in a state of martial law, and the law of sanctions in order to analyze the proposed bases and fields of application nationalization. The main attention is paid to the analysis of regulations aimed at resolving the relationships nationalization.

Key words: nationalization, public necessity, property, compulsory acquisition.

Аннотация

В статье проведен анализ отдельных проблем закрепления в законодательстве Украины такого основания прекращения права собственности, как национализация. Рассмотрены положения действующего законодательства, касающиеся прекращения права собственности в связи с общественной необходимостью, нуждами государства в состоянии военного положения, а также законодательство о санкциях с целью анализа предлагаемых оснований и сфер применения национализации. Основное внимание уделено анализу проектов нормативно-правовых актов, направленных на урегулирование отношений национализации.

Ключевые слова: национализация, общественная необходимость, собственность, принудительное отчуждение.

Постановка проблемы. Прекращение права собственности всегда сопряжено с соблюдением прав и интересов собственника, обеспечением баланса интересов государства, общества и отдельного индивида. В связи с этим расширение закрепленных в законодательстве Украины оснований прекращения права собственности, в частности, на основании национализации, представляет особый интерес для научных исследований. При этом в период нахождения Украины в составе СССР именно национализация стала основным способом установления господствующего социалистического типа собственности, однако процедуру, применяемую тогда, нельзя назвать такой, которая обеспечивала соблюдение интересов всех ее участников. Сегодня национализация применяется в ряде стран мира. В первую очередь это касается тех отраслей или производств, которые требуют долгосрочных вложений или пострадали от стихийного бедствия, или просто стали нерентабельными, в то время как у общества есть необходимость в их продукции, или если их существование позволяет обеспечить большое количество рабочих мест [1].

Актуальность темы исследования обусловлена в первую очередь тем, что в действующем законодательстве

Украины национализация не закреплена в законодательстве, но законодательская работа в этом направлении продолжается достаточно длительное время. В законодательстве Республики Молдова национализация как основание прекращения права собственности также не предусмотрена, но, к примеру, в случае общественной необходимости может быть произведена экспроприация (ч. 2 ст. 337 Гражданского кодекса Республики Молдова, Закон Республики Молдова «Об экспроприации для общественно-полезных целей» [2; 3]). Согласно ст. 1 указанного закона под экспроприацией понимается передача имущества и имущественных прав из частной собственности в публичную, передача государству имущества, находящегося в публичной собственности административно-территориальной единицы либо уступка государству или административно-территориальной единице имущественных прав в целях производства общественно-полезных работ национального или местного значения в соответствии с законом после справедливого и предварительного возмещения ущерба. Этим законом определены объекты, процедуры и другие положения, которые обуславливают отношения, с ней связанные. К примеру, как следует из ст. 21 этого закона, в отступление от процедур, указанных

в настоящем законе, в случае чрезвычайного, осадного или военного положения экспроприация осуществляется в экстренном порядке в соответствии с процедурами, предусмотренными законодательством.

Украинское законодательство также содержит нормы, регулирующие отношения прекращения права собственности в связи с общественными нуждами или общественной необходимостью. Так, Закон Украины «Об отчуждении земельных участков, иных объектов недвижимого имущества, на них размещенных, которые находятся в частной собственности, для общественных нужд или общественной необходимости» регулирует отношения, связанные с таким выкупом, в том числе для обеспечения национальной безопасности и обороны (в частности, ст. 8, ст. 15 указанного закона) [4]. Следует обратить внимание и на положения Закона Украины «О правовом режиме военного положения» [5]. В частности, согласно ч. 1 ст. 8 указанного закона среди иных мер правового режима военного положения предусматривается возможность принудительного отчуждения имущества частной или коммунальной собственности, изъятия имущества государственных предприятий, государственных хозяйственных объединений для нужд государства в

условиях правового режима военного положения в установленном законом порядке, а также выдачи об этом соответствующих документов установленного образца. Статья 23 закрепляет положения о возмещении ущерба, причиненного во время введения военного положения, или возвращении сохранившегося имущества.

Исходя из изложенного, целью статьи является анализ законодательных и научных подходов к закреплению национализации в законодательстве Украины. При написании статьи были использованы такие методы проведения научного исследования, как историко-правовой, формально-юридический, сравнительно-правовой, логико-юридический.

Изложение основного материала. Несмотря на закреплённость в законодательстве Украины положений, связанных с отчуждением в связи с общественными и государственными потребностями или необходимостью объектов права частной собственности, интерес законодателя к национализации не угасает. В разные периоды были разработаны законопроекты, каждый из которых вызвал ряд замечаний и предложений, но сама идея закрепления национализации как основания прекращения права собственности находит своих сторонников и сейчас. В частности, проект Закона Украины «О порядке принудительного отчуждения объектов права частной собственности в собственность государства (национализации)» был поддан критике и отправлен на доработку, в том числе из-за закреплённой в нем возможности осуществления национализации по мотивам общественной необходимости без раскрытия этого понятия в контексте этого проекта, без такого признака ее проведения, как исключительность; не соответствовал ч. 5 ст. 41 Конституции Украины предлагаемый в ст. 9 проекта порядок выплаты компенсации, согласно которому разрешается «в случае, если средств на проведение национализации, предусмотренных Государственным бюджетом Украины на соответствующий год, не хватает для выплаты компенсации в полном размере, на невыплаченную сумму собственности объекта национализации выдаются государственные долговые обязательства в границах определенного законом

предельного размера государственного внутреннего долга на соответствующий год». Проект не содержал объективных экономических критериев для определения случаев, когда проведение национализации необходимо. Круг лиц, которые имеют право на возмещение стоимости при национализации, не был четко определен [6]. Не выделены были также цель и конкретные основания национализации.

Законопроект «О порядке изъятия объектов права частной собственности в собственность государства и собственность территориальной общины (национализацию)» [7] был отклонен. В этом законопроекте были как позитивные моменты, так и недостатки. К примеру, в нем была четко закреплена исключительность применения национализации как основания прекращения права собственности (ст. 1 законопроекта); указывалось, в чем именно состоит общественная необходимость (по тексту проекта – общественная нужда) принудительного отчуждения объектов права частной собственности. При этом следует подчеркнуть, что не во всех указанных в проекте случаях должна была применяться именно национализация. Имели место также недостатки терминологии, определения стоимости объектов национализации, ее возмещения и момента возникновения права государственной собственности на такой объект.

В объяснительной записке к проекту Закона Украины «О возвращении имущества базовых отраслей национальной экономики, которые находятся в собственности граждан и юридических лиц, в собственность государства (национализацию)» [8; 9] акцентируется внимание на исключительности такого основания прекращения права собственности, как национализация, что соответствует содержанию ст. 41 Конституции Украины. При этом в самом законопроекте этот принцип закрепления не нашел. Анализ положений этого проекта закона представляет научный интерес, несмотря на то, что он был отозван, так как иллюстрирует тенденции законопроектной работы по расширению оснований прекращения права собственности. Так, согласно ст. 1 этого проекта национализация – это принудительное отчуждение частной собственности (земли, ее недр,

фабрик, заводов, шахт, банков и т. д.) в собственность общества или государства. Возникает вопрос о том, что означает альтернативность перехода в собственность общества или государства. Анализ содержания ст. ст. 2, 4 проекта, касающихся отношений, которые регулировались бы этим законом, и сферы его действия свидетельствует о возникновении именно государственной собственности. При этом в проекте применяется термин «собственность Украинского народа» (ст. ст. 1, 7, 9, 10). Согласно ст. 13 Конституции Украины субъектом права собственности на землю признается и Украинский народ (как согласно ст. 319 Гражданского кодекса Украины). Право собственности приобретает и реализуется гражданами, юридическими лицами и государством исключительно согласно закону. Такое формулирование повлекло за собой возникновение разных точек зрения относительно вопроса отнесения Украинского народа к субъектам права собственности. Распространенной является мысль, что народ не может выступать собственником или субъектом права собственности, поскольку он вообще не признается доктриной гражданского права субъектом гражданских правоотношений, что народ – это социально-политический субъект [10, с. 79–80]. Я.Н. Шевченко подчеркивает, что отнесение понятия «народ Украины» к субъектам права собственности не соответствует современному развитию товарно-денежных отношений в мире, является результатом эмоционального всплеска, а не результатом анализа реального участия лиц в гражданском обороте [11, с. 4–6]. В любом случае закон не может создавать основу для возникновения неопределенности при применении его положений, а потому должен быть четко определен субъект возникновения права собственности на объекты национализации, и им, как кажется, должно быть государство, обязанное действовать от имени народа (что соответствует содержанию ч. 2 ст. 324 Гражданского кодекса Украины), тем более возникновение права собственности у общества не предусмотрено действующим законодательством Украины.

Продолжая рассмотрение законопроекта, следует обратить внимание на то, что в ст. ст. 5, 6 проекта, как и

в предыдущем законопроекте [7], закреплен принцип осуществления национализации по мотивам общественной необходимости; из содержания ст. 6 проекта следует, что это понятие применяется в значении, соответствующем Конституции Украины. При этом большая часть оснований для национализации, закрепленных в ст. 7 проекта, или противоречат принципу исключительности принудительного отчуждения объектов права частной собственности, закрепленному ст. 41 Конституции Украины, либо к ним должны применяться иные правовые механизмы прекращения права собственности, а не национализация. В частности, объявление имущества общим достоянием Украинского народа как основание национализации противоречит ч. 1 ст. 167 Гражданского кодекса Украины, согласно которой государство действует в гражданских правоотношениях на равных правах с другими участниками этих отношений и не содержит признаков общественной необходимости; ряд оснований, связанных с приватизацией (приватизация государственных предприятий с нарушением действующего законодательства или по явно заниженной стоимости, нарушение условий приватизационных сделок, в том числе обязательств осуществить инвестиции в предприятие, сохранить его профиль) должны применяться в пределах действия гражданского законодательства, как, к примеру, признание сделки недействительной, и соответствующие рекомендации могут быть разработаны в форме законопроектов для внесения изменений в приватизационное законодательство, а не включаться к нормам о национализации.

Статьи 8–10 проекта посвящены объектам исключительной собственности Украинского народа, буквальное применение предлагаемой редакции ст. 8 проекта могло бы привести к отнесению слишком широкого перечня объектов к числу таких, которые могут быть национализированы. К тому же объекты исключительной собственности Украинского народа, перечисленные в ст. 9 проекта (земля, ее недра, атмосферный воздух, водные и иные природные ресурсы, находящиеся в пределах территории Украины, природные ресурсы ее континентального шельфа и исключительной (морской) экономической

зоны), перечень которых не является исчерпывающим, согласно ст. 10 проекта определены как имущество, исключенное из рыночного гражданского оборота, приватизация которых запрещена. В статье 11 проекта отмечается: «Приватизированные объекты, составляющие фонд общего достояния Украинского народа, а также объекты исключительной собственности Украинского народа подлежат национализации – возвращению в собственность Украинского народа согласно с законами Украины».

Однако недра, атмосферный воздух, ряд других объектов не передаются в частную собственность в Украине (к примеру, ст. 4 Кодекса Украины о недрах). При этом земля в пределах, определенных законодательством, лесные и водные объекты в частную собственность передаются (ч. 3 ст. 78, ч. 2 ст. 79 Земельного кодекса Украины), в частности, путем приватизации, а в исследуемом проекте фактически предлагали запретить их передачу в частную собственность и вернуть их в государственную собственность. Такое предложение не может не вызывать проведения параллели с массовостью национализации после Октябрьской революции (к примеру, правительство советской Украины на протяжении февраля 1918 г. провело национализацию банков, значительного количества заводов, фабрик и шахт, передало крестьянам около 23 млн десятин помещичьих и куркульских земель). В общем же в конце 1920 г. в Украине было национализировано более 11 тыс. промышленных предприятий, на которых работало около 82% всех занятых в промышленности работников, что свидетельствует о фактическом создании социалистического сектора экономики [12, с. 27–34]. Признавая существование разных позиций о целесообразности или нецелесообразности передачи в частую собственность природных ресурсов, существующие приватизационные проблемы в Украине, следует подчеркнуть, что как минимум национализация ранее приватизированных объектов (к примеру, земельных участков) потребует существенных расходов государственного бюджета.

Согласно ст. 16 проекта отказ от права собственности на имущество, которое национализируется, изменение собственника (собственников),

признание собственника-гражданина безвестно отсутствующим, а также реорганизация, ликвидация, несостоятельность (банкротство) собственника – юридического лица не являются основаниями для остановки процесса национализации. Такая норма не соответствует ряду положений гражданского законодательства. Например, насчет отказа от права собственности (ст. ст. 335, 336, 347 Гражданского кодекса Украины) необходимым является завершение процедуры отказа, оформления права собственности на такой объект, который стал бесхозным в установленном порядке; относительно имущества лица, признанного безвестно отсутствующим, необходимо установление опеки над имуществом такого физического лица, соблюдение опекуном соответствующих функций (ст. 44 Гражданского кодекса Украины).

Законопроект «О национализации имущества в Украине страны агрессора и ее резидентов» [13] определяет национализацию имущества в Украине государства-агрессора и ее резидентов как принудительное изъятие объектов права собственности государства-агрессора и объектов права частной собственности на нее резидентов по мотивам общественной необходимости в пользу государства в порядке, установленном законом. Основанием для такой национализации имущества определено принятие Верховной Радой Украины в соответствии с Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН «Определение агрессии» от 14 декабря 1974 г. № 3314 постановления о признании иностранного государства государством-агрессором [14]. Согласно этому законопроекту национализация объектов права собственности в Украине государства-агрессора осуществляется без последующего возмещения стоимости имущества и имущественных прав государства-агрессора. В то же время возмещение стоимости объектов права частной собственности резидентов государства-агрессора будет осуществляться после окончания агрессии, зафиксированного в соответствующем международно-правовом акте, на основании двустороннего межгосударственного договора. Указанный законопроект был отклонен и снят с рассмотрения, а проект Закона «О национализации имущества Российской

Федерации и ее резидентов» № 2678 [15], фактически идентичный по содержанию, находится на рассмотрении в профильном комитете. При этом следует согласиться с мнением главного научно-экспертного управления, готовившего выводы на эти законопроекты в части того, что принятие соответствующего закона будет иметь своим результатом действие его положений параллельно с санкциями, определенными Законом Украины «О санкциях». Как следует с указанных выводов, эти законы касаются регулирования одних и тех же общественных отношений, а потому в случае принятия проекта может возникнуть ситуация «альтернативности» применения законодательных норм разных законов к одной и той же правовой ситуации, что вряд ли будет содействовать их эффективной реализации [16; 17]. Вместе с тем не кажется убедительной позиция, закрепленная в указанных выводах, о целесообразности внесения положений о национализации в качестве санкции в Закон Украины «О санкциях» [18].

Выводы. Видение национализации в качестве санкции (даже при аналогии с конфискацией) выглядит весьма дискуссионным, не только исходя из самой природы национализации, но и из перспектив потери инвестиционной привлекательности страны, в законодательстве которой такая санкция будет закреплена. Возможные негативные экономические последствия закрепления национализации в законодательстве Украины стали одной из основных причин отклонения законопроекта [13]. Что касается санкций, то Законом Украины «О санкциях» определен их неисчерпаемый перечень, и вопрос стоит скорее об усовершенствовании механизма и повышении эффективности их применения, чем о дополнении его положений нормами о национализации. Национализация как основание прекращения права собственности может занять свое место в законодательстве Украины среди других оснований прекращения права собственности, ведь в ряде иностранных государств это содействует развитию отдельных отраслей экономики при условии соблюдения системности соответствующего нормотворческого процесса и обеспечения конституционных гарантий права собственности.

Список использованной литературы:

1. Право собственности в Украине / под ред. Я.Н. Шевченко. – К. : Блиц-Инфор», 1996. – 318 с.

2. Гражданский кодекс Республики Молдова от 6 июня 2002 р. № 1107 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://lex.justice.md/ru/325085>.

3. Об экспроприации для общественно-полезных целей : Закон Республики Молдова от 8 июля 1999 г. № 488 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://lex.justice.md/viewdoc.php?action=view&view=doc&id=311674&lang=2>.

4. Про відчуження земельних ділянок, інших об'єктів нерухомого майна, що на них розміщені, які перебувають у приватній власності, для суспільних потреб чи з мотивів суспільної необхідності : Закон України від 17 листопада 2009 р. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://portal.rada.gov.ua>.

5. Про правовий режим воєнного стану : Закон України від 12 травня 2015 р. // Відомості Верховної Ради України. – 2015. – № 28. – Ст. 250.

6. Про порядок примусового відчуження об'єктів права приватної власності у власність держави (націоналізації) : проект Закону України № 3709 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.rada.gov.ua>.

7. Про порядок вилучення об'єктів права приватної власності у власність держави і власність територіальної громади (націоналізацію) : проект Закону України № 3709-1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.rada.gov.ua>.

8. Про повернення майна базових галузей національної економіки, що знаходяться у власності громадян і юридичних осіб, у власність держави (націоналізацію) : проект Закону України від 22 лютого 2011 р. № 8147 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc2_5_1_J?ses=10007&num=1&num=8147&date1=&date2=&name_zp=&out_type=&id=.

9. Про повернення майна базових галузей національної економіки, що знаходяться у власності громадян і юридичних осіб, у власність держави

(націоналізацію) : пояснювальна записка до проекту Закону України від 22 лютого 2011 р. № 8147 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc2_5_1_J?ses=10007&num=1&num=8147&date1=&date2=&name_zp=&out_type=&id=.

10. Шульга М.В. Актуальные проблемы правового регулирования земельных отношений в современных условиях : дисс. ... докт. юрид. наук : спец. 12.00.06 / М.В. Шульга. – Х., 1998. – 321 с.

11. Шевченко Я.М. Право власності в системі товарно-грошових відносин / Я.М. Шевченко // Правова держава. – К. : Наукова думка, 1993. – Вип. 4. – С. 4–6.

12. Право власності в Україні : [навчальний посібник] / [О.В. Дзера, Н.С. Кузнецова, О.А. Підпригора та ін.]; за заг. ред. О.В. Дзери, Н.С. Кузнецової. – К. : Юрінком Інтер, 2000. – 816 с.

13. Про націоналізацію майна в Україні країни агресора і її резидентів : проект Закону України від 31 березня 2015 р. № 2497 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=54588.

14. Про Звернення Верховної Ради України до Організації Об'єднаних Націй, Європейського Парламенту, Парламентської Асамблеї Ради Європи, Парламентської Асамблеї НАТО, Парламентської Асамблеї ОБСЄ, Парламентської Асамблеї ГУАМ, національних парламентів держав світу про визнання Російської Федерації державою-агресором : Постанова Верховної Ради України від 27 січня 2015 р. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://portal.rada.gov.ua>.

15. Про націоналізацію майна Російської Федерації та її резидентів : проект Закону України від 20 квітня 2015 р. № 2678 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=54838.

16. Висновок Головного науково-експертного управління від 8 квітня 2015 р. щодо проекту Закону України «Про націоналізацію майна в Україні країни агресора і її резидентів» від 31 березня 2015 р. № 2497 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=54588.

17. Висновок Головного науково-експертного управління від 24 червня 2015 р. щодо проекту Закону України «Про націоналізацію майна Російської Федерації та її резидентів» від 20 квітня 2015 р. № 2678 [Електронний ресурс]. – Режим доступа : http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=54838.

18. Про санкції : Закон України від 14 серпня 2014 р. // Відомості Верховної Ради України. – 2014. – № 40. – Ст. 2018.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ШЛЯХТЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВАЛЬНЫХ СЕЙМОВ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО И РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

Светлана ЦУШКО,

аспирант кафедры истории государства и права
Национального университета «Одесская юридическая академия»

Summary

The article deals with the Polish gentries' participation of Grand Duchy of Lithuania and Polish-Lithuanian Commonwealth in activity of Seimas of Lithuania – is the main representative state affair. The activation of the Polish gentry, as the leading political force of the Grand Duchy of Lithuania and Polish-Lithuanian Commonwealth in the second half of XVI – first half of XVII, is based on the preparation and participation in meetings of Seimas of Lithuania. As the leading political force, the Polish gentries' estate gets an opportunity to defend not only their rights and liberties, but also to govern the state, introducing at the meetings of the Seimas' proposals for the revision of existing and adoption of new laws. The attitude of the Polish gentries' to the Seimas of Lithuania, as the main affair of power, within the specified period, has served as support for state stability and incentive to improve the legislative basics of the Grand Duchy of Lithuania and Polish-Lithuanian Commonwealth.

Key words: Grand Duchy of Lithuania, Polish-Lithuanian Commonwealth, Seimas of Lithuania, Polish gentries (nobility), representation of the province and counties, representatives at the Seimas, Seimas' constitutions.

Аннотация

Статья посвящена исследованию участия шляхты Великого княжества Литовского и Речи Посполитой в деятельности главного представительного органа государства – вального сейма. Активизация деятельности шляхты как ведущей политической силы Великого княжества Литовского и Речи Посполитой во второй половине XVI в. – первой половине XVII в. находит свое отражение в подготовке и непосредственном участии в заседаниях сейма. Являясь ведущей политической силой, шляхетское сословие получает возможность не только защищать свои права и вольности, но и управлять государством, внося на заседаниях сеймов предложения по корректировке существующих и принятию новых законов. Отношение шляхты к вальному сейму как к главному институту власти послужило в указанный период опорой для государственной стабильности и стимулом для совершенствования законодательных основ Великого княжества Литовского и Речи Посполитой.

Ключевые слова: Великое княжество Литовское, Речь Посполитая, вальный сейм, шляхта, представительство воеводств и поветов, представители на сейме, Посольская изба, сеймовые конституции.

Постановка проблемы. Для Украинских земель, входивших в состав Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, вторая половина XVI в. – первая половина XVII в. стала временем, насыщенным политическими событиями, основным из которых является заключение в 1569 г. Люблинской унии и образование Речи Посполитой. Указанный период для политически активной части населения Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ) и Речи Посполитой (далее – РП) – шляхетского сословия – стал веком, когда шляхта сыграла роль ведущей политической силы, под непосредственным влиянием которой осуществлялась корректировка политического курса страны.

Актуальность темы исследования. Историческая ценность политических событий второй половины XVI в. – первой половины XVII в. обусловлена тем вкладом в развитие исторического опыта политического представительства, который осуществила шляхта ВКЛ и РП в ходе ее участия в деятельности представительных органов. Непосредственный интерес в рассмотрении данного вопроса представляет изучение деятельности шляхты, принимавшей участие в функционировании поветовых сеймиков и вальных сеймов в составе Посольской избы – палаты депутатов от местных органов самоуправления ВКЛ и РП.

Состояние исследования. Характеристика деятельности представи-

тельных органов ВКЛ и РП наиболее подробно дана в фундаментальных исследованиях российских и польских ученых, в том числе М. Любавского, Ф. Леонтовича, И. Лаппо, Ю. Бардаха, О. Бальцера, С. Кутшебы и других. Однако работы упомянутых российских авторов, в совокупности достаточно полно воссоздавая историю развития представительных органов ВКЛ, мало внимания уделяют польской стороне указанной проблематики. В свою очередь, в публикациях подавляющего большинства польских историков внимание акцентируется на деятельности шляхты и развитии представительных институтов собственно польских земель, тогда как ВКЛ и украинским землям Речи Посполитой уделяется крайне незначительное внимание.

Особый интерес в контексте затронутой проблематики представляют работы современных украинских и белорусских исследователей О. Винниченко, П. Кулаковского, М. Крикуна, П. Лойко, В. Подолинского, А. Радомана и других. Однако исследования упомянутых авторов большей частью ограничены рамками отдельных воеводств и уездов ВКЛ и РП.

Таким образом, среди публикаций, посвященных участию политически активного сословия – шляхты ВКЛ и РП – в функционировании представительных институтов государства, отсутствует синтетическое исследование деятельности политической элиты литовско-польского периода украинской истории, территориальные и временные рамки которого не ограничены только ВКЛ или Польской Короной, а включают характеристику деятельности представительных институтов обоих государств до и после образования РП.

Целью статьи является исследование участия шляхты ВКЛ и РП в подготовке и в деятельности высшего представительного органа власти – вального сейма.

Изложение основного материала. Предваряя анализ документальных источников, характеризующих деятельность литовско-польских вальных сеймов, выполним краткий обзор истории развития польских сеймов до Люблинской унии, послуживших в силу исторической

общности ВКЛ и Польской Короны непосредственным образцом для организации представительных органов Великого княжества Литовского.

Со времен восхождения на престол Болеслава III в старой Польше начали функционировать вальные сеймы (*sejmy walne*), занимавшиеся рассмотрением общегосударственных проблем. В состав вальных сеймов входили воеводы, принадлежавшие к кругу советников короля – его радные паны [19, с. 73]. Обсуждение вопросов государственной важности происходило первоначально на заседаниях польских сеймов под непосредственным руководством монарха, причем мнения панов радных не имели решающего значения [16, с. 123–126].

Вальные сеймы созывались королем по мере необходимости, и их компетенция не была формально закреплена, а зависела от воли и решений монарха. С момента издания Кошицкого привилея 1374 г. обязательному рассмотрению на вальных сеймах стали подлежать все дела, связанные с налогами [19, с. 24–25]. Выборы королей также осуществлялись на вальных сеймах, носивших название элекционных (*kunwokacze generalne*) [20, с. 124]. Впоследствии компетенция вальных сеймов все более расширялась, распространяясь на такие сферы, как издание, редакция и отмена сеймовых конституций, вопросы внешней политики, назначение податей и прочие дела общегосударственной важности. Рассмотрение этих дел, согласно Конституции 1496 г. и Конституции 1505 г., которые окончательно закрепили законодательные полномочия за шляхетскими представителями вального сейма, должно было осуществляться «*ex consensu regis, senatorii et equestris ordinum*» (с общего согласия короля, сенаторов и земских послов) [19, с. 113, 136].

Если изначально решение дел на сеймах осуществлялось по принципу мажоритарности (*per pluralitatem votorum*), то в период правления Сигизмунда I полномочия шляхетского «кола» усилились с введением в 1507 г. принципов единогласия и «*liberum veto*» (*unanimitate votorum et liberum veto*), когда заседание целого сейма могло быть сорвано отрицатель-

ным голосом (*nie pozwalam*) единственного посла [19, с. 163, 270; 20, с. 5, 11, 89].

В свою очередь, относительно истории становления вальных сеймов на землях Великого княжества Литовского можно отметить, что в XV в. на Волыни и других украинских землях местные землевладельцы собирались для решения различных административных вопросов на съезды-соймы. Для состава областных сеймов ВКЛ определяющим был не сословный принцип, а вечевой. Так, в частности, на Волыни и прочих украинских землях, входивших в состав ВКЛ, собрание областного сейма проходило в составе панов радных (заседавших на двух «лавицах» старших и меньших панов) и «посольства», также разделенного на две части: «мужей старых» и «мужей меньших». Большинство заседателей, к которому относились «младшие мужи», «чинили раду» (рассматривали вопросы повестки дня), в то время как меньшинство, «старые мужи» «науки им давали», то есть сообщали им сведения о местных обычаях, по которым решались дела на сейме [9, с. 245; 10, с. 69].

Еще один вид сеймовых собраний ВКЛ уходит корнями в XV в. – сеймы панов радных Великого княжества Литовского. В источниках этого периода можно встретить частые упоминания о группе лиц, в присутствии которых подписывался тот или иной акт: «при всех старших панах», «а при том была рада наша» и др. Практика созыва такого рода сеймов стала наиболее частой в период царствования Казимира Ягеллона (великого князя литовского и одновременно польского короля), то есть тогда, когда назревала необходимость решения внутригосударственных проблем ВКЛ в отсутствие монарха. Наряду с областными сеймами и сеймами панов радных в удельный период в ВКЛ собирались межобластные сеймы (съезды) великих и удельных литовских князей. На таких сеймах повестка дня состояла из вопросов, актуальных для нескольких или всех областей ВКЛ [9, с. 248].

В отличие от М. Любавского [11], который считал первым вальным сеймом Великого княжества Литовского сейм, состоявшийся в 1401 г.,

М. Довнар-Запольский [5, с. 454–498], Ф. Леонтович [9, с. 251] и другие ученые сходятся во мнении, что первым общегосударственным сеймом ВКЛ был сейм, созданный в 1492 г. в Вильно и состоявший из представителей не одной Литвы, а и «старших» делегатов от лица прочих областей-аннексов [1, с. 115].

Первоначальный состав вальных сеймов ВКЛ определялся монархом и его радой, а созывались участники сейма приглашениями. Так, в 1492 г. на сейм были приглашены «старшие» представители в количестве 10–20 человек от земель [1, с. 116]. Число и состав этих представителей были отданы на усмотрение местных феодалов. При созыве следующего вального сейма (Вильно, 1512 г.) монархом было издано распоряжение для поветов созвать местные сеймики для избрания послов на общий сейм с приданием этим послам «суполной мощи» при решении предложенных сейму вопросов. На сеймы 1534 г. и 1538 г. посылались уже депутаты из шляхты по выбору местных урядников. И наконец, на сейм 1544 г. съехались послы, избранные уже самой шляхтой [9, с. 253–254].

С изданием Статута ВКЛ 1566 г. некоторые аспекты функционирования вального сейма приобрели официальное оформление. Периодичность созыва сеймов Статут определил следующим образом: «...установимо, з дозволу рад наших духовних і світських <...> з потреб держави, за радою рад наших того ж панства або за проханням лицарства, скликати сейми вальні <...> завжди, коли тільки на те буде потреба» [14, с. 279–280].

По Статуту ВКЛ 1566 г. сейм стал двухпалатным. Число депутатов на сейм от каждого повета уже было четко определено ст. 5 раздела 3 указанного свода законов, где говорилось, что «...обирати послів своїх <...> від кожного вряду земського <...> по дві особи, послати їх на сейм». В соответствии со вторым Статутом ВКЛ в состав сейма входили, кроме панов радных, «і зі всіма станами, сейму належними» также придворные чиновники и руководители местной администрации, князья и крупные землевладельцы [14, с. 279].

С изданием второго кодифицированного свода законов в 1566 г., вальный сейм ВКЛ окончательно приобрел статус законодательного и контрольного органа. Для сравнения отметим, что в Польской Короне официальное оформление сейма как органа законодательной власти состоялось гораздо раньше – с середины XV в. [19, с. 213–216]. Впоследствии, согласно Статуту ВКЛ 1588 г., король обязывался ни в чем не нарушать прежних прав и обычаев, а новые законы и уставы должны были издаваться только на вальном сейме с ведома и совета панов радных и «з волі всіх на сеймі», то есть короля, панов радных и земских послов, входивших в состав вального сейма [15, с. 86].

На вальных сеймах ВКЛ представители двух «состояний» обща выслушивали «пропозиции» великого князя, но заседали по отдельности: в составе «кола» панов радных и «кола» шляхетского, рыцарского. Затем оба «кола» встречались на совместном заседании для вынесения итоговых постановлений сейма [2, с. 59; 3, с. 97–103]. Сеймовые постановления приобретали официальный статус только при условии их единогласного одобрения («з уфалою всіх становь на сойме», «с того ж сойму звольнемь всіх уфалюемь» [6, с. 458]). В случае разногласий обычай допускалось применение угроз и даже физического принуждения к исполнению сеймовых решений [9, с. 257].

После Люблинской унии 1569 г. в результате объединения двух государств – ВКЛ и Короны Польской – начал функционировать общий вальный сейм Речи Посполитой. Согласно Конституции Люблинского сейма 1569 г. постоянным местом проведения вальных сеймов назначалась Варшава, а в исключительных случаях и иные места в Польше «za dołożeniem у радą Panów Rad» обоих народов [20, с. 94].

Вальные сеймы, собиравшиеся после Люблинской унии из представителей польских и «литовских» земель, подразделялись на сеймы ординарные и экстраординарные. Ординарные сеймы должны были созываться каждые 2 года и действовать в течение 6 недель, решая текущие дела

Речи Посполитой. Экстраординарные сеймы подлежали созыву при необходимости, по совету господаря с радой и «iako czas у potrzeba Rzeczyposp» (как покажет время и потребности Речи Посполитой) [20, с. 151].

От местных сеймиков шляхта литовско-польских земель РП посылала своих депутатов на вальный сейм для совместного решения государственных вопросов. Однако если на польских сеймиках областная шляхта занимала главенствующие позиции, то на местных сеймиках литовских и «русских» земель ВКЛ шляхте отводилась пассивная роль, а решением вопросов занимались местные воеводы, каштеляны, старосты и др. По сути, до Люблинской унии существование сеймиков в ВКЛ сводилось к их упоминанию на бумаге: в сеймовых актах и «господарских пропозициях». Формальное начало деятельности местных сеймиков ВКЛ было положено тогда, когда «сеймовые станы» в 1565 г. обратились с ходатайством к господарю об учреждении в областях ВКЛ поветовых сеймиков «для лепшого и вечистого всякого порядку <...> кшталтомь с Корунь Польское» [6, с. 170]. Таким образом, по образцу польских сеймиков Статут ВКЛ 1566 г. регламентировал общие начала организации сеймиков в литовско-русских землях.

Начиная с 1569 г., сеймики ВКЛ собираются по образцу и подобию сеймиков коронных. Статут ВКЛ 1588 г. определил разновидности поветовых сеймиков, их состав, время и место созыва, компетенцию и продолжительность сеймовых собраний [15, с. 86–87]. От предсеймовых сеймиков шляхта посылала своих послов с инструкциями на головные сеймики, то есть сеймики воеводств, где окончательно оформлялся перечень вопросов, подлежащих рассмотрению на вальном сейме, а также определялась позиция шляхты по отношению к главным проблемам государства, для решения которых, собственно, и созывался сейм королем. Начиная с 1569 г., в РП функционировало около 70 сеймиков, из них 24 приходилось на сеймики ВКЛ [4, с. 208].

Что касается сословной структуры посольских делегаций на вальный сейм Речи Посполитой, в том числе

и от украинских воеводств, то о ней можно судить, в частности, на примере Волынского воеводства, где, по подсчетам П. Кулаковского, из общего числа сеймовых послов от Волыни в первой половине XVII в. князья и магнаты составляли порядка 28% от общего числа шляхетских представителей, еще около 29% приходилось на богатую шляхту, тогда как в остальные 43% послов входили представители средней и бедной шляхты [8, с. 252]. Таким образом, значительную часть земских послов на вальном сейме составляли малообеспеченные шляхтичи, от позиции которых, по сути, зависело решение государственных вопросов на повестке дня данного представительного органа.

В работе вального сейма депутаты от шляхетских сеймиков (послы) участвовали в составе «посольской избы», которая входила в структуру вального сейма как одно из трех его «состояний» (составляющих частей). Другими двумя были король и сенат. После Люблинской унии в состав посольской избы (без королевской Пруссии) входило 170 послов, в том числе 48 от ВКЛ [4, с. 209]. В группу сенаторов, согласно акту Люблинской унии, входили 139 человек, в том числе 41 чел. от ВКЛ [20, с. 92–93].

Процедура проведения вальных сеймов была сложной и включала в себя ряд обязательных этапов: торжественное богослужение по случаю начала сейма; избрание послами сеймового маршалка; раздачу королем вакантных должностей; пожалование государственного имущества; назначение сенатской депутации для новых законов; образование контрольной комиссии по финансам и военному делу; заслушивание внешнеполитических и войсковых реляций. На этих этапах, за исключением процедуры избрания маршалка, проводимой послами самостоятельно, король, сенаторы и послы присутствовали совместно. После этого серия общих заседаний участников сейма завершалась «регрессом», то есть возвращением послов на собрания в «посольскую избы».

С этого момента начинался сам процесс «издания законов», представлявший собой заседания земских послов под предводительством мар-

шалка. После назначения послов, ответственных за составление конституций, маршалок оглашал вопросы, намеченные к обсуждению. Каждый вопрос для его последующего решения должен был получить всеобщее согласие послов. Однако это случалось редко, и совещания послов зачастую проходили в спорах, иногда доходивших до срыва сейма [7, с. 121].

Одним из главных принципов функционирования вального сейма было достижение согласия. Однако столкновение интересов различных политических сил не всегда способствовало успешному поиску консенсуса. На заседаниях посольской избы вального сейма подлежали рассмотрению не только вопросы, предложенные королем в его «пропозициях», но и вопросы, поднимаемые самими послами. И если предложение того или иного посла не получало общего согласия, а он настаивал на своей позиции, то это было еще одним поводом для срыва сейма [18, с. 79].

Отметим, что в 80-ые гг. XVI в. в РП начали функционировать и получили законодательное оформление так называемые реляционные сеймики. Эти местные представительные органы шляхты созывались спустя 4 недели после вального сейма, и в их компетенцию входило обсуждение сеймовых постановлений («чтобы на тех сеймиках послы, из уездов на сейм посланные, вернувшись из сейма, дали всем обывателям каждого уезда информацию достаточную о том, что и на каком сейме сделали и решили в делах и нуждах государства») с последующим одобрением или выражением несогласия [15, с. 89]. В связи с данным обстоятельством необходимость отчитываться перед избирателями оказывала существенное влияние на поведение шляхетских депутатов на вальных сеймах.

Официальное несогласие с решением, принятым большинством голосов на сейме, можно было вносить в виде так называемых протестаций. Для земских послов протестации выполняли две важные функции: во-первых, позволяли влиять на решения сейма (с переносом обсуждений на сеймики либо на следующий сейм); во-вторых, оправдывали депутатов

перед избирателями в случаях, когда наказания последних оставались невыполненными [12, с. 40]. Протесты вносились в конце сейма на общем заседании, в ходе которого формулировались постановления. После регистрации в канцелярских книгах послам вручались копии протестаций, скрепленные печатью короля.

Таким образом, участие в деятельности вального сейма открывало возможность шляхетским послам не только исполнять поручения от сеймиков, решая тем самым проблемы, возникавшие на уровне местного самоуправления, но и непосредственно участвовать в управлении государством и в решении наиболее значимых государственных дел. Сейм являлся для шляхты также местом защиты ее частных прав и вольностей.

Именно на последнюю треть XVI в. – первую половину XVII в. приходится усиление позиций шляхты ВКЛ и РП в государстве наряду с ослаблением роли короля и его сановников. Шляхта в этот период в силу расширения ее полномочий и прерогатив, по выражению польского ученого П. Буржинского, «на короля оставила только тень власти, сама считалась только за народ, сама только сделала вид, что заботится о законодательной власти» [17, с. 487].

Выводы. Таким образом, вальный сейм, будучи представительным органом для господствующих сословий Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, представлял собой важнейший институт власти в государстве. На его заседаниях рассматривался чрезвычайно широкий спектр актуальных вопросов как внутренней, так и внешней политики, решались общегосударственные и локальные проблемы. Решение поднятой на сейме конкретной проблемы, оформленное в виде сеймовой конституции, служило показателем и гарантией его легитимности и неизменяемости, в то время как факты нарушения сеймовых постановлений шляхетское сообщество воспринимало в высшей степени негативно, считая их посягательством на ее права и вольности.

Шляхта понимала, что через своих представителей на вальном сейме она фактически участвует в управлении

страной, и считала право принимать и совершенствовать законы на сеймах одной из важнейших своих свобод. Вследствие восприятия шляхетским сословием сейма как главного института власти в государстве внутренняя прочность Речи Посполитой, опиравшейся на систему представительных органов управления, оставалась относительно стабильной вплоть до середины XVII в.

Список использованной литературы:

1. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией : в 5 т. – СПб. : Тип. II Отд. собственной Е. И. В. канцелярии, 1846– . – Т. 1 : 1340–1506. – 1846. – 375 с.
2. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией : в 5 т. – СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1848– . – Т. 3 : 1544–1587. – 1848. – 317 с.
3. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией : в 15 т. – СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1863– . – Т. 1 : 1361–1598. – 1863. – 301 с.
4. Бардах Ю. История государства и права Польши / Ю. Бардах, Б. Леснодорский, М. Пиетрчак. – М. : Юридическая литература, 1980. – 559 с.
5. Довнар-Запольский М. Спорные вопросы в истории литовско-русского сейма / М. Довнар-Запольский // Журнал Министерства народного просвещения. – 1901. – №10. – С. 454–498.
6. Документы Московского архива Министерства юстиции : в 2 т. / сост. М. Довнар-Запольский. – М. : Товарищество тип. А.И. Мамонтова, 1897– . – Т. 1. – 1897. – 596 с.
7. Кареев Н. Исторический очерк Польского сейма / Н. Кареев. – М. : Тип. А. Н. Мамонтова и К, 1888. – 163 с.
8. Кулаковский П. Представительство Волинского воеводства на сеймах Речи Посполитой 1632–1647 pp. / П. Кулаковский // Парламентська структура улады ў сістэме дзяржаўнага кіравання Вялікага княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай у XV–XVIII стагоддзях : матэрыялы міжнар. навук. канферэнцыі. – Мінск : БІП ; С Плюс, 2008. – С. 246–259.
9. Леонтович Ф. Веча, сеймы, сеймики в Великом княжестве Литовском / Ф. Леонтович // Журнал Министерства народного просвещения. – 1910. – № 2. – С. 233–274.
10. Леонтович Ф. Источники русско-литовского права (Общий обзор. Договоры. Земские и областные привилегии) / Ф. Леонтович. – Варшава : Тип. Варшавск. уч. округа, 1894. – 71 с.
11. Любавский М. Литовско-русский сейм: опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешней жизнью государства / М. Любавский. – М. : Имп. о-во истории и древностей Рос. при Моск. ун-те, 1900. – 850 с.
12. Падалінскі У. Соймавыя пратэстацыі як крыніца па палітычнай гісторыі Вялікага княства Літоўскага ў канцы XVI ст. / У. Падалінскі // Актуальныя праблемы крыніцазнаўства айчынай гісторыі: матэрыялы міжнар. навук.-практ. (Віцебск, 6–7 кастрычніка 2011 г.). – Віцебск : УА-ВДУ ім. П.М. Машэрава, 2011. – С. 39–44.
13. Статути Великого князівства Литовського : у 3 т. / За ред. С. Ківалова, П. Музиченка, А. Панькова. – О. : Юридична література, 2002–2004. – Т. II : Статут Великого князівства Литовського 1566 р. – 2003. – 560 с.
14. Статути Великого князівства Литовського : у 3 т. / за ред. С. Ківалова, П. Музиченка, А. Панькова. – О. : Юридична література, 2002–2004. – Т. III : Статут Великого князівства Литовського 1588 р. : у 2 кн. – Кн. 2. – 2004. – 568 с.
15. Статути Великого князівства Литовського : у 3 т. / за ред. С. Ківалова, П. Музиченка, А. Панькова. – О. : Юридична література, 2002–2004. – Т. I : Статут Великого князівства Литовського 1529 р. – 2002. – 464 с.
16. Bandtkie Stężyński J. Historia prawa polskiego / J. Bandtkie Stężyński. – Warszawa : Druk. Banku Polskiego, 1850. – 728 s.
17. Burzyński P. Prawo polskie prywatne / P. Burzyński. – Kraków : Wyd. Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1867. – 534 s.
18. Pawiński A. Rządy sejmikowe w epoce królów elekcyjnych 1572–1795 / A. Pawiński. – Warszawa : Druk. Józefa Bergera, 1888. – 431 s.
19. Volumina legum. Przedruk zbioru praw staraniem XX. Pijarów w Warszawie, od roku 1732 do roku 1782, wydane. – Petersburg : Druk. Jozafata Ohryzki, 1859– . – Т. 1. – 1859. – 288 s.
20. Volumina legum. Przedruk zbioru praw staraniem XX. Pijarów w Warszawie, od roku 1732 do roku 1782, wydane. – Petersburg : Druk. Jozafata Ohryzki, 1859– . – Т. 2. – 1859. – 482 s.
21. Zbiór praw litewskich od roku 1389 do roku 1529. Tudzież rozprawy sejmowe o tychże prawach od roku 1544 do roku 1563. – Poznań, 1841. – 560 s.

К ВОПРОСУ О ПОРЯДКЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И НАЗНАЧЕНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ СРОКОВ

Юлия ШЕКЕРА,

аспирант кафедры хозяйственного права и процесса
Национального университета «Одесская юридическая академия»

Summary

The article investigates the problems of definition and purpose of economic and procedural terms. The article analyzes the problems of application of procedural deadlines. It is separately analyzed the discretionary powers of the Economic Court on the establishing of procedural deadlines and their boundaries. It is concluded in the article that the economic and procedural time limitation depending on the subject and determining the order in which they (the destination) can be divided on the timing and terms of legislation establishing the judicial appointment. Each of these species is characterized by a particular subject, form and procedure definitions (destination). Legislative terms determined by the Verkhovna Rada of Ukraine, are characterized by regulatory, formalized only at the level of procedural law and are mandatory. But judicial appointments of the terms are set solely by the economic court in the absence of statutory deadlines through the implementation of discretionary powers, but within the limits defined by law, they have procedural, formal and casual character.

Key words: time, term, procedural time, determination, establishment, discretion, reasonable period of economic-procedural period.

Аннотация

Статья посвящена исследованию вопросов определения и назначения хозяйственно-процессуальных сроков. В статье анализируются проблемы определения и применения процессуальных сроков. Отдельно проанализированы дискреционные полномочия хозяйственного суда по поводу установления процессуальных сроков и их границ. Сделан вывод, что хозяйственно-процессуальные сроки в зависимости от объекта и порядка их определения (назначения) следует делить на сроки законодательного установления и сроки судебного назначения. Каждый из данных видов характеризуется особым субъектом, формой и порядком определения (назначения). Сроки законодательного установления определяются Верховной Радой Украины, характеризуются нормативностью, формализуются исключительно на уровне процессуального закона и носят императивный характер. Зато сроки судебного назначения устанавливаются исключительно хозяйственным судом при отсутствии установленных законом сроков путем реализации дискреционных полномочий, но в пределах, определенных законом, имеют процессуально-формализованный и казуальный характер.

Ключевые слова: время, срок, процессуальный срок, определение, установление, дискреция, дискреционные полномочия, хозяйственно-процессуальный срок.

Постановка проблемы. Процессуальные сроки являются неотъемлемой частью механизма осуществления хозяйственного судопроизводства, поскольку именно с данными сроками в первую очередь закон связывает упорядоченность хозяйственного процесса, дисциплинированность участников процесса в рамках осуществления отдельных процессуальных действий, ритмичность и оперативность хозяйственного судопроизводства в целом. Именно поэтому справедливое и взвешенное определение, а также установление хозяйственно-процессуальных сроков является крайне важным.

Актуальность темы. Несмотря на значимость процессуальных сроков, современные исследования проблем этого правового института, в том числе в сфере хозяйственного судопроизводства, являются недостаточными. В частности, дополнительных исследований требуют проблемы их определения и установления. Отдельные вопросы процессуальных сроков рас-

сматривались в работах А. Андрийчук, Ю. Белоусова, С. Заики, П. Лупинской, А. Мацкив, М. Сороки и других ученых. Однако большинство данных работ, посвященных исследованию процессуальных сроков в гражданском и административном процессах, не раскрывает в полной мере особенностей определения и установления хозяйственно-процессуальных сроков.

Целью работы является исследование вопросов определения и назначения хозяйственно-процессуальных сроков.

Изложение основного материала. В соответствии с положениями ст. 50 Хозяйственного процессуального кодекса Украины (далее – ХПК Украины) процессуальные действия совершаются в сроки, определенные данным кодексом. В тех случаях, когда процессуальные сроки не установлены, они назначаются хозяйственным судом.

То есть, законодатель исходя из содержания данной нормы, различает два вида хозяйственно-процессуальных сроков в зависимости от способа (субъ-

екта) их установки: сроки, определенные законом, и сроки, установленные хозяйственным судом. Такой подход к разделению процессуальных сроков ученые называют традиционным [2, с. 124; 3, с. 47].

Отдельного внимания в контексте исследования вопроса установления (определения) хозяйственно-процессуальных сроков заслуживают предложения Н. Сороки. Данный ученый с позиций административного процесса в зависимости от способа установления предлагает классифицировать процессуальные сроки на четыре группы: законные (абсолютные), судебные, отнесенные и смешанные [11, с. 6].

Под законными (абсолютными) понимаются сроки, определяемые законодателем в нормах хозяйственно-процессуального права, которые не могут быть изменены и нарушены судом или другими участниками хозяйственного процесса. Например, к таким срокам в хозяйственном процессе можно отнести срок решения вопроса о возбуждении производства по делу (не позднее

трех дней – ст. 64 ХПК Украины), сроки рассмотрения апелляционной жалобы на решение и определение местного хозяйственного суда (два месяца и пятнадцать дней со дня вынесения определения о принятии соответствующей апелляционной жалобы – ст. 102 Гражданского процессуального кодекса Украины) и другие.

Вместе с тем можно констатировать определенную неудачность термина «законные сроки». Ведь тогда нужно было бы сказать, что другие сроки являются «незаконными», но это не соответствует сути разграничения соответствующих категорий. Целесообразно говорить о законодательно определенных процессуальных сроках.

В большинстве случаев процессуальные сроки касаются темпоральной регламентации процессуальных действий суда как участника хозяйственного процесса путем установления ограниченных сроков их осуществления. Данные ограничения имеют абсолютный характер (например, сроки решения вопросов о возврате, отказ в принятии искового заявления, возбуждении производства по делу, рассмотрении и разрешения дела по существу и другие). Это является показателем реализации императивного метода правового регулирования в хозяйственном процессе.

В свою очередь фактическое определение «законных» сроков совершения конкретных процессуальных действий в хозяйственном процессе, исходя из содержания процессуального закона, связано с юридическими фактами: действиями или событиями. Например, начало течения срока решения вопроса о возбуждении производства по делу законом связано с моментом подачи иска, зато начало течения срока разрешения спора, предусмотренного положениями ст. 69 ХПК Украины, связано с возбуждением производством по делу.

Анализируя «судебные» сроки в хозяйственном процессе, следует констатировать, что данная разновидность сроков подлежит назначению исключительно хозяйственным судом, тогда как данным срокам не характерна нормативная определенность, зато они имеют процессуально-формализованный и казуальный характер. Это объясняется тем, что судебные сроки в процессе

подлежат назначению и формальному определению в отдельных процессуальных актах хозяйственного суда (постановлениях, решениях, судебных приказах и т. д.) и устанавливаются для совершения каждого отдельного процессуального действия в зависимости от фактических обстоятельств дела (ситуации, случае) в рамках осуществления отдельных из них, определенных процессуальным законом. Например, установление срока для представления доказательств по делу, согласно общему правилу, ограничено началом рассмотрения дела по существу, то есть графиком возбуждения производства и подготовки дела к рассмотрению как отдельных стадий хозяйственного процесса.

Квалификация «относительных» и «смешанных» процессуальных сроков, предложенных дополнительно выделять Н. Сорокой, к которым, по его мнению, следует относить процессуальные сроки, не определенные в законе, но устанавливаемые судом, в отношении которых могут быть применены так называемые дискреционные полномочия судьи, а также процессуальные сроки, устанавливаемые судом, но исключительно в пределах определенных законом [11, с. 6], является весьма дискуссионной.

Во-первых, субъектом установления (назначения) и «относительных», и «смешанных» процессуальных сроков является суд. Во-вторых, хотя обе категории сроков не определены законом, процессуальный закон устанавливает их темпоральные границы (до совершения определенного процессуального действия, этап, стадия). В-третьих, учитывая отсутствие определения данных сроков на уровне закона, суд их устанавливает по своему усмотрению (в результате реализации дискреционных полномочий) с учетом указанных выше темпоральных ограничений.

Например, когда речь идет о называемых Н. Сорокой в качестве примеров сроков отсрочки или рассрочки уплаты судебных расходов, устанавливаемых судом, надо учитывать следующее. Во-первых, в хозяйственном процессе соответствующие процедуры имеют исключительный характер. Например, они не могут быть применены в отношении искового заявления или апелляционной жалобы, но могут касаться предупре-

дительных мер согласно ст. 43-5 ГПК Украины. В этом случае срок для внесения судебного сбора и исправления определенных недостатков заявления о применении мер действительно определяется по усмотрению суда. Во-вторых, даже при условии установления таких сроков надо учитывать, чтобы соответствующее правоприменение основывалось на учете имущественного положения сторон и других обстоятельств дела. Действие этих сроков устанавливается хозяйственным судом по своему усмотрению с учетом соответствующих дискреционных полномочий и в пределах, определенных процессуальным законом. То есть суд устанавливает срок отложения рассмотрения дела по своему усмотрению (с учетом дискреционных полномочий) в пределах, определенных процессуальным законом. К аналогичным выводам также приводит анализ и других процессуальных сроков, устанавливаемых хозяйственным судом.

Таким образом, учитывая отсутствие достаточных классификационных признаков, следует констатировать нецелесообразность выделения «относительных» и «смешанных» процессуальных сроков. Предложенные категории сроков по своей природе и признакам являются исключительно «сроками судебного назначения», параметры которых зависят от общего законодательного срока определенно процессуального действия, от обстоятельств дела, от усмотрения суда, принципов справедливости и разумности, традиций хозяйственного судопроизводства и тому подобное.

Дополнительно исследуя «сроки судебного назначения» и особенности порядка их установления, стоит обратить особое внимание на то, что порядок установления любых разновидностей данных сроков предусматривает использование хозяйственным судом дискреционных полномочий. Отдельные аспекты данных полномочий суда исследовались рядом ученых, в частности Д. Абушенко, Г. Брѣбаном, Е. Васьковским, Л. Николенко и другими. При этом дополнительного анализа требуют вопросы границ применения соответствующих дискреционных полномочий.

В юридической энциклопедии дискреционные полномочия определяют как право главы государства, главы

правительства, других должностных лиц органов государственной власти действовать при определенных условиях по своему усмотрению в рамках закона [16]. Аналогичное определение с указанием на французское происхождение (от слова «discretionnaire» – зависимость от личного усмотрения) содержит советский энциклопедический словарь [10]. В отдельных словарях под дискреционной разумеется решения должностным лицом или государственным органом любого вопроса по своему усмотрению и ставится ударение на происхождении от немецкого слова «diskretion» и польского «dyskrecja» [12; 15]. Зато с латыни «discretio» – решение должностного лица или государственного органа отнесенного к их компетенции вопроса по своему усмотрению в порядке реализации дискреционной власти.

Достаточно обоснованным является мнение, согласно которому понимание дискреционности в общегражданском смысле – как деятельности по своему усмотрению, по собственному убеждению – противоречит его правовому содержанию, ведь речь идет не о бесконтрольной, безответственной работе должностных лиц, а о реализации полномочий в пределах, определенных законом. Именно такой подход, по мнению западных ученых, является лучшим проявлением правового государства, что подтверждается использованием института дискреции в ряде стран: «freies Ermessen» (свободная оценка) в Германии; «administrative discretion» в Великобритании; «flit skon» (свободное суждение) в Дании; «attività discrezionale» в Италии; «discretionnaire bevoegdheid» (дискреционная компетенция) в Нидерландах [6].

Особое значение для понимания сущности понятия дискреции имеет решение Конституционного Суда Украины от 16 мая 2007 г. в деле № 1-6/2007, в котором Конституционный Суд Украины применил выражение «самостоятельное (дискреционное) право» в контексте того, что Президент Украины не имеет самостоятельного (дискреционного) права на назначение судей на административные должности [9]. Данное решение также фиксирует понимание дискреции как совокупности полномочий действовать самостоятельно (по своему усмотрению).

Таким образом, при употреблении термина «дискреция» речь действительно идет о судебном усмотрении. Под последним К. Комиссаров понимает как специфический вид судебной деятельности по применению права, сущность которой заключается в предоставлении суду в соответствующих случаях компетенции принимать, соглашаясь с конкретными условиями, такое решение по вопросам права, возможность которого следует из общих принципов и только по определенным указаниям закона [12, с. 50]. При этом можно сделать вывод, что судебное усмотрение является неотъемлемым инструментом организации хозяйственного процесса; как показывает проведенный анализ, оно имеет темпоральное значение, поскольку является обязательным элементом назначения отдельных видов хозяйственно-процессуальных сроков.

Исходя из изложенного, судебную дискрецию в узком смысле следует рассматривать как возможность суда действовать по собственному усмотрению в рамках закона при отсутствии в законе императивных указаний относительно порядка совершения соответствующих действий.

Весьма уместно понятие судебной дискреции обозначил и Верховный Суд Украины, согласно позиции которого это понятие охватывает полномочия суда (его права и обязанности), предоставленные ему государством, выбирать между альтернативами, каждая из которых является законной, и интеллектуально-волевою властью деятельность суда по разрешению в определенных законом случаях спорных правовых вопросов, исходя из целей и принципов права, общих принципов судопроизводства, конкретных обстоятельств дела, данных о личности виновного, справедливости и достаточности избранного наказания и т. д. [7].

В целом о целесообразности деления хозяйственного суда дискреционными полномочиями говорят Ю. Белоусова и М. Рыбчака. Ученые считают, что наделение суда такими полномочиями будет способствовать обеспечению правосудия, аргументируя это тем, что они являются важным и необходимым элементом судебной деятельности, применение которого

не противоречит ни одному из принципов процессуального права, прежде всего принципу законности. Вполне справедливо ученые также указывают и на то, что суд не всегда может использовать императивные (абсолютно-определенные) правовые нормы, а в тех случаях, когда в законе невозможно подробно описать ситуацию, в которой суд будет действовать и принимать решения, ему предоставляется возможность осуществления дискреции при рассмотрении некоторых вопросов [1, с. 100]. Такая позиция четко подчеркивает целесообразность применения дискреционных полномочий по установлению именно «судебных» сроков в хозяйственном процессе в тех случаях и в отношении тех процессуальных действий, где возможна установка абсолютно определенных «законных» сроков.

Отдельно стоит отметить, что предложенное Верховным Судом Украины и приведенное выше понятие дискреционных полномочий фиксирует ряд важных признаков, присущих именно судебной дискреции, которые имеют существенное значение в процессе установления хозяйственно-процессуальных сроков. Хозяйственный суд при установлении «судебных» хозяйственно-процессуальных сроков, действуя по своему усмотрению в темпоральных пределах, определенных законом, должен выходить в первую очередь из целей и принципов хозяйственно-процессуального права (в том числе принципов оперативности и процессуальной экономии), во вторую – из конкретных обстоятельств дела.

Таким образом, следует констатировать, что, исходя из определенных соображений, наделение хозяйственного суда дискреционными полномочиями по установлению «судебных» процессуальных сроков является вполне оправданным. Аргументом в пользу этого является отсутствие законодательной возможности определить ряд процессуальных сроков на уровне закона. Речь идет о хозяйственно-процессуальных сроках, терминологически зависящих от характера отдельных процессуальных действий, фактических обстоятельств дела, ситуации (обстоятельств), в которой (которых) эти действия должны быть совершены, и некоторых других факторов, которые

суд также должен взять во внимание при установлении данных сроков. Например, невозможно определить на уровне закона срок перерыва в судебном заседании или его отложения, которые необходимы для совершения отдельных процессуальных действий (представление доказательств, обеспечение сообщения процесса о дате, месте и времени судебного разбирательства и других).

Соответствующая дискреция не только позволяет динамически управлять хозяйственным процессом со стороны хозяйственного суда, но и преподносит авторитет хозяйственного судьи, формирует его почтенный статус и полномочия решать судьбу экономических конфликтов именем Украины.

Большое значение в процессе установления хозяйственно-процессуальных сроков судом играет применение справедливых темпоральных ограничений, что требует дополнительных исследований.

Выводы. Хозяйственно-процессуальные сроки в зависимости от объекта и порядка их определения (назначения) следует делить на сроки законодательного установления и сроки судебного назначения. Каждый из данных видов характеризуется особым субъектом, формой и порядком определения (назначения). Сроки законодательного установления определяются Верховной Радой Украины, характеризуются нормативностью, формализуются исключительно на уровне процессуального закона и носят императивный характер. Зато сроки судебного назначения устанавливаются исключительно хозяйственным судом при отсутствии установленных законом сроков путем реализации дискреционных полномочий, но в пределах, определенных законом, носят процессуально-формализованный и казуальный характер.

Список использованной литературы:

1. Білоусов Ю. Поняття та ознаки дискреційних повноважень суду в цивільному процесі / Ю. Білоусов, М. Рибчак // Українські наукові записки. – 2007. – № 4. – С. 100–108.
2. Господарське процесуальне право України : [підручник] / [О. Подцерковний, О. Квасніцька, Т. Степанова та ін.] ; за ред. О. Подцерковного, М. Картузова. – Х. : Одиссей, 2011. – 400 с.
3. Господарське процесуальне право : [навчальний посібник у схемах] / М. Шелухін, О. Зубатенко. – К. : Центр навчальної літератури, 2006. – 264 с.
4. Господарський процесуальний кодекс України : Закон України від 6 листопада 1991 р. // Відомості Верховної Ради України. – 1992. – № 6. – Ст. 56.
5. Комиссаров К. Судебное усмотрение в советском гражданском процессе / К. Комиссаров // Советское государство и право. – 1969. – № 4. – С. 106.
6. Лагода О. Основні помилки у застосуванні дискреційних повноважень посадовими особами адміністративних органів / О. Лагода // Право України. – 2009. – № 3.
7. Постанова судової палати у кримінальних справах Верховного суду України від 23 січня 2014 р. [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <https://www.scourt.gov.ua/clients/vsu/.../5-48k13.rtf>.
8. Про судовий збір : Закон України від 8 липня 2011 р. № 3674-VI // Відомості Верховної Ради України. – 2012. – № 14. – Ст. 87.
9. Рішення Конституційного Суду України від 16 травня 2007 р. № 1-рп/2007 в справі № 1-6/2007 за конституційним поданням Вищої ради юстиції про офіційне тлумачення положення частини п'ятої статті 20 Закону України «Про судоустрій України» (справа про звільнення судді з адміністративної посади) // Відомості Верховної Ради України. – 2002. – № 27. – Ст. 180.
10. Советский энциклопедический словарь / под ред. А. Прохорова. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 704 с.
11. Сорока М. Процесуальні строки у адміністративному судочинстві : автореф. ... дис. канд. юрид. наук / М. Сорока. – Ірпінь, 2011. – 23 с.
12. Толковый словарь общесоциальных терминов / под ред. Н. Яценко. – М. : Лань, 1999. – 206 с.
13. Туровець О. Деякі питання застосування судового розсуду за допомогою аналогії права у господарському процесі / О. Туровець // Нормативні, управлінські та міжнародні аспекти розвитку економіки і права. – 2014. – № 1. – [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://elconf.com.ua/9-arkhivny-materialy/2014-1/21-turovets->
14. Бохан В. Формирование убеждения суда / В. Бохан. – Минск, 1973. – 312 с.
15. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=contents&book=vasmer>.
16. Юридична енциклопедія : в 6 т. / редкол. : Ю. Шемшученко (голова редкол.) та ін. – К. : Українська енциклопедія, 1998.

КОМПЬЮТЕРНАЯ ИНФОРМАЦИЯ КАК ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПНОГО ПОСЯГАТЕЛЬСТВА

Елена ЯБУРОВА,

студентка

Института последипломного образования
Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

Summary

In this article the author investigates the problems connected with the peculiarities of definition of computer information as a subject of a criminal assault, and carries out their criminalistic analysis. The author carries out research of approaches on the criminalization of computer offenses and defines indications of information, assesses the international experience concerning the actions that relate to computer crimes. Author reveals the specifics of criminalistic importance of computer information.

Key words: information, computer information, subject of a criminal assault, destruction and distortion of information.

Аннотация

В статье автор исследует проблемные вопросы, связанные с особенностями определения компьютерной информации как предмета преступного посягательства, и осуществляет их криминалистический анализ. Автор проводит исследование подходов по криминализации компьютерных правонарушений, а также определяет признаки информации, дает оценку зарубежному опыту относительно действий, которые относятся к компьютерным преступлениям. Автор раскрывает специфику криминалистической значимости компьютерной информации.

Ключевые слова: информация, компьютерная информация, предмет преступного посягательства, уничтожение и искажение информации.

Постановка проблемы. В последнее время одним из достаточно новых факторов, который влияет на развитие экономики и общества в целом, являются преступления в сфере использования электронно-вычислительных машин (компьютеров), компьютерных сетей и сетей электросвязи. Исследованием проблемных вопросов, связанных с определением понятия предмета преступного посягательства, занимался ряд ведущих отечественных ученых. В то же время компьютерная информация как предмет преступного посягательства или рассматривается чисто теоретически, при этом отделено от преступлений, связанных с передачей компьютерной информации, или только как элемент в контексте преступления, предусмотренного разделом XVI Уголовного кодекса Украины, без соответствующего теоретического обоснования и криминалистического анализа.

Актуальность исследования подтверждается степенью нераскрытой темы: в законодательстве Украины определена правовая терминология, регулирующая информационные отношения, которые требуют существенной конкретизации, основанной на технических характеристиках и сущности самой компьютерной информации.

Состояние исследования. Анализ норм, которые рассматривают

компьютерную информацию как предмет преступного посягательства, изложен в раздел XVI Уголовного кодекса Украины «Преступления в сфере использования электронно-вычислительных машин (компьютеров), систем и компьютерных сетей и сетей электросвязи». Дальнейшему исследованию подлежит устранение терминологической несогласованности и систематизация информационного законодательства Украины.

Целью статьи является исследование криминалистических аспектов, связанных с определением компьютерной информации как одного из важных факторов, который влияет на жизнь общества. Новизна работы заключается в том, что сделана попытка исследовать компьютерную информацию как специфический предмет правового регулирования.

Изложение основного материала. Развитие науки и техники на определенных этапах ставит перед обществом задачи, связанные с внедрением новых технологий, использованием новых материалов, применением новой техники. В последнее время в развитых в промышленном отношении странах наблюдается рост злоупотреблений, связанных с использованием компьютерной техники, и новых посягательств, получивших название компьютерных преступлений.

С процессом информатизации тесно связан процесс компьютеризации – развития и внедрения в различные сферы жизни и деятельности человека технической базы, обеспечивающей оперативное получение результатов обработки информации и ее накопление.

Общеизвестно, что роль информации в жизни общества возрастает и требует к себе все больше внимания. Информация приобретает ведущее место среди факторов, влияющих на развитие экономики, вытесняя капитал. Академик А.П. Ершов отмечает: «Информация, то есть совокупность знаний о фактических данных и зависимости между ними, становится стратегическим ресурсом общества в целом, во многом обуславливающим его способность к успешному развитию» [1, с. 82].

Информация – это не просто благо, которое имеет определенную ценность, это основа жизни общества. Отечественные и зарубежные специалисты уверяют, что наше общество является информационным по своей сути. Более того, информация становится не просто сообщением, которое имеет конкретное содержание, а экономической категорией.

Все виды информации, которые существуют в обществе, объединены понятием социальной информации. Социальная информация проходит че-

рез сознание человека и представляет собой как данные о самой социальной форме движения, так и о других ее формах, которые получает общество и использует в различных сферах деятельности.

Начало теории информации было положено в 1948 г. в работе американского ученого К. Шеннона, где он впервые определил само понятие «информация» и дал вероятно-статистическое определение понятию «количество информации», а также связал это явление с кибернетикой.

Кибернетика рассматривает информацию не как общественный феномен, то есть информацию, которую производит и потребляет общество, а в более узком техническом аспекте – как информацию, циркулирующую по электронным каналам связи. Кибернетика доказала, что информация имеет непосредственное отношение к процессам управления и развития, обеспечивающим функционирование всех систем.

Следует отметить, что качественная сторона информации не исследовалась. Количественные измерения информации предполагают понимание содержания и важности ее для определенных пользователей. Для человека содержание информации важнее ее объема. Важность информации определяется через вероятность изменения достижения определенной цели после получения информации.

Человек с момента достижения определенного уровня интеллектуального развития постоянно вмешивается в процесс воспроизводства, повышая при этом интенсивность и скорость этого процесса как самостоятельно, так и с помощью специальных средств.

Повышение социальной активности людей привело к интенсификации информационных процессов, в результате чего информация стала одним из важнейших ресурсов жизнеобеспечения современного общества.

Как научная категория информация характеризуется определенными признаками, к числу которых относятся следующие: самостоятельность сообщений; возможность многократного использования той или иной информации; сохранение информации у субъектов, которые передают и полу-

чают ее; возможность математического анализа информации; системность [2, с. 94].

Ранее социальная информация была нематериальным инструментом управленческой деятельности и не рассматривалась как возможный объект преступного посягательства. Компьютерная информация как ее форма появилась совсем недавно. Этим и объясняется недостаточная активность юридической науки в решении вопросов относительно регулирования отношений, связанных с ней, а также возможными нарушениями.

На сегодняшний день роль информации выросла настолько, что информационные отношения признаны специфическим предметом правового регулирования. С этой целью создается новое информационное законодательство и система мер уголовно-правовой защиты данной группы отношений, включая уголовно-правовую охрану.

В наше время человечество переживает бурное развитие автоматизации, информатизации и компьютеризации всех сфер жизни. Стремительное развитие информационных технологий, расширение производства технических средств и сферы применения компьютерной техники, а также наличие человеческого фактора (например, удовлетворение собственных амбиций) создали новый вид общественно-опасных деяний, в которых неправомерно используется компьютерная информация или она сама становится объектом посягательства. Сегодня трудно представить сферу общественной жизни, в которой не использовались бы современные информационные технологии. Поэтому понятно, почему высокими технологиями начал интересоваться преступный мир. Профессиональное мастерство некоторых его представителей, особенно в экономической и финансовой сфере, вызывает удивление. Опасное общественное явление беспокоит все цивилизованное общество. Исследования зарубежных ученых показывают, что убытки от компьютерных преступников занимают третье место после торговли наркотиками и оружием, а их количество имеет тенденцию к увеличению. Понятно, что Украина, входя в международное информацион-

ное пространство, не может оставаться в стороне от проблем современного информационного общества.

В определенной степени опыт зарубежных стран и предложения ученых по вопросам компьютерных преступлений были учтены в уголовном законодательстве Украины: новый Уголовный кодекс Украины (далее – УК Украины) впервые предусмотрел самостоятельный раздел об этих преступлениях – раздел XVI «Преступления в сфере использования электронно-вычислительных машин (компьютеров), систем и компьютерных сетей и сетей электросвязи». Однако принятие этого раздела в УК Украины не только не решает все вопросы, связанные с квалификацией деяний, которые могут быть совершены с использованием новейших технологий, но и ставит перед нами ряд новых вопросов и проблем, связанных с применением и толкованием новых правовых норм.

Структура указанного раздела УК Украины значительно отличается от структуры сложившейся в традиционной мировой практики. По предварительной оценке минимальный список должен включать восемь наиболее тяжелых нарушений, которые являются ядром компьютерной преступности, в отношении которых действует решение комитета по законодательству Совета Европы и которые охватывают сферу информационных манипуляций (информационная фальсификация, ложная информация), нанесения ущерба машине (повреждение, создание данных или программ, информационный саботаж), незаконного копирования важной информации, которая сохранена в машине (несанкционированная репродукция программы, находящейся под защитой, или ее переписки) [3, с. 30].

Сегодня относительно криминализации компьютерных правонарушений существует три подхода.

Первый подход предполагает зачисление к уголовным преступлениям следующих действий: несанкционированный доступ к защищенным компьютерным системам, заражение их вирусами, противоправное использование компьютерных систем и информации. Этот подход характерен для таких стран, как Норвегия, Сингапур, Словакия, Филиппины, Южная Корея.

Суть второго подхода заключается в признании компьютерными преступлениями только деяний, связанных с нанесением ущерба имуществу и электронной обработке информации (Дания, Швеция, Швейцария, Япония).

Третий подход распространен в странах с высоким уровнем компьютеризации и компьютерной преступности (США, Великобритания, Франция, Германия, Нидерланды) и развитой правовой базой. Согласно этому подходу криминализация касается деяний, связанных не только с имущественными убытками, но и с нарушением прав человека и угрозой национальной безопасности страны.

Несмотря на некоторое отставание в процессе компьютеризации, считаем правомерным отнести Украину к странам третьей группы и констатировать тот факт, что в Украине существует декларативность законов; распространенной является нормативная база по информационной безопасности, предусматривающей вопросы борьбы с преступлениями в сфере использования электронно-вычислительных машин (компьютеров), систем и компьютерных сетей и сетей электросвязи.

Безусловно, по сравнению с предыдущим УК Украины, в нынешнем достигнут определенный прогресс. Конвенция о киберпреступности, ратифицированная Украиной, в которой достаточно четко определены виды компьютерной преступности и пути взаимодействия правительств по борьбе с ней, вызывает настоятельную необходимость реформирования действующего законодательства [4].

Трудно переоценить значение четко формализованного представления о сути и свойствах информации как феномена, над которым осуществляются различные, в том числе и криминальные, действия. В одном случае она является предметом преступного посягательства (например, при незаконном экспорте технологий, научно-технической информации и услуг), в другом случае может служить инструментом преступной деятельности (например, при создании, распространении вредоносных программ для компьютеров).

Операции с компьютерной информацией могут быть связаны с государственной изменой, шпионажем,

публичными призывами к изменению конституционного строя Украины, публичными призывами к развязыванию агрессивной войны, разглашением государственной тайны, потерей документов, в которых содержалась государственная тайна и прочее.

В разделе XVI УК Украины «Преступления в сфере использования электронно-вычислительных машин (компьютеров), систем и компьютерных сетей и сетей электросвязи» введены новые термины и понятия, которых не было не только в уголовно-правовой терминологии, но и в законодательстве Украины, которое регулирует информационные отношения. Эти понятия требуют существенных объяснений, основанных на понимании как ряда технических характеристик новых средств обработки информации, так и сущности самой компьютерной информации как новой уголовно-правовой и криминалистической категории.

Так, после вступления в силу УК Украины специалисты выразили определенные соображения по поводу предмета преступлений в сфере использования электронно-вычислительных машин (компьютеров), систем и компьютерных сетей и сетей электросвязи, предусмотренных ст. 361–363.

Следует отметить, что некоторые ученые предметом несанкционированного вмешательства в работу электронно-вычислительных машин (компьютеров), автоматизированных систем, компьютерных сетей или сетей электросвязи (ст. 361 УК Украины) считают компьютерную информацию. Для правильного решения этого вопроса необходимо установить, что именно законодателем вкладывается в это понятие, и раскрыть его содержание.

Компьютерная информация является разновидностью информации вообще и ее видовым понятием. Поэтому все признаки, характерные для понятия информации, присущи в равной степени и понятию компьютерной информации. Однако компьютерная информация имеет специфические особенности, которые дают возможность выделить ее в самостоятельное понятие. Само понятие компьютерной информации как предмета преступного

посягательства трактуется по-разному в силу того, что украинские теоретики очень долго не уделяли должного внимания сфере регулирования отношений, связанных с информацией и использованием компьютерной техники для проведения операций над ней.

Некоторые ученые определяют компьютерную информацию как совокупность всех данных и программ, а также их содержание, подчеркивают необходимость в этой информации идентификационных реквизитов владельца, который определил режим ее использования, и указывают на место нахождения этой информации [5]. Оценка компьютерной информации исключительно как совокупности программ, данных, файлов нецелесообразна, ведь каждая программа, файл, база данных также является разновидностью компьютерной информации. Уголовная ответственность должна наступать за нарушение целостности или разрушения хотя бы одного из указанных элементов.

Компьютерную информацию можно определить и как информацию, которая зафиксирована на машинном носителе или передана по телекоммуникационным каналам в форме, доступной для восприятия компьютером.

Компьютерная информация может существовать в виде явно лживой рекламы, фальсифицированных избирательных документов, документов референдумов, заведомо ложного сообщения об актах терроризма, порнографических материалов. Она может использоваться при фальсификации доказательств, сознательно ложном доносе, незаконном получении кредита, неправомерных действиях при банкротстве, кражах и других действиях.

Криминалистически значимая компьютерная информация имеет такую специфику:

- компьютерная информация, как правило, достаточно объемная и быстро обрабатывается;
- компьютерная информация достаточно легко и, как правило, бесследно уничтожается;
- компьютерная информация обличена, то есть между информацией и лицом, которому она принадлежит, отсутствует четкая связь;
- этот вид информации может находиться только на машинном носителе;

– данный вид информации может создаваться, изменяться, копироваться, использоваться только с помощью компьютера при наличии соответствующих периферийных устройств считывания машинных носителей информации;

– данная информация легко передается по телекоммуникационным каналам связи компьютерных сетей, причем практически любой объем информации можно передать на любое расстояние.

Кроме вышесказанного, можно отметить относительную простоту в пересылке, преобразовании, размножении компьютерной информации. При изъятии информации, в отличие от изъятия вещей, она легко сохраняется в первоисточнике. Доступ к одному и тому же файлу, содержащему информацию, могут одновременно иметь несколько пользователей.

Уничтожение информации – это наиболее опасное явление среди действий с информацией. В связи с введением в УК Украины термина «уничтожение информации» наметились различные трактовки этого понятия. Относительно понятия «уничтожение компьютерной информации» в юридической литературе нет единого мнения. В.В. Крылов под уничтожением компьютерной информации понимает полную физическую ликвидацию или ликвидацию таких ее элементов, которые влияют на изменение существенных идентифицирующих, информационных признаков [6, с. 47].

П.П. Андрушко считает, что под уничтожением информации следует понимать ее утрату, когда информация в компьютере, ее системе или компьютерных сетях перестает существовать для физических и юридических лиц,

которые имеют право собственности на нее в полном или ограниченном объеме [7, с. 785]. Вместе с тем необходимо отметить, что и такое определение является не точным: оно позволяет считать уничтожением информации случаи, когда с технической точки зрения она не уничтожается, а например, перемещается на носитель лица, который не имеет права собственности на такую информацию, изымается носитель компьютерной информации. Одновременную пересылку информации на другой машинный носитель нельзя считать уничтожением компьютерной информации только в том случае, если в результате этих действий доступ правомерных пользователей к информации не усложнился или остался возможным.

По нашему мнению, под уничтожением компьютерной информации следует понимать полную физическую ликвидацию всей информации или той части, без которой идентифицировать весь объем информации невозможно.

Искажение информации – это изменение ее содержания, нарушение ее целостности, в том числе частичное уничтожение [7, с. 785]. С учетом состава исследуемого объекта можно определить, что искажение компьютерной информации влечет влияние на ее носителя, которое заключается в изменении содержания сведений, отраженных на носителе, без ведома владельца.

Для лица, имеющего право собственности на такую информацию, она становится полностью, частично или временно непригодной для удовлетворения информационной потребности.

Выводы. Анализ нормативного регулирования указанных действий позволил сформулировать следую-

щее определение: компьютерная информация – это информация, которая находится в информационной (компьютерной) среде и имеет идентификационные атрибуты. Нужно сказать, что различные терминологические несогласованности будут устранены в результате систематизации информационного законодательства Украины путем создания и принятия на законодательном уровне нового нормативно-правового акта – Информационного кодекса Украины.

Список использованной литературы:

1. Ершов А.П. Информация: от информационной грамотности к информационной культуре общества / А.П. Ершов // Коммунист. – 1988. – № 2. – С. 82–85.
2. Рассолов М.М. Управление, информация и право / М.М. Рассолов. – М., 1983. – 135 с.
3. Компьютерные преступления. Правовая база борьбы с ними // Профессинал. – 2004. – № 6. – С. 30–38.
4. Конвенція про кіберзлочинність від 23 листопада 2001 р. // Офіційний вісник України. – 2007. – № 65. – С. 107. – Ст. 2535.
5. Про захист інформації в автоматизованих системах : Закон України [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/2594-15>.
6. Крылов В.В. Информационные компьютерные преступления / В.В. Крылов. – М. : Инфа-М ; Норма, 1997. – С. 47.
7. Науково-практичний коментар до Кримінального кодексу України / відп. ред. С.С. Яценко. – К., 2001. – С. 785.

NOTIȚE